

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

ГРАЧЕВА Юлия Александровна

**ОСОБЕННОСТИ ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДА НАСИ В КИТАЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Специальность 07.00.03 –

Всеобщая история. (Новое и новейшее время)

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

<p>Научный руководитель: доктор исторических наук Горбунова Светлана Алексеевна</p>
--

**Научный консультант:
доктор политических наук
Виноградов Андрей Владимирович**

Москва 2019

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Общие сведения и история наси с I в. н.э. до республиканского периода (1912 г.)	23
1.1. Общие сведения о наси	23
1.2. Проблема мосо	28
1.3. Этногенезис народа наси и происхождение их названия	30
1.4. Краткая история наси с древнейших времен до конца Цин	33
Глава 2. Положение народа наси в республиканский период (1912-1949) ..	50
2.1. Историография народа наси в республиканский период	50
2.2. Политическая ситуация в Лицзяне в республиканский период	56
2.3. Теоретические основы национальной политики Китайской республики	61
2.4. Экономическое развитие населенных наси районов в республиканский период	68
2.5. Деятельность миссионеров и состояние духовной культуры наси	78
2.6. Новая образовательная политика в Лицзяне и её влияние на уровень культурного развития среди наси	82
Глава 3. Положение наси в период с 1949 г. до перехода к политике реформ и открытости в 1979 г.	87
3.1. Историография народа наси с 1949 по 1979 г.	87
3.2. Теоретические основы национальной политики КПК	94
3.3. Практическая реализация национальной политики на примере Лицзяна	103
3.4. Экономическое развитие населенных наси районов с 1949 по 1979 г.	112

3.5. Вопросы и проблемы образования наси с 1949 по 1979 г.	119
3.6. Духовная и материальная культура наси с 1949 по 1979 г.	126
Глава 4. Положение наси в период реформ и открытости с 1979 по 2018 г.	145
4.1. Трансформация теоретических и правовых основ национальной поли- тики с началом периода реформ в КНР	145
4.2. Экономическое развитие населенных наси районов с 1980-х по 2018 г.	161
4.3. Изменения в области языковой и образовательной политики с началом периода реформ и открытости и по 2018 г.	165
4.4. Положение традиционной культуры дунба с началом политики реформ и открытости и по 2018 г.	175
4.5. Проблема этнической самоидентификации наси в XXI веке	183
4.6. Влияние глобализации на жизнь народа наси в XXI веке	188
Заключение	203
Список использованной литературы	214

Введение

Китайская Народная Республика является одной из крупнейших полиэтничных стран мира со сложной национальной ситуацией. В КНР, где официально насчитывается 56 национальностей, согласно переписи 2010 г. титульная нация хань составляет 91,51% населения [7]. Значительный интерес представляет вопрос о том, как складывались взаимоотношения между титульной нацией и малочисленными народами на протяжении истории страны и, конечно, в XX-XXI столетиях. На протяжении всего этого времени Китаю удавалось не только сохранять целостность, но и урегулировать множество межнациональных проблем и противоречий.

Положение малочисленных народов в многонациональных государствах — одна из наиболее актуальных тем в современной науке. Проблемы внутригосударственных конфликтов, национальной самоидентификации, сохранения разнообразия материальной и духовной культуры национальных меньшинств лежат в плоскости отношений между государством, титульной нацией и малочисленными народами. В связи с этим высока актуальность научных исследований, направленных на изучение национальной политики таких многонациональных государств, как КНР. Значительный интерес представляет исследование опыта решения национальных проблем в подобных государствах как в теоретическом, так и в практическом плане.

В данном диссертационном исследовании проблемы взаимоотношений между титульной нацией и национальными меньшинствами анализируются на примере хань и наси, большая часть которых проживает в Юйлун-Насиском автономном уезде провинции Юньнань. В диссертации была предпринята попытка проанализировать генезис взаимоотношений между этими народами, рассмотреть их эволюцию в историческом аспекте, а также на их примере составить представление об отношениях китайского госу-

дарства и малочисленного народа в XX столетии. Особенное внимание в данном исследовании было уделено рассмотрению отношений между хань и наси в XX веке в контексте национальной политики КПК, которая прошла сложный путь поисков как в ее теоретических обоснованиях, так и в их практических приложениях, что позволило, преодолевая ошибки, накопить позитивный опыт. В центре интересов диссертанта находятся теоретические аспекты национальной политики КНР в XX — начале XXI столетий. В связи с этим предпринимается анализ её всестороннего влияния на различные сферы жизни наси — традиционную материальную и духовную культуру, общественные и семейные отношения, язык и этническую самоидентификацию.

В диссертации делается попытка критически осмыслить историю взаимоотношений хань и наси, проанализировать их специфику. Национальная ситуация в Китае имеет ряд особенностей, среди которых — неравномерное территориальное распределение национальностей. Основная масса народа наси проживает в провинции Юньнань в Юго-Западном Китае, который отличается наибольшей этнической пестротой среди всех регионов страны. До возникновения КНР численность национальных меньшинств в этой провинции превосходила хань, что оказывало влияние на их положение. Другая черта национальной ситуации в Китае на территориях, населенных наси (впрочем, как и в других регионах), — большая неравномерность в социально-экономическом развитии национальных меньшинств, среди которых наси на протяжении всей истории являлись одним из наиболее развитых народов, что также оставило отпечаток на специфику их взаимоотношений с хань.

Специфика исторического пути развития наси повлияла на особенности эволюции взаимоотношений между ними и ханьцами. Политический, экономический и культурный центр наси Лицзян с древних времен играл

важную роль торгового узла на пути караванных маршрутов, в том числе и южного Шелкового пути. Отдаленность данного региона от центра, близость к Тибету оказали влияние на становление и развитие народа наси, а также на их взаимоотношения с китайским государством. Вплоть до середины XX столетия этот народ отличался своей экономической и культурной самостоятельностью даже будучи включенным в административно-территориальную систему страны на ранних этапах своей истории. В период усиления влияния ханьской культуры в юго-западном Китае в XVII – начале XX вв. наси не только смогли адаптироваться к новым политическим и социальным условиям — на эти века пришёлся расцвет традиционной культуры и верований наси дунба. Самый сложный и малоизученный период взаимоотношений между хань и наси — период «большого скачка» и «культурной революции», когда духовная и материальная культура этого народа понесла огромный урон, а национальная политика государства была направлена на фактическое уничтожение этнической идентичности как наси, так и других национальных меньшинств. Тем не менее, с 1980-х гг. с изменением курса национальной политики, наметились перемены и в отношениях между титульной нацией и наси. Эволюция их взаимоотношений перешла на новый этап, на котором в соответствии с духом реформенного времени улаживались национальные проблемы между наси и хань на законодательном уровне. В XXI веке глобализация оказывает влияние на жизнь наси, а национальная политика китайского государства строится с учётом вовлечения народа наси в новые всемирные процессы, в которых большую роль играют коммерциализация народной культуры и туризм.

В исследовании предпринята попытка суммировать и проанализировать все доступные источники (главным образом на китайском языке) для объективного описания истории положения наси в Китае. Диссертантом были неоднократно совершены поездки в КНР, в частности в Юйлун-

Насиский автономный уезд, где были собраны интервью с представителями народа наси, а также китайскими исследователями истории и культуры этого народа, благодаря чему удалось получить ряд уникальных сведений. Несмотря на отсутствие русскоязычных и незначительное число англоязычных трудов, посвященных положению народа наси в Китае, в ходе исследования диссертант стремился сохранить объективность, не следуя идеализированным и политизированным позициям китайских ученых, большинство которых в настоящее время стараются оправдать и защитить национальную политику КПК по отношению к наси в годы «большого скачка», «культурной революции» и последующие годы реформ.

Актуальность исследования определяется проблемой отношений титульной нации и национальных меньшинств (на примере хань и наси), а также проблемой сохранения народа, его традиционной духовной и материальной культуры, языка.

Объектом исследования является положение народа наси в китайском обществе в историческом контексте.

Предмет исследования – эволюция положения народа наси под влиянием взаимоотношений с титульной нацией хань, адаптация наси к новой социально-политической среде, трансформация традиционной культуры наси и образа их жизни под влиянием национальной политики КНР на разных этапах развития государства, проблема сохранения этнической идентичности наси на современном этапе.

Цель работы состоит в том, чтобы понять, каким образом и в под влиянием каких факторов национальной политики происходили изменения в различных аспектах жизни народа наси в период Китайской республики и КНР.

Достижение поставленной цели исследования потребовало решения следующих **задач**:

- изучить особенности исторического формирования народа наси и его традиционной культуры;
- выделить этапы эволюции положения народа наси в китайском обществе;
- выявить специфику формирования взаимоотношений между хань и наси в различные исторические периоды (республиканский и КНР);
- проанализировать методы реализации национальной политики КПК в различные исторические периоды (республиканский и КНР) на территориях проживания народа наси;
- проанализировать содержание основных нормативных и правовых актов, регламентирующих сферу взаимоотношений национальностей в КНР (как общегосударственных, так и касающихся Юйлун-Насиского автономного уезда и народа наси), а также наиболее важные взгляды политических лидеров страны о проблемах в сфере национальной политики страны;
- выявить результаты влияния национальной политики на различные аспекты жизни наси в различные периоды истории КНР;
- провести комплексное исследование трансформации состояния различных аспектов жизни этого народа в период Китайской республики и КНР.
- проследить на примере наси, насколько национальная политика КНР отвечает интересам национальных меньшинств.

Хронологические рамки исследования охватывают новейшую историю Китая с образования Китайской Республики в 1911 г. по XIX съезд КПК в 2017 г. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что в республиканский период истории Китая начинается формирование основ национальной политики государства, когда объединение нации являлось одной из важнейших задач государства. Хронологические рамки работы охватывают также 2018 г., что обусловлено произошедшими изменениями в жизни

наси, подтвержденными полевыми материалами за соответствующий период, иллюстрирующими практические аспекты курса национальной политики государства, выдвинутого на XIX съезде КПК в 2017 г.

Территориальные рамки работы включают в себя территорию, населенную народом наси, в первую очередь Юйлун-Насиский автономный уезд.

Источниковая база исследования. Автором были использованы разнообразные документальные источники на китайском, английском и русском языках. В их числе нормативно-правовые, делопроизводственные и публицистические источники, а также интервью, взятые в ходе полевых исследований.

В процессе исследования был проанализирован обширный массив нормативно-правовых источников, к которым относится ряд партийных и государственных документов, разработанных с целью реализации на практике национальной политики КПК. Рассмотрены документы как общегосударственного уровня, так и регламентирующие акты провинциального и местного уровней. Среди них Конституция¹ и законы КНР², законодательные акты по Юйлун-Насискому автономному уезду³, затрагивающие раз-

---

1

Временная Конституция, 1912. <https://worldconstitutions.ru/?p=569> (1.02.2019); 9. Конституционная программа Китайской Советской Республики. I ССРКСП, 1934. // Конституционные акты Китая. Хрестомантия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 44-55.; Конституция Китайской Народной Республики. Изд-во литературы на иностранных языках. Пекин, 1954; Конституция Китайской Народной Республики, 1975 г. // Конституционные акты Китая. Хрестомантия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 101-106; Конституция Китайской Народной Республики, 1978 г. // Конституционные акты Китая. Хрестомантия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 106-115; Конституция Китайской Народной Республики, 1982 г. <https://chinahelp.me/information/konstitutsiya-knr-1982-g-s-izm-1988-1993-1999-2004-gg> (1.02.2019).

² Миньцзу чжэнцэ вэньцзянь хуэйбянь (Сборник директивных документов национальной политики). Жэньминь чубаньшэ, Пекин, 1958. Кн.1, С.70; Чжунхуа жэньминь гунхэго миньцзу цюйюй цзычжи фа (1984 няньбань). (Закон о национальной автономии КНР (1984). - <http://www.hebmzt.gov.cn/html/flfg/20181207/877.html> (1.02.2019); Чжунхуа жэньминь гун хэ го миньцзу цюйюй цзычжи шиши ганяо (1952). (Основные принципы осуществления местной национальной автономии в КНР (1952) // Сицзян чжэн бао, 1952. №8. С.11

³ Лицзян насичзу цзычжисянь Юйлун сюэшань гуаньли тяоли.1993. (Положение об управлении Юйлун сюэшань Лицзян-Насиского автономного уезда. 1993).<https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%BD%E6%B1%9F%E7%BA%B3%E8%A5%BF%E6%97%8F%E8%87%AA%E6%B2%BB%E5%8E%BF%E7%8E%89%E9%BE%99%E9%9B%AA%E5%B1%B1%E7%AE%A1%E7%90%86%E6%9D>

личные аспекты жизни народа наси.

Среди делопроизводственных документов можно выделить официальные статистические документы⁴, а также доклады о работе местного правительства, а также информационные бюллетени⁵.

Большую ценность представляет собой наличие в диссертации источников периодических и публицистических материалов 1950-1970-х гг., обусловленную труднодоступностью материалов по периодам «большого скачка» и «культурной революции»⁶.

<https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%BD%E6%B1%9F%E7%BA%B3%E8%A5%BF%E6%97%8F%E8%87%AA%E6%B2%BB%E5%8E%BF%E8%87%AA%E6%B2%BB%E6%9D%A1%E4%BE%8B/18579345?fr=aladdin> (1.02.2019); Лицзян насицзу цзычжисянь цзычжи тяоли. 1990 (Положение об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда. 1990). <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%BD%E6%B1%9F%E7%BA%B3%E8%A5%BF%E6%97%8F%E8%87%AA%E6%B2%BB%E5%8E%BF%E8%87%AA%E6%B2%BB%E6%9D%A1%E4%BE%8B/18579345?fr=aladdin> (1.02.2019); Юйлун насицзу цзычжисянь жэньминь чжэнфу гуаньюй тяочжэн чунши юйлун сянь наси дунба вэньхуа шуцзыхуа баоху чуаньмэй чжунсинь сяньму линдао сяоцзу дэ тунчжи. 2008. (Сообщение Народного правительства Юйлун-Насиского автономного уезда о регулировании содержания сообщения группы руководителей проекта медиа-центра уезда Юйлун по защите и оцифровыванию наследия культуры дунба. 2008). <http://www.yulong.gov.cn/Item/8632.aspx> (1.02.2019); Юньнаньшэн Лицзян лиши вэньхуа минчэн баоху гуаньли тяоли. 1994. (Положение провинции Юньнань о сохранении и защите известного культурно-исторического города Лицзян. 1994) <http://www.chinaacc.com/new/63/74/117/2006/1/li364019403619160025488-0.htm> (1.02.2019); Юньнаньшэн Лицзян-Насицзу цзы чжи сянь дунба вэньхуа баоху тяоли (Положение провинции Юньнань об охране культуры дунба Лицзян-Насиского автономного уезда. 2001) <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg22598/145674.shtml> (1.02.2019); Юньнаньшэн Лицзян-Насицзу цзы чжи сянь линье гуаньли тяо ли (Положение о лесном хозяйстве Лицзян-Насиского автономного уезда провинции Юньнань). 1993. <http://www.chinacourt.org/law/detail/1993/04/id/73152.shtml> (1.02.2019); Юньнаньшэн Лицзян-Насицзу цзы чжи сянь чэнши шижун хэ хуаньцзинвэйшэн гуаньли тяоли (1999). (Положение Лицзян-Насиского автономного уезда об охране облика города и чистоты окружающей среды) (1999). http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=34176 (1.02.2019).

⁴ 2010 нянь Лицзянши ди лю цы цюаньго жэнькоу пуча чжюяо шуцзюй гунбао. (Статистический бюллетень Всекитайской шестой переписи населения 2010 г. по городу Лицзян. 2010) <https://wenku.baidu.com/view/81dc0b681eb91a37f1115ca7.html> (1.02.2019); Ди и цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао. 1953. (Официальный бюллетень первой всеобщей переписи Китая. 1953.) http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/200204/t20020404_30316.html (1.02.2019); 17. Ди лю цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао. 2010. (Официальный бюллетень шестой всеобщей переписи Китая. 2010) <http://www.stats.gov.cn/ztc/zdtjgz/zgrkpc/dlcrkpc/> (1.02.2019); Ди сань цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао. 1982. (Официальный бюллетень первой всеобщей (Официальный бюллетень третьей всеобщей переписи Китая. 1982.) http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/200204/t20020404_30318.html (1.02.2019);

⁵ 2015 нянь Лицзян ши чжэнфу гунцзо баогао цюаньвэнь. (Полный текст доклада о работе правительства города Лицзяна в 2015 г.). <http://www.gkstk.com/article/1425249947277.html> (1.02.2019); Юньнань шэн жэньминь чжэнфу тунбао 云南省人民政府通报 (Информационный бюллетень народного правительства провинции Юньнань) // Юньнань чжэн бао, Куньмин, 1950, №6, С.110

⁶ Бо Маосюнь. Ханьюй пиньинь фанань цуцзинь лэ сюнди миньцзу вэньхуа дэ фачжань. 汉语拼音方案促进了兄弟民族文化的发展 (Проект фонетической транскрипции китайского языка ускорил развитие культур братских народов) // Юйвэнь цзяньши, 1962. №02. С.12; Ван Вэйчжоу. Синань цюй миньцзу гунцзо дэ баогао. 西南区民族工作的报告. (Рабочий доклад о народах Юго-Западного района) // Юньнань чжэн бао, 1951 年 08 期. С. 19-21.; Ван Ичжун. Юньнань миньцзу ганьбу цзай цюньчжун юньдун чжун чэнчжан 云南民族干部在群众运动中成长 (Национальные кадры Юньнани формируются в процессе народного движения) // Чжунго миньцзу, 1959. №6. С.23; Во го шаошу миньцзу юйянь вэньцзы. 我国少

Помимо вышеперечисленных источников, в диссертации были использованы материалы полевых исследований, проводившихся диссертантом в районах проживания наси в Китае с 2011 по 2018 гг., полученные путём интервьюирования местных жителей, а также сбора визуального материала.

Историографический обзор. Обращаясь к отечественной историографии, следует отметить, что проблематика национальной политики КНР рассматривалась главным образом, в научных трудах А.А.Москалева, В.А.

数民族语言文字. (Язык и письменность малочисленных народов Китая) // Чжунго миньцзу, 1958 № 2. С. 7; Го Цзучжао. Юньнань Лицзян дифан чань ма гайкуан. 云南丽江地方产马概况. (Сведения о положении коневодства в Лицзяне провинции Юньнань) // Юньнань шэн нунлитин чу му шияньчань. Куньмин, 1954, №3. С. 106-107; Е Цю. Лицзян син. 丽江行.(Путешествие в Лицзян) // Вэнь у, 1961. №2, С.40; 138. Ли Цянкэ. Миньгэ (наси цзу). 民歌(纳西族). (Народная песня (наси)) // Юньнань цзяо юй. 1959, № 2. С.28; Лин Шэнь. Цзи и, цян, наси цзу дэ «ян гу бу». 记彝、羌、纳西族的"羊骨卜" (Древнее гадание на бараньих костях у и, цян и наси) // Каогу сюе. Пекин, 1963, №3, С.162-166; 144. Лицзян чжуаньшу чэнли илай дэ гунцзо цзунце баогао 丽江专属成立以来的工作总结报告 (Сводный рабочий отчёт за время образования правительства Лицзяна) // Юньнань чжэн бао, 1950. №6. с.83-88.; Люй Доу. Насицзу дэ "Цилао гэхуэй". 纳西族的“耆老歌会” («Песенный ансамбль стариков» народа наси)// Жэньминь иньюэ. Пекин, 15.12.1958, С.30; Му Шалун, Хэ Цзиньюй. Напси цзу жэнь дэ ге юэ чан юэ до. 纳西人的歌越唱越多 (Всё больше и больше исполняется песен народа наси) // Жэньминь вэньсюэ. 1960-10-27. С.7-8; Наси цзу хуацзя Чжоу Линь цзай цзин цзюйсин хуачжан 纳西族画家周霖在京举行画展 (Насиский художник Чжоу Линь провёл выставку картин в столице)// Мэйшу. 1963. №5. С.21; 168. Оу Гэнь. Миньцзу вэньхуа гунцзо бисюй юй данцян дэ чжэнчжи, шэнчан доучжэн мице цзехэ. 民族文化工作必须与当前的政治、生产斗争密切结合 (Работа по национальной культуре непременно должна проводиться в тесном союзе с нынешней политической и производственной борьбой) // Миньцзу яньцзю, 1959. №1. С.7-13; Сун Эньчан. Наси цзу дэ муси цзятин. 纳西族的母系家庭. (Матриархальная система народа наси) // Чжунго миньцзу. Пекин, 1962№8, С.32-39; 172. Сун Чжаолин. Юньнань Юннин наси цзу дэ цзансу 云南永宁纳西族的葬俗 (Погребальные традиции народа наси Юннина провинции Юньнань) // Каогу, 1964. №4. С.200-204; 175. Сяо дуй гунцзо е инлай игэ юэцзинь 校对工作也应来一个跃进(Работа корректировщиков тоже совершает прорыв) // Жэньминь иньюэ, 1959. №1. С.14; 176. Ту. Наси цзу сяньсин вэньцзы. 纳西象形文字 (Пиктографическое письмо наси). // Вэньцзы гайгэ. Пекин, 1962, №8. С.1; Фу Маоцзи. Банчжу шаошу миньцзу гэли, гайчжунь хэ гайгэ вэньцзы гунцзо дэ цинкуан хэ цзяньти. 帮助少数民族割立,改准和改革文字工作的情况和简題. (Положение и вопросы касательно помощи нацменьшинствам в подготовке и проведении реформы письменности) // Кэсюэ тунбао, Пекин. 1956. С. 20; Фу Маоцзи. Ханьюй пиньинь фанань цуцзинь лэ сюнди миньцзу вэньхуа дэ фачжань 汉语拼音方案促进了兄弟民族文化的发展 (Проект пиньиня китайского языка способствует развитию культуры братских народов) // Юйвэнь цзяньшэ, Пекин, 1962№2, С.2; 182. Фэн Му. Мосо жень дэ цзясян. 摩梭人的家乡 (Родина народа мосо) // Жэньминь вэньсюэ. Пекин, 1963№6, С.40-45; Чэн Сянцзюнь. Юньнань цайфэн сяо цзи 云南采风小记 (Небольшие заметки о народных обычаях Юньнани) // Жэньминь иньюэ, 1961№12, С. 29-30

Богословского⁷, Т.В. Лазаревой⁸. Среди более ранних работ по национальному вопросу в Китае можно выделить работы М.Казанина⁹, Г.Кара-Мурзы¹⁰, А.Г. Яковлева¹¹, Т.Р. Рахимова¹², Н.А.Тешилова¹³. Вопросы строительства автономии были рассмотрены в трудах К.А.Егорова¹⁴, Л.М.Гудошников¹⁵, А.Г.Яковлева¹⁶ и других. Знакомство с этими научными трудами помогло диссертанту в изучении особенностей национальной политики в Китае в новейшее время.

О народе наси и культуре дунба в отечественной историографии можно найти дополнительные сведения в работах А.М.Решетова¹⁷ 1960-х гг. В трудах этого исследователя акцент ставится на семейно-брачные отношения этнической группы мосо, которая с 1953 г. этнографами КНР официально включается в состав народа наси. В целом, в отечественной науке история, культура и положение наси остаются практически неизученными, что также обуславливает ценность данного диссертационного исследования.

В диссертационной работе была использована монография этнографа, доктора исторических наук Р.Ф. Итса — «Этническая история юга Восточ-

⁷А.А. Москалев.«Политика КНР в национально-языковом вопросе» (М., 1981 г.); А.А. Москалёв, В.А.Богословский. «Национальный вопрос в Китае (1911—1949)» (М., 1984 г.); А.А.Москалёв. «Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы)» (М., 1992 г.); А.А.Москалёв.«Теоретическая база национальной политики КНР (1949-1999)» (М., 2001 г.); А.А.Москалёв. «Нация и национализм в Китае» (М., 2005 г.).

⁸Т.В.Лазарева.«Кадровая политика КПК в национальных районах» (М., 1996 г.); Т.В.Лазарева.«К вопросу о становлении и развитии образования в национальных районах» (М., 2002 г.), Т.В.Лазарева.«Построение гармоничного общества и задачи национальной политики в Китае» (М., 2006 г.) и др.

⁹М.Казанин. «Национальный состав Китая» (Проблемы Китая №11. Партиздат, 1933 г.)

¹⁰Г. Кара-Мурза. «К постановке национального вопросы в Китае» (Проблемы Китая. № 13, Партиздат, 1934 г.)

¹¹«А.Г.Яковлев. Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике» (М., 1959 г.)

¹²Т.Р. Рахимов. «Судьбы неханьских народов в КНР». (М., 1981)

¹³Н.А.Тешилов, Т.Р. Раимов. «Великоханьский шовинизм Пекина в национальном вопросе (ПДВ, №2, М., 1974)

¹⁴К.А. Егоров. «Китайская Народная Республика: Политическая система и политическая динамика (80-е гг.)» (М., 1993 г.)

¹⁵Л.М. Гудошников. «Локализация правовых систем в особых административных районах КНР» (Китай в диалоге цивилизаций: К 70-летию акад. М.Л. Титаренко. М., 2004).

¹⁶А.Г. Яковлев. «Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике» (М., 1959)

¹⁷А.М. Ршетов. «Народы КНР» (совместно с Р.Ф. Итсом, М.В. Крюковым, Н.Н. Чебоксаровым) (Народы Восточной Азии. М.; Л., 1965); А.М.Решетов. «Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии» (М., 1968); А.А.Решетов. «Матрилинейная организация у наси/мосо» (VII международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964).

ной Азии» (1972 г). Несмотря на то, что в данной работе сведений об истории наси крайне мало (в нём в основном описываются народы ицзу и мяо), «Этническая история» даёт представление об исторических и этнических процессах в провинциях Юньнань и Сычуань в период формирования исследуемого в данной диссертации народа.

В области изучения культуры и языков национальных меньшинств в Китае особый интерес вызывают труды О.И.Завьяловой последних лет - «Итоги языковых реформ и традиционная культура в КНР» (2009 г.), «Языковая политика в современном Китае: защищенное единство в условиях глобализации» (2013 г.), а также «Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР» (2014 г.), которые способствовали более глубокому пониманию процессов влияния национальной политики КНР на изменение положения языка наси в наше время и проблему сохранения языков нацменьшинств в Китае в целом.

В англоязычных научных исследованиях положение народа наси в период КНР, а также история и культура этого народа являются более изученными темами, однако научных работ по исследуемой в данной диссертационной работе проблематике также очень мало. В первую очередь, следует отметить некоторые труды первой половины XX в. Самым полным описанием истории народа наси в период до образования КНР является труд американского исследователя австрийского происхождения Джозефа Рока (1884–1962)¹⁸ «Древнее государство наси на Юго-Западе Китая», которое было издано в 1948 г. на английском языке (Rock Joseph F. The Ancient Naxi Kingdom of Southwest China) и только в 1999 г. переведено на китайский язык (перевода на русский язык не существует). Дж. Рок, ботаник по роду своей деятельности, провёл в Китае двадцать семь лет (1922-1949)

¹⁸ В ходе экспедиции в Юго-Западный Китай в 2018 г. диссертанту довелось побывать в бывшем доме Дж.Рока в районе Лицзяна (бывшая деревня Байша) и взять интервью у местных жителей, которые лично знали этого исследователя и сохранили уникальные воспоминания о его работе и общении с наси.

— главным образом в провинциях Юньнань, Сычуань и Ганьсу. В Китае, помимо исследований растений Джозеф Рок стал глубоко изучать язык, культуру, религию наси. Итогом его почти тридцатилетних исследований кроме уже вышеупомянутого труда стал один из лучших по настоящее время словарь языка наси (Наси-английский энциклопедический словарь, изданный в Риме в 1963 г.). Следует отметить, что историю народа наси Дж. Рок составлял, опираясь на переводы текстов дунба, а также на сведения «из первых уст» от самих наси. В ходе написания диссертации использовались эта и другие работы этого исследователя - «Исследование литературы наси» (1937 г.), «Романтика обряда сюньцин» (1939).¹⁹

Отдельного упоминания также заслуживает книга П.Гулларта «Забывтое королевство» (1957 г.). П.Гулларт²⁰, эмигрант русского происхождения, волей судьбы оказавшийся в Лицзяне, провёл там несколько лет, занимался торговлей, врачеванием, вёл борьбу с опекуреннием, создавал и руководил производственными кооперативами и т.д. Хотя его труд не является научным, тем не менее, по значимости его можно сравнивать с полевыми записками — в нём содержится масса ценной этнографической, культурной, исторической информации о положении народа наси в республиканский период. «Забывтое королевство» так же как и работы Дж.Рока служит незаменимым источником информации «из первых рук» о жизни наси в первой половине прошлого столетия.

Из современных англоязычных фундаментальных трудов, исследующих национальную политику в КНР, следует отметить работы Джеймса

¹⁹ J.Rock.«The Ancient Nakhi Kingdom of Southwest China». 2 vols., illustrated. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1948; J.Rock. «A Nakhi-English encyclopedic dictionary. Rome». I.M.E.O., 1963; J.Rock.«Studies in Na-khi literature». - Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient, Vol, 37, 1937, pp. 1-120; J.Rock.«The Romance of K'a-ma-gyu-mi-gkyi». - Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient, Vol. 39, 1939, pp. 1-152.

²⁰ P.Goullart. Forgotten Kingdom, J. Murray, 1957.

Лэйболда²¹, Колина Макераса²², А.Бхалла, Д.Ло²³, Д. Керра²⁴. Среди специализированных работ, затрагивающих проблематику данного диссертационного исследования в первую очередь стоит отметить труд М.Хальскова «Урок быть китайцем: национальное образование и этническая идентификация в Юго-Западном Китае» (1999 г.)²⁵, в котором подробно описывается образовательная политика в республиканский период и в КНР на примере ряда народов Юго-Западного Китая, в том числе и наси. Также отдельного внимания заслуживает труд М. Оппитца «Этнография наси и мосо: родство, обряды и пиктограммы» (1998 г.)²⁶, в основу которого легли материалы полевых исследований автора и представляет ценность для изучения темы трансформации духовной культуры и обычаев наси в 1980-1990-е гг. В области исследований влияния глобализации и национальной образовательной и языковой политики в современное время следует отметить работу Юй Хайбо «Идентификация и образования в среде наси: становясь китайцем с идентификацией наси»²⁷.

Большинство западных работ акцентирует внимание на негативной роли китайского правительства в развитии и сохранении традиционной культуры национальных меньшинств, но в то же самое время в них представлен ряд сведений, которые невозможно найти в трудах китайских ученых.

В диссертации была предпринята попытка детально изучить ки-

²¹ James Leibold. «Ethnic Policy in China: Is Reform Inevitable?». Policy Studies (East-West Center Washington, vol.68. 2013; James Leibold. «Reconfiguring Chinese Nationalism». Palgrave Macmillan US, 2007.

²² Colin Patrick Mackerras. «China's minorities. Integration and modernization in the twentieth century». Oxford University Press, Oxford 1994; Colin Patrick Mackerras.«China's ethnic minorities and globalisation». Routledge-Curzon, New York, 2003.

²³ A. Bhalla, D. Luo. «Poverty and Exclusion of Minorities in China and India». Palgrave Macmillan, 2013

²⁴ Kerr, David. «China's Many Dreams: comparative perspectives on China's search for national rejuvenation». The Nottingham China Policy Institute Series. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015

²⁵ Halskov Hansen M. «Lessons in being Chinese. Minority education and Ethnic Identity in Southwest China». Hong Kong, 1999

²⁶ M. Oppitz. «Naxi and Moso Ethnography», Zurich, 1998

²⁷ Yu Haibo. «Identity and Schooling Among the Naxi: Becoming Chinese with Naxi Identity». Rowman & Littlefield, 2010.

тайскую историографию по теме исследования. Среди китайских научных работ, затрагивающих проблемы национальной политики в целом, выделяются труды Ван Бина²⁸, Ван Ивэня²⁹, Дай Сяомина³⁰, Дин Гоюна³¹, Ли Вэйханя³² и др. Работы этих исследований посвящены решениям национального вопроса в рамках конкретной теории на том или ином историческом этапе развития КНР, а также практическим достижениям национальной политики. В работах китайских авторов подчеркивается позитивная роль взвешенной политики КПК, в результате которой титульная нация хань оказывает помощь в экономическом и культурном развитии национальным меньшинствам страны, что способствует построению всеобщего социалистического будущего в Китае.

Ввиду специфики исследуемой в данной работе проблематики, было изучено и проанализировано большое количество китайских работ, посвященных исследованиям различных аспектов жизни народа наси с середины XX в. и вплоть до наших дней. Среди множества китайских исследователей наси следует выделить работы Ян Фуцюаня³³, затрагивающие проблемы ис-

²⁸Ван Бин. Миньцзучжуй цзай гоци фачжань чжун дэ инсян хэ цзоун. 民族主义在国际发展中的影响和作用 (Влияние и роль национализма в международном развитии) // Миньцзу яньцзю. 1997. №2

²⁹Ван Ивэнь. Лунь шэхуэйчжуй шици дэ миньцзу вэньти. 论社会主义时期的民族问题 (О национальном вопросе периода социализма) // Шаньси дасюэ сюэбао. 1982. №4.

³⁰Дай Сяомина. Синь Чжунго миньцзу фачжи цзяньшэ: шици чжи цзяо дэ хуэйгу юй цянчжань. 新中国民族法制建设:世纪之交的回顾与前瞻 (Этноправовое строительство в Новом Китае: ретроспективный взгляд и перспективы на рубеже столетий) // Миньцзу яньцзю. 1999, №5; Дай Сяомина. Гуаньюй миньцзу цзячжи дифан цайчжэн цзячжи цзи ци фалюй вэньти. 关于民族自治地方财政自治及其法律问题 (О финансовой автономии и её правовом аспекте в районах национальной автономии) // Миньцзу яньцзю. 1997. №6

³¹Дин Гоюн. Яо цзяньчи миньцзу пиньдэн дэ юаньцзэ. 要坚持民族平等原则 (Нужно отстаивать принцип национального равноправия) // Гуанмин жибао. 1980. 9 ноября.

³²Ли Вэйхань. Туньи чжаньсянь вэньти юй миньцзу вэньти 统一战线问题与民族问题(Проблема единого фронта и национальный вопрос). Пекин, 1982.

³³Ян Фуцюань. Наси цзу юй цзанцзу лиши гуаньси яньцзю. 纳西族与藏族历史关系研究 (Исследование исторической связи народа наси и тибетцев). Куньмин, 2006; Ян Фуцюань. Дандай Юньнань наси цзу цзянь ши. 当代纳西族简史(Краткая современная история народа наси Юньнани). Куньмин, 2012; Ян Фуцюань. До юань вэньхуа юй наси шэхуэй. 多元文化与纳西社会(Культурное многообразие и общество наси). Куньмин, 1998.

тории, культуры и языка этого народа, а также Фу Маоцзи³⁴, Ли Жумина³⁵ и др.

Методология исследования диссертационная работы обусловлена многоаспектным характером избранной темы. В работе были использованы основные принципы и методы исторической науки. Автор провёл исследование в соответствии с принципами историзма, научной объективности, достоверности и системности.

Принцип историзма позволил рассмотреть положение народа наси, а также состояние отношений хань с этим народом в Китае на разных этапах развития государства, установить причинно-следственные связи, выявить складывающиеся тенденции и закономерности развития проблематики, прийти к соответствующим выводам. В работе приводится хронологически-последовательный комплексный анализ положения народа наси в контексте смены курсов национальной политики государства, перечисляются и описываются правовые нормы на каждом этапе её развития. Анализируется влияние практической реализации теоретических основ национальной политики на каждый из основных аспектов жизни народа наси (социальный, экономический, культурный, бытовой), системно и поэтапно прослеживается их эволюция.

Принцип научной объективности позволяет рассматривать исторические факты, с точки зрения объективных закономерностей. Так, рассмотрение влияния процессов глобализации на жизнь народа наси в XXI в. с нескольких точек зрения: западных и китайских исследователей, а также са-

---

³⁴Фу Маоцзи. Банчжу шаошу миньцзу гэли, гайчжунь хэ гайгэ вэньцзы гунцзо дэ цинкуан хэ цзяньти. 帮助少数民族割立, 改准和改革文字工作的情况和简题. (Положение и вопросы касательно помощи нацменьшинствам в подготовке и проведении реформы письменности) // Кэсюэ тунбао, Пекин. 1956. С. 20; Фу Маоцзи. Ханьюй пиньинь фанань цуцзинь лэ сюнди миньцзу вэньхуа дэ фачжань 汉语拼音方案促进了兄弟民族文化的发展 (Проект пиньиня китайского языка способствует развитию культуры братских народов) // Юйвэнь цзяньшэ, Пекин, 1962№2, С.2.

³⁵Ли Жумин. Лицзян наси цзу цзычжи сянь. 丽江纳西族自治县. (Лицзян-Насиский автономный уезд). Куньмин, 2001.

мих наси, позволило достичь объективности в ходе изучения данной проблематики.

Принцип достоверности предполагает опираться на факты, комплексно изучать каждое явление, учитывая его положительные и отрицательные стороны. Осуществление этого принципа проводилось на основе привлечения не только научных трудов китайских, западных и российских исследователей, но также с помощью достоверных источников — правовых актов, делопроизводственных документов. Материалы интервью и опросов, полученные в результате полевых исследований полностью соответствуют реализации принципа достоверности в диссертации.

В рамках анализа отношений наси и хань, а также положения наси на разных этапах развития государства был использован системный метод. Исследование проводилось с учетом особенностей национальной ситуации в стране в её историческом и политическом аспектах, а также с учетом специфики формирования и развития народа наси, его культуры материальной и духовной культуры. Системный метод позволил составить целостное представление о комплексе взаимоотношений наси и хань, а также таких факторах влияния на жизнь малочисленного народа в Китае как национальная политика государства и общемировые процессы.

В работе также был использован сравнительно-исторический метод, позволивший рассмотреть положение малочисленного народа наси и современном этапе в сравнении с ситуацией до начала периода реформ.

Научная новизна исследования. Диссертация представляет собой первое в отечественной науке комплексное исследование истории и трансформации положения народа наси в китайском обществе.

Вопросы регулирования национальных отношений в Китае довольно широко представлены в исследованиях российских ученых, посвященных положению национальных меньшинств в Северо-Западном, Северном и Се-

веро-Восточном Китае, а также Тибете. Однако работы, посвященные положению малочисленных народов Юго-Западного Китая, в частности, в провинции Юньнань, отсутствуют в российской научной литературе. Национальная политика в отношении малочисленных народов Юго-Запада обладает своей спецификой и требует специального исследования. Несмотря на значительный научный интерес к национальной политике КНР в целом и наличие фундаментальной проработки прежде всего её социально-политических аспектов, слабо представлен комплексный анализ положения большинства национальных меньшинств, трансформации их духовной и материальной культуры в историческом контексте. Кроме того, в отечественной историографии отсутствуют фундаментальные работы, посвященные истории народа наси, а также его культуре дунба, которая представляет собой уникальное явление, находится под защитой ЮНЕСКО и привлекает внимание западных исследователей. Данное диссертационное исследование помогает восполнить этот пробел в отечественной литературе, а также создать задел для дальнейших исследований других аспектов этой тематики.

В работе проанализирована история и эволюция положения народа наси в китайском обществе с республиканского периода до наших дней, выявлена зависимость состояния и развития социальной, экономической и культурной сфер жизни наси в КНР от теоретических установок национальной политики КПК и методов их проведения. Впервые в отечественной синологии комплексно рассмотрены все основополагающие нормативно-правовые акты, регламентировавшие национальную политику КНР в Юйлун-Насиском автономном уезде на разных этапах её становления.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историческое формирование народа наси и его традиционной культуры происходило независимо от хань и китайского государства с 1-2 вв н.э. до эпохи Юань (1271-1368). В эпоху правления династий Юань и

Мин (1368-1644) внедряется китайская бюрократическая система управления на территориях, населенных наси. Интеграция социальной и экономической жизни народа наси в модель китайского государства активно начинается с эпохи династии Цин (1644-1911), однако происходит только на уровне правящего класса.

2. Основные этапы эволюции положения народа наси после падения династии Цин соответствуют хронологическим этапам развития государства в Китае в XX-XXI вв.

3. Теоретические основы национальной политики государства в разные исторические периоды (республиканский и КНР) играли первостепенную роль в формировании взаимоотношений между наси и хань. Характер влияния в каждом историческом периоде имел свою специфику, положительные и отрицательные стороны.

4. Практические методы реализации национальной политики КПК на населенных наси территориях оказывали и продолжают оказывать непосредственное влияние на традиционную материальную и духовную культуру этого народа, общественное устройство (в том числе семейно-брачные отношения), язык и уровень экономического развития.

5. С началом политики реформ и открытости в связи со сменой курса национальной политики государства отношения хань и наси начинают развиваться на качественно новом уровне, с учётом соблюдения прав и интересов нацменьшинств. Государство принимает меры по восстановлению национальной культуры наси.

6. Национальная политика в сфере образования и языка, наряду с экономическим развитием районов проживания нацменьшинств, — важный инструмент формирования взаимоотношений хань и наси, одновременно является фактором, влияющим на сохранение и развитие традиционной культуры и образа жизни малочисленных народов Китая, в том числе наси.

7. В XXI веке народ наси находится под влиянием процессов глобализации, что приводит к последствиям различного характера: с одной стороны, коммерциализация и популяризация традиционной культуры дунба, рост материального благосостояния наси; с другой — постепенное исчезновение аутентичной традиционной культуры этого народа.

8. В настоящее время, в рамках национальной политики, проводимой КПК, ханизация народа наси продолжает усиливаться.

Теоретическое значение – материалы данной диссертации могут способствовать углублению понимания исторических процессов, происходящих в Юго-Западном Китае в XX-XXI в., а также расширить представление об особенностях национальной политики и решений национальных проблем в китайском государстве.

Практическая значимость работы состоит в том, что основные выводы могут быть использованы для более глубокого понимания результатов и последствий практической реализации тех или иных методов национальной политики в такой полиэтнической стране как КНР. В связи с чем, выводы данной работы могут быть полезными для решения аналогичных проблем положения ряда национальных меньшинств в РФ.

Результаты диссертации могут быть использованы при проведении исследовательских работ по общей истории, этнографии и праву Китая. Использоваться в курсах по этнической истории стран Восточной Азии, национальной политике КНР, а также социальной антропологии стран Востока.

Результаты данного исследования могут быть полезны для сотрудников дипломатических структур, углубляя понимание основ формирования национальной политики КНР, специфики отношений титульной нации (что фактически означает государство) с национальными меньшинствами. Это дает возможность углубить понимание истоков конфликтных ситуаций на национальной почве в ряде регионов Китая, а также понять методы их ре-

шения правительством страны, а значит спрогнозировать возможные реакции на те или иные проблемные ситуации в сфере взаимоотношений государства и малочисленных народов.

Апробация исследования. Основные положения диссертации изложены в четырнадцати статьях, в т.ч. в трёх статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК³⁶, а также в докладах на научных конференциях (в т.ч. «Общество и государство в Китае» ИВ РАН - 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 г., ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН - 2016, 2017, 2018, 2019 г.).

Структура работы определяется задачами диссертационного исследования и состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы.

---

³⁶ Грачева Ю.А. Положение народа наси в КНР в первое десятилетие политики реформ и открытости // Проблемы Дальнего Востока, №6, 2015. С.102-115.; Грачева Ю.А. Характерные черты жизни народа наси в республиканский период в Китае (1912-1949) // Общество: философия, история, культура. - Издательский дом "Хорс" (Краснодар), 2017. С. 72-74; Грачева Ю.А. Влияние глобализации на нацменьшинства в КНР (на примере наси) // Проблемы Дальнего Востока, №1, 2017. С. 99-106.

Глава 1. Общие сведения и история наси с I в. н.э. до республиканского периода (1912 г.)

1.1. Общие сведения о наси

Наси – тибето-бирманский народ, большая часть которого проживает в провинции Юньнань (Юйлун-Насиский автономный уезд, уезды Вэйси, Чжундянь, Нинлан, Дэцин, Юншэн, Ланьпин), а также в провинции Сычуань (уезды Яньюань, Яньбянь и Мули) и в Тибетском автономном районе в уезде Манкан. По переписи 2010 г. население наси составляет 326 295 человек [1].

В настоящее время существуют две гипотезы о месте языка наси в классификации тибето-бирманских языков. Первой гипотезы о принадлежности языка к лоло-бирманской группе придерживаются китайские лингвисты (Лин Шэнь, Хэ Хунмэй, Хэ Лицун и др.). Американский лингвист и исследователь языка наси Л.Лидз также относит язык этого народа к лоло-бирманской группе. В 2000-х годах ряд западных исследователей (французские лингвисты А.Мишо и Г.Жак, американский лингвист Д.Брэдли) стали относить язык наси к группе цянских языков [62; 78]. Большинство наси в качестве второго языка, а молодежь в качестве основного, используют китайский. Также широко распространен тибетский язык³⁷. Язык наси разделяется на два диалекта — восточный и западный (китайские лингвисты, американские лингвисты Л.Лидз, Лама Цзыво) [76]. Восточный диалект распространен в уезде Нинлан, западный используется в Лицзяне.

У народа наси существует три вида письменности: пиктографическое письмо дунба, а также два слоговых письма — гэба³⁸ и малимаса (основан-

³⁷ Данные полевых исследований, проведенных диссертантом в Юйлун-Насиском автономном уезде в 2011-2018 гг.

³⁸ Гэба – слоговое письмо наси, которое состоит из простых знаков, одна часть которых возникла в результате трансформации китайских иероглифов, другая часть была заимствована из тибетской

ная на гэба). Кроме того, существует созданное в ходе реформ языка письмо на основе латиницы. Письменность дунба³⁹ является древнейшей из них, но не употребляется для повседневной жизни, гэба появилось позднее, но также служит для сугубо узкого назначения — записи религиозных текстов, молитв. Письмо на основе латинского алфавита стало разрабатываться в период становления КНР, и из этих трёх типов является сейчас наиболее распространённым.

Регион, который населяют наси, довольно разнообразен по природным условиям — это и речные долины, и равнинные места, окружённые цепью высоких гор. Проживающие в низинах наси выращивают преимущественно рис, а те, что живут на высокогорье, больше занимаются скотоводством. Многие современные наси живут в городах, они занимаются торговлей, кузнечным ремеслом, выделкой кож, содержанием лошадей, производством алкоголя, а также обслуживанием туристов.

Большая часть наси проживает в Лицзяне. Это центр истории и культуры народа наси. Лицзян находится на высоте 2400 м над уровнем моря, летом здесь не бывает сильной жары, а на севере находится цепь высоких гор, в том числе и священная Юйлун, которая отгораживает Лицзян от холодных зимних ветров.

Основная религия наси — тибетский буддизм⁴⁰, однако традиционные

письменности, а третья часть возникла из пиктограмм дунба. Слово «гэба» в переводе с языка наси означает «младший брат»: оно возникло позднее дунба и используется только в западных регионах населённых наси. Каждый знак гэба имеет одно определённое чтение и очень прост в написании, их количество достигает 686. Это письмо имеет ещё более узкое значение, чем дунба — с его помощью записывались только молитвы. Также символы гэба иногда использовались в текстах дунба для обозначения чтения пиктограммы. На сегодняшний день письмо дунба практически забыто, так как количества знаков не достаточно, чтобы отобразить все особенности языка наси, особенно проживающих в разных регионах. Текстов, написанных с использованием гэба, также очень мало — сохранилось лишь несколько сотен книг, в отличие от текстов дунба, которые исчисляются тысячами [142].

³⁹ Подробнее о письменности дунба см. статью Грачевой Ю.А. Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. — М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. — [1031] стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 18 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 285-305.

⁴⁰ Школа кагью начинает проникать в Лицзян в период конца династии Юань. В период между династиями Мин и Цин в Лицзяне были построены пять больших ламаистских храмов. Учение гэлуг

верования дунба продолжают занимать в духовной жизни народа очень важное место⁴¹. Наиболее распространённые школы тибетского буддизма среди наси — кагью («красная вера») и гэлуг («жёлтая вера»), первая распространена преимущественно в Лицзяне, вторая — в уездах Юньнин, Яньюань, Мули и др. [138, с.30]. Тибетский буддизм получил неодинаковое распространение в разных районах проживания наси. Наиболее сильно его влияние и наибольшее число приверженцев находится в тех районах, которые граничат с провинцией Сычуань. Например, в уезде Юннин около 1/3 из всех мальчиков отдаются семьями в монастыри⁴². В Лицзяне тибетский буддизм имеет меньшее влияние на жизнь наси, кроме того, в этом районе нет преобладающей по числу последователей религии. Наси Лицзяна придерживаются большого количества различных верований (дунба, буддизма, ламаизма, даосизма, конфуцианства), среди населения встречаются католики, однако их число незначительно [154, с.25].

Культура дунба — богатейшее духовное и материальное культурное наследие наси, благодаря которому этот малочисленный народ получил известность за пределами Китая. Само понятие дунба очень ёмкое, в основу которого легли древнейшие религиозные воззрения разных этнических групп — от предков народа наси, древних цянов, до тибетцев и хань. Верования дунба оказывают влияния на различные сферы духовной и матери-

---

проникает в регионы населенные наси через Сычуань также в период Юань и Мин. В эпоху Мин отношения между главами ламаистских монастырей и кланом Му, возглавляющим тусы, были очень тесные. Главы клана Му неоднократно приглашали монахов в Лицзян для участия в философских дискуссиях. Также тусы содействовали строительству ламаистских монастырей, и не только в Лицзяне. Например, в 1580 г. при поддержке тусы Му Дуна в современном уезде Мули было построен крупный ламаистский храм, на церемонию освящения которого был приглашён сам Далай-лама III — Сонам Гьяцо (1543-1588) [143]. Изначально тусы оказывали большую поддержку школе кагью, в эпоху Мин было построено немало монастырей за пределами Лицзяна, однако в эпоху Цин большее распространение получает школа «желтошапочников» — гэлуг, и многие монастыри переходят к ней.

⁴¹ Данные полевых исследований, проведенных диссертантом в Юйлун-Насиском автономном уезде в 2011- 2018 гг.

⁴² Как известно, структура общества и семейных отношений в этом регионе весьма своеобразна, здесь распространена практика визитных браков "ачжу" и, что весьма любопытно, местные мужчины, даже будучи монахами, также практикуют подобные браки, тем самым только способствуя поддержанию этой традиции. [141]

альной жизни народа наси. Одно из самых лучших определений дунба было дано Д. Воскресенским: «Дунба — одна из ветвей сложной религиозной системы народа наси, восходящей к древним верованиям (поклонение духам и т.д.). Это же понятие связано с особой пиктографической письменностью, которую использовали жрецы и колдуны, поэтому их также называли дунба. Таким образом, дунба — это своеобразное религиозное мировоззрение и пра-культура народности наси...» [29, с.84-103].

Дунба является традиционной самобытной политеистической религией народа наси. Её основателем считается Дунба-Шило (东巴什罗)⁴³. Служители культа⁴⁴ также именуются дунба, а в уезде Юннин среди мосо они

⁴³ Как отмечают китайские исследователи, на формирование религии дунба сильнейшее влияние оказала древняя тибетская религия бон. Как считает, профессор Хэ Баолин, название «дунба» не является самым древним, а изначально оно звучало как «бо-бо» (钵波), что близко по звучанию к названию религии бон – «бон-по» (笨波) [180, с.13]. Профессор Ян Шигуан даёт другой вариант древнего названия религии дунба – «бэнь-бэн» (本崩), но всё это лишь разные варианты одного и того же названия древней религии дунба (на языке наси – р mb, буквальное значение – «чтение ритуальных текстов») в китайской транскрипции [238, с.51].

Профессор Хэ Баолин, среди признаков происхождения верований дунба от религии бон выделяет наличие божеств-хранителей, представленных в виде священной птицы, дракона и льва, которые характерны для обеих религий [180, с.44]. Подробные сведения об изображениях различных божеств мы можем найти в труде «Книга божеств дунба» насиского профессора Гэ Агяня, который на основе анализа этих изображений также доказывает происхождение верований дунба от религии бон.

Будучи в Лицзяне в Музее культуры дунба в 2012 г., автор диссертации сделала снимки четырёх головных уборов священника дунба, которые лишь немного отличаются друг от друга, также в приложении для сравнения есть изображение аналогичного головного убора тибетского буддийского священника. Головные уборы имеют сильное внешнее сходство, но изображения божеств в варианте дунба имеют свою специфику. На головном уборе священника дунба на центральном сегменте изображен Дунба-Шило – основатель религии дунба. На других сегментах, с двух сторон от Дунба-Шило, три бога войны — Юма, Цицифон, Даламибу, и на ещё одном священная птица Дупаньсюцю. Как мы видим, порядок расположения сегментов на разных головных уборах дунба не одинаков. В верхней части каждого сегмента мы видим изображения духов пяти элементов: дерева, огня, земли, железа и воды. В нижней части – животные, на которых передвигаются вышеперечисленные божества: лошадь, тигр, слон, дракон и як. Если мы будем смотреть аналогичный головной убор тибетского священника, то увидим, что на сегментах изображены пять Дхьяни-будд, в верхней части каждого сегмента – духи пяти элементов, в нижней – животные: в центре – Вайрочана (животное – лев, элемент – эфир), сбоку от него слева направо – Ратнасамбхава (животное – лошадь, элемент – земля), Акшобхья (животное – слон, элемент – вода), Амитабха (животное – павлин, элемент – огонь), Амогхасиддхи (животное – гаруда, элемент – воздух). Головные уборы священников дунба и тибетских буддистов по внешнему виду и структуре изображения одинаковы, однако смысл изображений разный. Вероятно, это может свидетельствовать о том, что влияние тибетской культуры на формирование религии дунба происходило на ранней стадии, действительно соответствующей периоду расцвета религии бон в Тибете. Безусловно, тема происхождения верований дунба от бон, а также характерные черты бон, присутствующие в верованиях наси требуют отдельного анализа и исследования. Однако, эта тема выходит за пределы данной диссертационной работы.

⁴⁴ В настоящее время в западной и отечественной научной литературе не существует устоявшегося термина для обозначения служителей культа дунба — они именуются как священниками, так и шаманами. В китайской научной литературе дунба именуются шаманами. Однако, верования дунба хотя и включают

носят название даба. Религия дунба имеет свои религиозные писания, общее собрание которых называется «дунба цзин» (трактаты дунба), написанные пиктографическим письмом дунба. Составной частью религии дунба является шаманизм, являющийся наиболее древней частью религии наси, однако он до сих пор довольно слабо изучен. Шаман наси и священник дунба это не одно и то же лицо. Шаманом может быть как мужчина, так и женщина, и на языке наси зовётся leebbuq (吕波), sainiq (桑泥) или saipag (桑帕). В древности шаманами были только женщины, и только потом ими могли становиться и мужчины. В отличие от священников дунба, шаманы не используют специально написанные религиозные тексты. В отличие от дунба, они также не передают свои знания по наследству от отца к сыну. В настоящее время шаманов наси в изначальном значении этого слова и рода деятельности не осталось [147, с.97].

Религия дунба представляет собой сложную систему традиционных верований, имеющих древнейшие корни, основанную на почитании природы, её сил, всевозможных духов населяющих мир, направленную на установление и поддержание гармонии между человеком и природой, поскольку в системе мировоззрения дунба, оба эти элемента являются родственными и неотъемлемыми частями единого целого.

Согласно традиционным верованиям наси, когда наступает смерть человека, то место его проживания на земле и вид исповедуемой религии теряют своё значение. Когда наси умирает, его родственники обязательно приглашают священника дунба, чтобы тот провёл специальную погребальную церемонию, которая включает в себя чтение текста из трактата дунба «О сотворении мира», что должно помочь душе умершего найти путь в мир предков [187, с.3]. В ходе интервью диссертанта с представителями этого народа в себя характерные черты шаманизма, но таковым не являются — поскольку существуют и другие признаки, свидетельствующие о дунба как о развитой религии — например, наличие священных текстов, молитв, верховного божества, понятия о рае и аде, загробной жизни т. д. На языке наси термин «дунба», обозначающий служителя культа, в переводе означает «мудрец».

да, многие наси заявили, что какое бы сильное влияние они ни испытывали со стороны тибетской или китайской культур, тем не менее их собственные традиции духовной жизни имеют наибольшее значение.

1.2. Проблема мосо

Цель данного раздела – дать краткую информацию об этнической группе мосо, официально включаемой китайской наукой в состав наси, с тем, чтобы дальнейшие упоминания этих двух народов в разных главах этой работы не вызывали путаницы.

Вопрос о научной обоснованности включения этнической группы мосо в состав народа наси⁴⁵ не стоит среди задач данного диссертационного исследования. Тем не менее, поскольку эта проблема до сих пор имеет место в жизни обоих народов, то целесообразно будет обозначить данный вопрос, а также привести общие сведения о мосо. В 2011 г. в Лицзяне диссертантом было проведено несколько бесед с исследователем культуры наси, профессором Хэ Госяном. В ходе интервью были заданы вопросы, касающиеся проблемы идентификации народа мосо, на что профессор ответил, что хотя некоторые мосо действительно считают себя отдельным уникальным народом, тем не менее мосо официально включается китайской наукой в состав наси и сильных споров по этому вопросу на сегодняшний день в китайской науке не ведётся⁴⁶. Вместе с этим, опросы, проведенные диссертантом среди жителей района озера Лугу в 2017-2018 гг., этнических мосо,

---

⁴⁵ Стоит добавить, что в разделах 1.2, 1.3 первой главы данного исследования, будут употребляться такие названия народа наси как «мосе», «моша», «мосо», однако необходимо понимать, что в историческом контексте данные термины не тождественны современной подгруппе наси, называемой мосо и населяющей современный уезд Юннин.

⁴⁶ Данная проблема имеет несколько аспектов. Во-первых, до недавнего времени большинство мосо действительно считали себя совершенно отдельным самостоятельным народом. Во-вторых, на исследование данного вопроса подталкивает наличие существенных различий в традиционных семейно-брачных отношениях наси и мосо, их общества, а также других аспектов духовной и материальной культуры. В современных китайских исследованиях этот вопрос на самом деле не поднимается.

показали, что они не относят себя к наси, а считают отдельным, обладающим отличительными чертами материальной и духовной культуры, а также образом жизни, обычаями и традициями народом. Преобладающей отличительной чертой народа мосо от наси, жители Лугу, как женщины, так и мужчины (в возрасте от 20 до 65 лет, 15 человек) назвали «материнскую семью» (подробнее см. ниже).

В настоящее время численность мосо составляет около 53 700 человек, основная масса которых проживает в уезде Юннин и в районе озера Лугу в провинции Юньнань [1].

Мосо говорят на восточном диалекте языка наси, а для повседневной жизни используют китайскую письменность, реже – тибетскую (преимущественно для религиозных текстов). Своей письменности у мосо не существует, хотя некоторые китайские исследователи говорят об использовании пиктографического письма даба (по аналогии с дунба), однако его существование не признано⁴⁷.

Основными религиями мосо являются традиционные верования даба и тибетский буддизм. Даба основаны на анимистических представлениях и включают в себя поклонение силам природы, предкам, а также верховному женскому божеству – Матери. Так же, как и религия дунба, даба не является институциональной организацией, не имеет своих школ, храмов и т.п. Термином даба также называются шаманы, проводящие религиозные обряды и ритуалы, неотъемлемой частью которых является вхождение шамана в транс посредством потребления алкоголя или других одурманивающих веществ, а также вызов духов различных порядков будучи в данном состоянии [141, с.111].

---

⁴⁷ В работе профессора Ли Цзиншэна «Общий обзор письменности дунба народа наси» говорится о том, что письменность дунба, используемая разными подгруппами наси, имеет между собой некоторые отличия. Однако, они настолько несущественны, что о выделении их в отдельную письменность и речи быть не может [119].

Основной отличительной чертой, выделяющей народ мосо от наси, является специфическая система семейно-брачных отношений, которой присущи черты матрилинейности, а также практика «ачжу» — «свободных брачных отношений». Данная черта привлекает огромное число журналистов, которые создают вокруг мосо образ «земли женщин» и «свободной любви», что, в свою очередь, привлекает огромное количество туристов.

1.3. Этногенезис народа наси и происхождение их названия

Наси – древний народ, история которого насчитывает около 2000 лет. Вопрос происхождения наси до сих пор остаётся малоизученным, на эту тему существует не много исследований. Самым полным описанием истории этого народа по сей день является труд американского исследователя австрийского происхождения Джозефа Рока (1884–1962) «Древнее государство наси на Юго-Западе Китая», о котором говорилось в разделе «Обзор источников и литературы» во введении к данному исследованию. На этот труд ссылаются в своих работах, как китайские, так и западные исследователи истории и культуры народа наси. Можно сказать, что эта работа является базовой, опорной для современных исследований. В отечественной науке работ, посвященных происхождению народа наси не существует. На Западе после Дж. Рока этим вопросом также занимались несколько исследователей, среди которых можно выделить М.Оппитца, работы которого были описаны в введении. Китайские ученые обратили внимание на проблему происхождения наси в 1980-е гг., с тех пор было написано не много работ на эту тему, и они, как правило, весьма схожие по своему содержанию. Среди китайских исследований, в которых затрагивается вопрос происхождения наси можно выделить следующие, наиболее крупные работы: «Несколько вопросов об истории развития общества народа наси из

пиктографического письма дунба» Хэ Чжиу (1980); «Ещё одно доказательство связи происхождения наси и древних цян» Чжао Синьюй (2003); «Кратко об истории отношений народа наси и тибетцев» Ян Фуцюаня (2004).

В китайской и западной науке наси принято считать потомками кочевых цянов – этнической группы, населявшей область Цинхай-Тибетского нагорья с древнейших времён. Как полагают китайские исследователи, наси образовались в результате миграции этого народа около 2000 лет назад на территорию современного Лицзяна. Дж. Рок, ссылаясь на трактат Дянь го ши (滇国史), пишет, что в начале нашей эры на территории современного Юйлун-Насиского автономного уезда проживало множество племён, которые были поглощены западными цянами (西羌) [165, с.33].

В эпоху Хань существовали племена цянов, которые носили такие названия как «белая лошадь» (бай-ма, 白马), «як» (мао-ню, 牦牛), «желтый баран» (хуан-ян, 黄羊) и др. Эти названия сохранили в себе следы с древних времен поклонения тотемным животным [154, с.17]. Племя «белой лошади» мигрировало дальше всех и стало оседать уже в районе современной провинции Сычуань, а значит именно с этой ветвью цянов, согласно китайским исследователям, были связаны предки древних наси [126, с.24].

Доказательства происхождения наси от древних цянов можно найти в культуре дунба. Например, среди древнейших элементов этой культуры, которые имеют отношение к «пласту», уходящему корнями к древним цянам, относится концепция жизни после смерти у наси, проживающих в разных регионах Китая. У мосо также распространена идея о перемещении души умершего в страну предков, ассоциирующейся со священной горой, находящейся на севере или северо-западе [156, с.45]. Мотив миграции предков наси существует в одном из главных эпических сказаний дунба – «О сотво-

рении мира»⁴⁸. Это сказание является священным текстом дунба, который принято читать во время крупных праздников и религиозных обрядов народа наси. Текст этого сказания повествует о том, как предки наси – небесная дева и земной мужчина – бежали в поисках пригодного для жизни места. Описываемые природные явления, образ жизни и препятствия на пути могут служить доказательством кочевого образа жизни предков народа наси. Кроме того, подробный анализ пиктограмм дунба также даёт нам сведения о кочевой жизни на заре своего формирования этого народа⁴⁹.

Предки наси начали вести оседлый образ жизни на территории современного Лицзяна около III в. С этого момента и до VII в. они распространились на территории современного Ляншань-Ийского автономного округа в провинции Сычуань до реки Ялун и Улян на западе. Впервые предки наси упоминаются приблизительно с IV в. в Шан шу 尚书, Чжоу шу 周书 и Хуа ян го чжи 华阳国志, под именем мао-ню-и⁵⁰.

Существует много гипотез по поводу происхождения этого названия. Например, одна из них заключается в том, что мао 旄 происходит от иероглифа 牦, который тоже читается как мао и обозначает яка. Одно из племён цянов носило имя мао-ню 牦牛, и вполне вероятно, что вариант мао-ню-и 旄牛夷 является переделанным по фонетическому принципу названием мао-ню 牦牛 [185, с.34]. Согласно другой версии, произношение иероглифа 旄 в древности было похожим на то, как на языке наси звучит

⁴⁸ О трёх главных сказаниях дунба подробнее см. статью: Грачева Ю.А. «Три жемчужины “Дунба цзин” // “The ninth European Conference on Languages, Literature and Linguistics”. 23th November, 2015. Austria, Vienna. С.79-86

⁴⁹ Подробнее см. статью: Грачева Ю.А. Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. – [1031] стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 18 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 285-305.

⁵⁰ Подробнее о происхождении народа наси см. статью: Грачева Ю.А. Предки народа наси (по источникам эпохи Хань и Троецарствия) // Общество и государство в Китае. Т. XLVII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2017. – 742 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 22 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С.118-139.

слово «як» – мо. Таким образом, название народа могло быть дано в соответствии с его образом жизни, а также являться калькой с языка наси на древний китайский язык[185, с.40].

После эпохи Цзинь (225–420) народ наси встречается под именами мосо-и 摩梭夷, мо-се 磨些, мэ-се 麼些, мэ-со 么梭. Ученые предполагают, что мэ 么, берёт своё начало от мао 牦, а се 些 происходит от соу 叟 – автохтонного народа соу, населявшего территорию современного городского округа Лицзян[154, с.23]. Точно сказать, когда название наси 纳西 начинается встречаться в китайских хрониках, довольно сложно, на этот счёт требуется проведение отдельного исследования, выходящего за рамки темы данной диссертации. В научных работах в первые годы существования КНР употребляется название мосо 摩梭, в то время как название наси начинается встречаться после официального объединения ряда этнических групп в состав народа наси во второй половине 1950-х гг. В настоящее время существует несколько групп народов, входящих в состав наси – акэ 阿可, мали-маса 玛丽玛, лулу 露鲁, баньси 班西, мосо 摩梭 и другие [154; 188].

1.4. Краткая история наси с древнейших времен до конца Цин

Первое упоминание Лицзяна в китайских источниках относится ещё к эпохе Цинь (221–206 гг. до н.э.), когда этот народ проживал в провинции Сычуань. В эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) эти земли входили в состав государственного образования Юэсуй 越巂, располагавшегося большей частью на территории современной провинции Сычуань, возникшего из племенного образования суй 巂, которое упоминается в «Исторических записках» Сыма Цяня. Юэсуй возникло в результате распада государства Цюнду 邛都国, на которое в 111 г. до н.э. осуществлял экспансию

ханьский император У-ди (141–87 гг. до н.э.). В составе нового государства земли Лицзяна принадлежали уезду Чжуцзю 逐久县, который после распада Хань оказался в составе Юньнани [154, с.26]. Джозеф Рок начинает вести становление государственной истории наси как раз с момента появления Юэсуй, где происходит смешение предков наси с племенными объединениями суй 嵩, куньмин 昆明, си 析, цзоду 笮都, которые также вели кочевой образ жизни [165, с.99].

С III по VII вв. на территории современной провинции Юньнань политическая и этнографическая ситуация довольно запутана. Известно, что в эпоху Цзинь (265–420) на её территории существовали три «великих клана» (видимо, также являвшиеся племенными объединениями) – Цуань, Мэн и Хо, а к VI в. из них остался только цуань [38, с.19-22]. Что представляли собой эти племена, до конца не известно. Общее мнение таково, что Цуань являлись потомками государства Дянь, которое было захвачено императором У-ди ещё в 109 г. до н.э. Цуань, в свою очередь, разделялись на две группы – восточную и западную. Первая из них носила имя умань 烏蠻 или «чёрные мань», а вторая – баймань 白蠻 или «белые мань» [38, с. 19-22]. В настоящее время умань считаются предками лолойских народов, а также наси и мосо. К VII в. умань образовали несколько крупных этнических подразделений, так называемых «племенных союзов» (чжао), число которых изначально было восемь, но затем, из-за поглощения одних чжао другими, их осталось шесть – Мэнси 蒙嵩, Юэси 越析, Ланцюн 浪穹, Тэнтань 遼爨, Шилан 施浪 и Мэншэ 蒙舍. Чжао Юэси был основан предками наси – мосо, и управлял этнической группой, жившей на территории современного Лицзяна, о чём говорится в труде Ю Чжуна «История народов Юньнани». В этой работе также указывается на то, что «после эпохи

Северных и Южных династий (420–589), часть мосе продолжала самостоятельное развитие севернее, мигрировала в Бинчуань» (современный уезд Бинчуань, в Дали-Байском АО, в провинции Юньнань), где и начало своё развитие Юэси [241, с.50]. Однако Дж. Рок полагает, что мосе были вынуждены мигрировать севернее в эпоху ранней Тан, что было связано с поглощением территорий Лицзяна племенным объединением Мэншэ [165, с.100]. Несмотря на близкое географическое расположение, Юэси, основанное предками наси, отличалось от остальных пяти этнических подразделений умань. Китайский исследователь Ю Чжун пишет, что несмотря на близкие родственные связи с умань и многие схожие черты, всё же юэси не являются с ними одной народностью. Юэси следует рассматривать как племенной союз, состоявший по большей части из мосе – предков наси, о чём свидетельствует второе название Юэси – Мо-се чжао 麽些诏 [241, с.55]. Дж. Рок делает предположение о том, что принадлежащие к умань мосе сами себя называли наси («чёрные люди»). Возможно, что это название уходит корнями в ещё более древнее прошлое, когда предки наси вели кочевой образ жизни. Дж. Рок полагает, что, вероятно, они жили в чёрных юртах, а соседние с ними народы – в белых, и между ними происходили столкновения [165, с.113]. Отголоски древних событий мы встречаем в сказаниях наси, написанных пиктограммами дунба, и в настоящее время собранных в 100 томах Дунба цзин («Трактата Дунба»). Среди этих сказаний существует одно, которое на языке наси называется "Дун ай чжи ай" («Война чёрных и белых»). В этом сказании речь идёт о противостоянии двух племён, которые так и назывались – чёрные и белые. Народ из племени чёрных выступает как во всех смыслах положительный, ему приходится вести борьбу с племенем белых, которые постоянно стремятся к их угнетению. Сказание заканчивается тем, что народ чёрных под предводительством жены погибшего правителя, ставшей их вождём, одерживает победу в войне над белыми

[186]. Интересно, что пиктограмма дунба, имеющая значение наси, изображает человека с чёрным лицом, тогда как пиктограммы, обозначающие другие народы или людей в целом, не обладают такой чертой.

С середины VII в. на исторической арене появляется государство Наньчжао, расцвет которого пришёлся на VIII–IX вв. и был связан с именем правителя Пилогэ (умер в 748 г.), при котором произошло полное объединение остальных чжао. О положении чжао Юэси и народа мосе в «Истории народов Юньнани» сказано, что во время становления государства Наньчжао племена мосе «были вынуждены снова переселиться на север, пересечь реку Цзиньша и Ялун, продвинуться вплоть до современного уезда Яньбянь провинции Сычуань, и поселиться в месте слияния двух этих рек» [241, с.60]. В 794 г. Наньчжао совершает военные нападения на Лицзян и Куньмин, и все племена мосе подчиняются ему. Однако, несмотря на все эти события, период государства Наньчжао, а после и Дали (937–1253) стал ключевым в истории наси, поскольку именно на это время приходится пик складывания и развития культуры и общества этого народа, очагом которого являлось чжао Юэси.

По мнению большинства китайских исследователей, оттеснение Юэси с политической арены и передвижение остатков племён мосе на север, только способствовало более сложному развитию общества древних наси, поскольку всё случившееся могло послужить толчком для консолидации людей и усложнения связей внутри их общества [241; 157]. В этот период происходит множество важных процессов, таких как, во-первых, трансформация общественного устройства – оно усложняется, переходит на более высокую ступень развития, наблюдается расслоение общества, выделяется верхушка, формируется власть; во-вторых, активно осваивается земледелие, что является важной чертой усложняющегося общества; в третьих, с III по VIII вв. закладывается фундамент культуры наси, формируется соб-

ственная самобытная религия, а на IX–XIII вв. приходится её расцвет. В этот период мосе занимались сельским хозяйством, которое уже имело хороший уровень развития, а немалая часть зерновых расходовалась на изготовление алкогольных напитков. Половину сельского хозяйства составляло огородничество, особенно много выращивали репу. Мосе разводили в основном яков, лошадей и овец. В «Истории народов Юньнани» приводится отрывок из Маньшу, где даются небольшие сведения о жизни мосе того периода: «У них много крупного рогатого скота, каждая семья имеет стадо овец. И мужчины и женщины носят овечьи шкуры. Этот народ любит много петь и танцевать» [241, с.70].

Во времена существования Дали выделяются три района проживания мосе: первый, это район их традиционного проживания – современные уезды Яньбянь и Яньюань; второй регион – Лицзян, который именно в это время становится крупным центром мосе, политическая власть правителя Дали была здесь весьма ограничена [197, с.140]; третий регион – ближе к Тибету, очень сложный с этнографической точки зрения район, представляющий стратегическую важность для государства Дали [129, с.27]. Наиболее важным событием в истории наси этого периода является освобождение мосе в 902 г. от рода Мэн, который тогда имел над ними контроль. Приобретя независимость, мосе стали довольно быстро развиваться, кроме того, в их обществе начала усиливаться социальная дифференциация, что способствовало появлению более чётко выраженной власти представителей клана Му 木 [165, с.120].

История клана Му записана в трактате Му ши хуань пу («Хроники клана Му») XVI в., который также входит в состав текстов дунба. Этот трактат уникален, поскольку содержащиеся в нём записи не встречаются в китайских текстах, так как хранился он у самого правителя наси – главы клана Му. Правитель наси Му Гун 木工 (1494–1553) сам лично составил

этот трактат, согласно которому, история предков клана Му уходит в ещё мифическое прошлое, а сам Му Гун принадлежит к 24-му поколению⁵¹. Как отметил Дж. Рок, из этих записей мы можем видеть, сменялись ли в Китае династии, шли ли войны с соседними народами, происходили ли столкновения между Тибетом и Китаем – власть клана Му оставалась неизменной и непоколебимой, передавалась из поколения в поколение от отца к сыну [165,

⁵¹ В составлении этих хроник Му Гуну помогал китайский чиновник и учёный Чжан Чжичунь (张志淳), который написал предисловие к «Хроникам клана Му». Этот учёный пишет, что Му Гун принадлежал к высокому роду, который происходит из уезда Хэцин (鹤庆). Му Гун и его соратники стали собирать записи об истории, обычаях и традициях этих мест, объединяя их в один сборник. Му Гун и его лучший друг (имя не упоминается) в 1516 г. начали редактировать собранные записи, и вписали туда историю предков клана Му. В предисловии Чжан Чжичунь пишет, что Му Гун сам лично собрал и записал этот трактат. В этом трактате перечисляются предки клана Му в 24 поколениях вплоть до Му Гуна [165, с.251].

Вторая часть трактата, следующая за предисловием, также написана по-китайски, но в ней указываются и пиктограммы на языке наси, обозначающие имя каждого предка клана. Французский исследователь М. Жак Бако в 1907-1909 гг. два раза посещал Лицзян, где имел возможность ознакомиться с трактатом. Он переписал пиктограммы из этого трактата, и позже они были изданы в его работе «Мосо» (Les Mo-so) изданной в 1913 г. В этой части говорится о том, что предок клана Му, который в этом трактате зовётся Е-е (爷爷) в первой половине XII в. пришёл на территорию современного городского округа Лицзян. Он был первым из предков клана, кто пришёл на эти новые территории. [165, с.254].

Дж. Рок делает интересное примечание, что предок Е-е упоминается далеко не во всех источниках, он также пропускается во многих частях «Хроник клана Му». Существует поверье, что он был первым предком «со стороны». Есть легенда о его рождении. Когда Хубилай пришёл на земли Лицзяна и готовился к войне с Бирмой, он в течение трёх месяцев со своим гарнизоном находился в одной деревне, где сам жил в доме главы этого поселения. У хозяина дома была очень красивая дочь и Хубилай влюбился в неё, он обещал ей, что как только закончит войну с Бирмой, то вернётся и возьмёт её в жёны. Шли месяцы, он всё не возвращался, а тем временем у этой девушки родился сын. Однажды она пошла к реке Цзиньша, привязала ребёнка к плывущему дереву, чтобы он по течению поплыл дальше, а сама бросилась в воду и умерла. Через некоторое время Хубилай вернулся, хотел жениться на той девушке, но люди рассказали ему о произошедшем, а о его сыне поведали, что его нашла некая семья, жившая севернее по течению Цзиньша, и воспитала его. Мальчику дали имя – Ва-ля-тс'-ёр, что означает «найденный в воде». Хубилай узнав это дело, назначил мальчика правителем наси. Имени его матери в «Хрониках клана Му» не упоминается, только говорится о его отце и смешанном происхождении. Рок также упоминает, что существует другая история, согласно которой была одна девушка наси, которая не имея мужа родила ребёнка, и имя её Да-ла-ва-ша-ми (达拉瓦莎咪). Она привязала ребёнка к дереву, и позже мальчик был найден в другой деревне, его вытащили из воды и воспитали чужие люди. Он-то и стал первым правителем наси и предком клана Му на территории Лицзяна [165, с.270].

Кроме исторически достоверных предках в «Хрониках клана Му» упоминаются все 12 поколений мифических предков с их жёнами. Эта часть хроник целиком написана пиктограммами дунба. Ещё раз напомним, что кроме «Хроник клана Му», имена всех мифических предков записаны в трактате «О сотворении мира», который представляет собой специальное полотно, которое достаётся на каждую церемонию Почитания Неба (muap-bro). Эта церемония устраивается в особенном месте, на специальной территории отведенной для её проведения. Ещё один трактат, где упоминаются имена этих предков – ва-ба-цы «瓦巴慈», он также читается во время одноимённой церемонии ва-ба-цы. Полный список имён предков по женской линии мы можем найти в другом трактате – ко-шоу «阔受», который используется во время свадебной церемонии, которая на языке наси называется Ssu-dsu. Там, где имена предков написаны китайскими иероглифами – это лишь транскрипция с языка наси, поэтому иногда можно встретить одно и то же имя написанное разными иероглифами. Дж. Рок пишет, что он разбирался в значении имён, используя оригинальные варианты трактатов, написанных на языке наси, и в этом ему помогал шаман дунба.

с.133].

Следует отметить, что на этом важнейшем этапе формирования общества и культуры нами огромное влияние оказывает соседство с Тибетом. В период ослабления Дали тибетские войска не раз совершали походы на юго-восток, достигая района Дяньсибэй, как считают китайские историки, вероятно, в этот период немалое количество тибетцев осели в районе Лицзяна [216, с.35]. По мнению Чжао Синьюя сложные политические отношения в приграничных с Лицзяном районах существовали между тибетцами и нами на протяжении IX-XIII вв [201, с.73]. В эти века процветала торговля между Тибетом и Лицзяном, основной торговый маршрут проходил через юго-западную Сычуань, носил название «Путь жуньянь» (閩盐古道⁵²) и яв-

---

Кроме «Хроник клана Му» Дж. Рок нашёл и другие источники, из которых он получил сведения об этом клане. Например, в 10 км от Лицзяна есть место, которое называется Си-лин-ва (西林瓦). Там стоит большая каменная стела, которая является первой из могил предков клана Му. В 30 км восточнее находятся более поздние захоронения — начиная с Му Чжуна (木重), который скончался в 1725 году. Предки, умершие до Му Чжуна подвергались кремации, и никто не знает мест, где был захоронен их прах, хотя некоторые полагают, что, вероятно, это место находится где-то в районе деревни Байша (白沙) [165, с.280].

Существуют также другие документы, рассказывающие об этом клане. Например, трактат «Му Цин» (木青), повествующий собственно о Му Цине (1568-1597), который был отцом наиболее выдающихся правителей нами. Его сын Му Цэн (1587-1646; 木增) в 1612 г. установил каменную стелу в его честь, на которой была сделана надпись, рассказывающая о Му Цине. Эта стела установлена в самом Лицзяне в саду у стены, где находится резиденция тусы. Надпись на этой стеле рассказывает о доблестях, способностях и прочих достоинствах Му Цина. Надпись делал не сам Му Цэн, а китайский учёный приглашённый издалека по его просьбе.

Кроме членов лицзянского клана Му существовала ещё одна ветвь этого рода, члены которого проживали в 20 км севернее Лицзяна, в деревне Байша, которая на языке нами зовётся Мбе-лю. Там сохранился ещё один трактат, посвященный истории клана Му – «Записки о древности». Этот трактат датируется 1646 г., хронология в нём начинается с тусы А Дэ (阿得), который управлял Лицзяном с 1383 по 1390 г. В трактате записаны сведения об официальных делах управления тусы, переписаны некоторые официальные документы. Самые последние записи были сделаны женой правителя Му И (木懿) в 1639 г. Таким образом, этот трактат можно считать дополнением к «Хроникам клана Му», поскольку он включает в себя сведения об официальных правительственных делах, которые не содержатся в первом.

Кроме всего этого существуют ещё 6 записей касающихся тусы. Они относятся к 6 правителям: Му Гуноу, Му Гао, Му Дуну, Му Вану, Му Цину и Му Цэну. Эти тексты написаны на красном свитке и хранятся в резиденции Му в Лицзяне, они записаны со слов Му Иня (1862-1919; 木荫) его потомком Му Кунем (木坤) в 1901 г. [165, с.271].

Таким образом источниками, которые хранят информацию о клане Му, являются: могилы и каменные стелы клана, эпические сказания дунба, церемониальные тексты дунба, и, наконец, самые главные – «Хроники клана Му» в двух частях, дополнительная к нему часть – трактат «Записки о древности», хранящийся в Байша, а также красный свиток с шестью хвалебными текстами, записанными в 1901 году.

⁵² В эпоху Восточной Хань этот маршрут носил название 旋牛道 («Путь мао-ню»).

лялся частью южного Шелкового пути. Самыми главными предметами торговли были чай⁵³ и лошади.

Можно говорить о том, что в это время шло возникновение второго слоя культуры наси, если в качестве первого рассматривать культуру и религию древних цян. Для этого периода характерно сильное влияние Тибета на духовную, религиозную культуру наси. Древняя религия бон и тибетский буддизм оказали воздействие на формирование религии дунба. Дунба-Шило — основатель религии дунба, рассматривается китайскими и западными исследователями в качестве аналога создателя религии бон – Шенраба. Кроме того, в текстах дунба также есть указания о том, что основатель религии дунба был человек, пришедший из Тибета и знающий тибетскую религию.

В 1206 г. в Китае устанавливается династия Юань (1206–1368), а в 1253 г. монгольские войска под предводительством Хубилая (1215–1294) завоёвывают государство Дали, присоединяя Юньнань к новой китайской империи. В 1278 г. китайские власти создают округ Лицзян, в котором учреждаются управления сюаньвэй (宣慰) и сюаньфу (宣抚), контролировавшие эту территорию [223, с.55]. После того, как войска Хубилая подчинили земли наси, он стал раздавать местной знати в лице членов клана Му чиновничьи титулы, установив систему тусы, которая продолжала функционировать на протяжении последующих династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) [223, с.55]. Начиная с династии Юань, потомственные правители клана Му осуществляли контроль над наси и другими этническими группами, которые находились на их территории. Они отвечали за сбор налогов для императорского двора в виде серебра и зерна.

В эпоху Юань народ наси (именуемый в исторических хрониках того

⁵³ Некоторые китайские исследователи считают, что история данной торговли нашла отражение в этимологии слова «чай» в тибетском языке. В тибетском языке существует старое слово, обозначающее чай - «ljang-ja». Как полагает Чэнь Нань, это слово может служить доказательством того, что чай впервые попал в Тибет через Лицзян [208, с.85]

времени мосе или мэсе) населяет территорию современного Юйлун-Насиского автономного уезда, а также уезды Нинлан, Вэйси, Яньюань, Ланьпин — одним словом, ареал расселения этого народа практически совпадает с современным. Позднее, в эпоху Мин расселение наси дойдёт до современного Дечен-Тибетского АО (迪庆藏族自治州). Наси, населяющие северные и северо-западные территории провинции Юньнань, как правило, проживают в поселениях смешанно с тибетцами [232, с.151].

В самом начале правления Хубилая общественный строй наси, несмотря на наделение клана Му властью, всё ещё представлял собой раздробленные племена, вожди которых враждовали между собой. В «Очерке о Юньнани» Ли Цзина описывается эта борьба, а также делается интересное замечание о том, что военные столкновения прекращались в том случае, когда женщины обеих сторон заявляли о необходимости перемирия [130], что говорит о их высокой роли в обществе. Вероятно, отголоски общественной структуры тех времен в наибольшей степени сохранились у этнической группы мосо.

Однако позднее, во многом благодаря установлению тусы, происходит постепенная консолидация наси. Период династий Юань и Мин характеризуется стабильностью территорий, в это время общество этого народа достигает большого равновесия. Религия дунба становится важной платформой сплочения народа, а также основной моделью духовной жизни. Именно в этот период Лицзян становится настоящим политическим, экономическим и культурным центром северо-западных территорий современной провинции Юньнань, превращается в символ объединения и усиления народа наси. Этому во многом способствует усиление развития торговли с Тибетом, а также собственно Китаем и другими соседними территориями. В эпоху Юань земледелие начинает преобладать над скотоводством в хозяйственной сфере жизни наси и достигает довольно высокого уровня, однако

скотоводство продолжает играть важнейшую роль⁵⁴. Это было связано с другим параллельным процессом – окончательным переходом нами от кочевого к оседлому образу жизни. Итогом этих процессов стало ускорение развития общества и экономики в данном регионе.

На протяжении всей эпохи Мин происходит усиление связей между императорским Китаем и Лицзяном, что сказывается на изменениях в управлении. В 1382 г. управляющий Лицзяном клан Му получает свою фамилию в подарок от императора. Само слово «му» означает в переводе с языка нами «простой, скромный». В тот же год была основана должность начальника области Лицзян. Минский Китай очень сильно беспокоился по поводу угрозы со стороны Тибета и поэтому оказывал всяческую поддержку начальнику этой области. Войска клана Му часто выступали под знамёнами Китая в качестве атакующей пехоты [232, с.160]. Власть клана Му постепенно росла и вскоре в его подчинении оказалась часть современного юго-востока Тибета, юго-запада Сычуани, а также лежащие к западу от Лицзяна территории народа мяо-яо [138, с. 68].

Клан Му предпринимал всевозможные меры по укреплению своих политических и экономических позиций, всячески оказывая поддержку развитию местного хозяйства. Поддерживалось строительство ремесленных мастерских, школ, укреплялись отношения с соседними районами путём заключения браков. Особенно были распространены браки между мужчинами клана Му и девушками народа ицзу [138, с.70]. В то же самое время клан Му становится важнейшим проводником китайской культуры в общество нами. Члены клана Му стали приглашать китайских преподавателей для домашнего обучения своих детей. Му Тай 木泰 (1455–1502) – первый среди нами человек, освоивший китайскую письменность. Он известен тем,

⁵⁴ Особенно широкое развитие в этот период получает разведение лошадей, которые продавались как в Тибет, так и собственно Китай, лицзянские лошади получают известность в столице. Подробнее об истории коневодства и связанных с ним традициях [122, с.93].

что посвящал своей жене стихи, которые сохранились до настоящего времени [241, с.115]. Таким образом, конфуцианская культура стала постепенно распространяться в верхних слоях общества наси, а наибольшего расцвета в Лицзяне она достигает в эпоху Цин. Однако население нижних социальных слоёв продолжало придерживаться своих традиционных воззрений и образа жизни повсеместно практически до середины XX столетия.

В начале эпохи Мин китайский буддизм также начинает проникать в Лицзян, однако не получает такого же распространения, как тибетский буддизм. Тусы, способствующие проникновению китайской культуры в Лицзян, также ратовали за строительство буддийских храмов. Особенно в этом деле отличился Му Цэн, который приглашал особенно почитаемых китайских монахов в монастыри Лицзяна. Однако позднее многие из этих монастырей превращались в ламаистские. Однако, начиная с эпохи Мин, очевидно, в рамках общей политики императорского Китая в отношении районов, населённых неханьскими народами, китайский буддизм получает новый толчок развития. В это время, как в городах, так и в отдалённых деревнях строятся монастыри, всего за эпоху Мин их было основано более шестидесяти [156, с.54].

В эпоху Цин в обществе наси происходили существенные изменения, связанные с проникновением конфуцианства и переходом от системы тусы к системе люгуань – прямому правлению из центра в районах национальных меньшинств. С 1723 г. местные главы стали постепенно замещаться китайскими чиновниками, под контролем клана Му остались лишь небольшие поселения наси⁵⁵. С этого момента стали рушиться сложившиеся экономические отношения в деревнях: местные и ханьские землевладельцы начали усиливать эксплуатацию крестьян и арендаторов. Лицзян вошёл в общегос-

⁵⁵ Однако, не смотря на смену данной системы управления, члены клана Му продолжали играть важнейшую роль в обществе наси вплоть до начала XX в. Кроме того, власть тусы продолжала существовать в некоторых уездах вплоть до установления КНР, например, в уезде Нинлан у мосо.

сударственную бюрократическую систему, а вокруг города была сооружена защитная стена [242, с.67].

В целом китайские исследователи пишут, что переход к новой системе люгуань отразился положительным образом на жизни национальных меньшинств, в том числе и наси [138, с. 97]. Однако известно, что переход был довольно болезненным, и, как указывает О.Е.Непомнин, «с этого времени началось планомерное наступление на доходы, земли и независимость местных народностей, вылившееся в своего рода второе маньчжурское завоевание этих территорий» [52, с.113].

Переход к системе люгуань оказал влияние на различные аспекты жизни народа наси. В эпоху Цин маньчжуры продолжали вести политику распространения конфуцианства в самых отдаленных районах страны. При императоре Канси (1662-1722) в 1697 г. потомок Конфуция Кун Синсюнь был отправлен в Лицзян и назначен там помощником правителя области. Император поставил перед ним задачу обратить местные народы в конфуцианство, изменить их обычаи и традиции, чтобы было легче контролировать пограничные территории [107, с.77]. В XVIII в. ведётся повсеместное строительство конфуцианских школ. Большинство китайских исследователей считают, что ханьское влияние того периода стало причиной, послужившей увеличению роста образованности среди наси и так называемого «культурного развития». Ещё до 1723 г. стало увеличиваться число наси, которые получали образование в общественных или частных конфуцианских школах. В XVIII в. в Лицзяне открывались смешанные школы, в которых обучались как студенты наси, так и хань. Также известно, что преподаватели этих школ были хань, отправленные в Лицзян из других провинций Китая. В период правления Цянлуна (1736-1795) в Лицзяне было открыто 17 школ подобного типа. Однако в народную среду конфуцианство проникало довольно медленно – традиционные верования были давно сформированы

и устойчивы [72, с.83].

Кроме верований дунба ещё одним барьером, сдерживающим проникновение ханьской культуры, был язык. Даже в XIX в. ещё очень мало нас могли говорить на китайском языке, либо владели им по минимуму. В конце эпохи Цин в Лицзяне было только 80 человек, которые смогли пройти экзамен на должность [156, с. 111].

Однако популярность образованности росла – образование становилось неким символом престижа, и люди стали стремиться к тому, чтобы получить его. В то же самое время новые тенденции в обществе стали сильно отражаться на положении женщины – в то время как многие мужчины стали целиком посвящать себя образованию, всё больше бремени по поддержанию семьи и хозяйства ложилось на плечи женщин.

Политика эпохи Цин в Лицзяне оказала сильное влияние на обычаи и традиции нас, прежде всего тех, которые принадлежали к знати. Больше всего конфуцианская культура затронула такие стороны жизни нас как семейно-брачные отношения и похороны.

В эпоху Цин знатные семьи нас совершали обряд бракосочетания согласно конфуцианским традициям и даже одевались в китайские платья. Совершение обряда также проходило на китайском языке [232, с.94]. Как известно, в традиционном обществе народа нас браки заключались свободно, по любви, половые отношения также были довольно свободными⁵⁶. Однако пришедшая извне конфуцианская культура запрещала подобные свободные отношения, что вызывало специфическую реакцию в обществе нас того периода. Знатные семьи нас действительно стали придерживаться китайских традиций в семейно-брачных отношениях, однако, эти новые нормы вызвали сопротивление нас, что выразилось в распростране-

---

⁵⁶В современное время традиционные отношения нас, описываемые в сказаниях дунба, сохранились в уездах Яньюань и Мули в Сычуани, в Дэчен-Тибетском АО, а также в уезде Нинлан у мосо.

нии обряда *сюньцин*⁵⁷ в XVII-XIX вв. Одновременно на эти же века пришёл расцвет письменности дунба, возросла роль священников и шаманов.

Что касается погребального обряда, то в результате влияния китайской культуры в это время среди наси Лицзяна постепенно получает распространение погребение в землю, однако кремация продолжала существовать вплоть до середины XX столетия. Однако, обряд погребения сопровождался чтением текстов дунба и руководили его проведением священники дунба. Что касается районов проживания наси в Сычуани, а также уезде Нинлан, то там традиционные погребальные обычаи не подверглись изменениям, и их специфика сохраняется и в наше время, так же как и семейно-брачные отношения у мосо.

По мнению Дж. Рок, процессы усиления религиозного слоя общества наси, а также расцвет культуры дунба были связаны с нарастанием беспо-

⁵⁷ Ритуальное самоубийство пары влюбленных в случае, если им запрещено иметь отношения. Вопреки широко распространенному сейчас мнению, о том, что этот обряд распространен у наси повсеместно, Дж. Рок пишет, что он совершенно не знаком тем наси, которые живут севернее изгиба Янцзы и собственно мосо. Обряд сюньцин, который на языке наси называется *ka-ma-guu-mi-gkuı* наиболее широко распространен в Лицзяне [85,1-2]. П.Гулларт называет Лицзян столицей этого обряда. На тот момент, когда П.Гулларт писал «Забывтое королевство», он отмечал, что 80% самоубийств в Лицзяне относятся именно к совершению обряда сюньцин [66].

Согласно правилам похоронного обряда, поскольку юноша и девушка умирают внезапно и одни, во время погребальной церемонии никто не имеет права положить им в рот священную монету, которая могла бы открыть им врата Небесных Чертогов. Поэтому души покончивших суицидом влюбленных витают где-то в безлюдном пространстве между миром живых и мёртвых. Тот мир похож на землю, полную садами и долинами, реками и озёрами. В этих долинах растут так называемые «цветы жертвенной любви». Совершившие обряд сюньцин собирают с этих цветов росу и мёд, чтобы питаться ими и ведут бесконечные беседы с друзьями и предаются любви. Однако, спустя некоторое время душам надоедает эта жизнь, они часто вспоминают дом и только если их родители пригласят в дом дунба для совершения обряда жертвоприношения — *хайлаликэ*, тогда они смогут попасть в рай к своим предками [29, с.98-99].

Цель данного обряда *хайлаликэ* заключается в том, чтобы помочь душам, совершившим сюньцин попасть в рай. Он не является обязательным, всё зависит от конкретной ситуации и решения родственников. Приблизительный перевод названия церемонии — «умилостивить ветер». Само название связано с тем, что если человек погиб в результате совершения обряда сюньцин, а соответственно без серебра, чтобы он мог откупиться от демонов, его душу забирают семь девушек-демонов ветра, те самые, которые поют свои песни, призывая к совершению обряда. В этом случае под душой можно также понимать и «дыхание», которое забирают демоны вместо священных денег.

Суть *хайлаликэ* сводится к тому, что шаманы дунба совершают такие действия, которые способны умилостивить духов ветра, предложив им взамен души покойного другую душу. В данном случае в качестве такой «замены» используется последнее «дыхание» жертвенного животного, а именно цыплёнка. При этом птица должна быть убита таким образом, чтобы в процессе умерщвления её не касались люди, поэтому цыплёнка обычно душат верёвкой. Такой способ убийства, будет символизировать смерть живого существа в одиночестве, так что его последнее дыхание — душа, должны быть приняты духами ветра. В ходе совершения данного обряда шаман читает молитвы, и по окончании обряда считается, что духи отпустили душу умершего в рай к предкам, взяв взамен душу другого существа [86, 5-7].

койства в обществе наси, вызванного «разрушением гармоничного существования» народа, что повлекло за собой резкий рост потребности в религиозных практиках дунба, усилению роли священников в обществе, и, в конце концов, учащение использования текстов дунба. Пик подъема религии дунба приходится на годы после опиумных войн с Великобританией (1839-1842), когда торговля этим зельем стала очень прибыльным делом, а Лицзян, будучи важнейшим торговым узлом, в это время процветал. Много людей страдало от привязанности к опиуму, однако торговля приносила и немалую прибыль, так что услуги дунба, за которые необходимо было платить, пользовались большой популярностью в это время [165, с.299].

В эпоху Цин в культуре наси, опять же среди знатных семей, становятся популярными некоторые китайские праздники, особенно праздник Весны, который сопровождался проведением ряда религиозных церемоний дунба. В целом, хотя китайские праздники и вошли в культуру наси, однако в результате некоторого синтеза с местными традициями их проведение приобрело свои отличительные особенности.

Кроме всего прочего, китайское влияние сказалось на архитектуре жилых домов и буддийских храмов. Однако помимо ханьской в этой сфере также оказали влияние культуры народа бай и тибетцев. Дома по китайскому типу в основном строились к эпохе Мин и Цин, однако после «большого скачка», «культурной революции», а затем и землетрясения 1996 г. практически все аутентичные архитектурные сооружения были утрачены.

Обобщая можно сказать, что китайское влияние стало ещё одним «слоем», вошедшим, главным образом в эпохи Мин и Цин, в культуру наси. Проникновение китайской культуры происходило, прежде всего, при поддержке клана Му, правившего территориями, населеными наси и другими народами на протяжении более пяти веков. Китайская культура оказала лишь частичное влияние на духовную жизнь наси, в большей степени воз-

действуя на мирские аспекты бытия. Конфуцианство стало той основой, которая способствовала включению территорий, населяемых нами, в общегосударственную систему Китая.

Одновременно, на протяжении эпохи Цин не ослабевало влияние Тибета. В целом в XVII-XX в. в отношениях между нами и тибетцами не происходило существенных изменений. Во второй половине XVII в. клан Му в результате ряда военных поражений потерял контроль над районами граничащими с Тибетом — Чжундянь, Мули и Вэйси [189]. После проведения реформы (гайту гуйлю) вместе с экспансией Китая крепились торговые контакты с Тибетом, важную роль в которых по-прежнему играл Лицзян. В эпоху Цин продолжала роль караванной торговли продолжала усиливаться, о чём подробнее будет идти речь во 2 главе данного исследования. В XVII-XX вв. тибетский буддизм также продолжал оказывать сильное влияние на религиозную жизнь нас. В то время в Лицзяне были представлены как школы кагью («красная вера») и кармапа («чёрные шапки»), строилось множество тибетских буддийских храмов [141, с.77].

Итак, по итогам данной главы можно сделать заключение, что история становления отношений нас и титульной нации хань представляла собой длительный и сложный процесс. До эпохи Цин, общество нас, хотя имело постоянные контакты с центральным Китаем и соприкасалось с конфуцианской культурой, однако продолжало самостоятельное развитие, опираясь на самобытную культуру дунба. В этот период наиболее тесные отношения нас имели с соседним Тибетом, оказавшим значительное влияние не только на духовную культуру нас в целом, но и формирование дунба в частности. Наибольшее влияние на жизнь народа нас китайская культура стала оказывать со второй половины XVIII в., что было связано с новой политикой государства на окраинных землях, где проживали национальные меньшинства. Проводником культуры и социального устройства хань стало

конфуцианство, активно насаждавшееся в Лицзяне на протяжении всего периода правления Цин. Адаптация наси к новым условиям носила специфический характер — её выражением стало усиление, расцвет традиционной культуры и верований дунба в XVII-XIX вв. В целом к республиканскому периоду наси сохранили традиционный уклад жизни, традиции, обычаи и верования. Особенно прочной традиционная культура оказалась у наси, проживающих в современных уездах Яньюань, Яньбянь и Мули в провинции Сычуань, в уезде Манкан Тибетского АР, а также в уезде Нинлан у группы мосо. Кроме того, в самом Лицзяне простые наси также сохранили традиционный уклад жизни. Выгодное положение Лицзяна на торговых путях способствовало экономическому развитию наси, развитию их общества и поддержанию их независимости от центра. В целом, в преддверии Республиканского периода вхождение народа наси в собственно китайское общество далеко не было завершено, хотя он был интегрирован на политическом и территориально-административном уровне. Эти процессы получают своё развитие вместе с формированием реальной национальной политики в Китае на разных исторических этапах XX столетия, чему будут посвящены последующие главы данной работы.

Глава 2. Положение народа наси в республиканский период (1912-1949)

Республиканский период – один из сложнейших и малоизученных периодов в истории Китая. После Синьхайской революции, приведшей к падению маньчжурской династии, нарастает напряженность в ряде национальных районов страны, зарождается и усиливается стремление к самоидентификации как хань, так и неханьских народов. О положении национальных меньшинств в этот период известно крайне мало, также нет точных сведений об их численности в стране. Можно с уверенностью говорить лишь о том, что по численности хань значительно превосходили национальные меньшинства⁵⁸. Вместе с тем известно, что ряд окраинных районов страны обладал своей спецификой, во многих таких регионах соотношение населения малочисленных народов и титульной нации было не в пользу последних.

Юго-западные окраинные районы Китая исторически отличались пёстрым этническим населением. Провинция Юньнань является одним из интереснейших регионов для исследования национальной ситуации в Китае в разные периоды истории этой страны. Один из ее городов, Лицзян, по прошествии веков превратился в экономический, культурный и политический центр народа наси. Наиболее ранние известные источники по переписи населения в Юньнани того периода говорят о том, что в 1922 г. в этой провинции проживало 11 795 486 человек, из них в Лицзяне 132 583 человека [202]. Точная численность наси в республиканский период не известна, самые ранние официальные цифры мы встречаем только в первой переписи КНР 1953 г. Согласно данным переписи в том году численность народа наси

⁵⁸О проблеме установления реальной численности населения Китая и соотношении численности хань и малочисленных народов говорить и в труде В.А.Богословского, А.А.Москалёва. «Национальный вопрос в Китае (1911-1949)». О численности населения страны в целом и по провинциям говорится в статистическом сборнике «Распределение населения Китая — статистические таблицы и диаграммы плотности» - согласно данным, представленном в этом документе, на 1933 г. населения Китая составляло 458 915 439 человек [216, с. 51].

составляла 134 398 человек, из которых 117 895 человек проживало в Лицзяне⁵⁹.

2.1.Историография народа наси в республиканский период

Сравнительно небольшая численность населения народа наси по сравнению с другими народами Юньнани⁶⁰ могла, видимо, послужить причиной того, что о жизни этого народа и его положении в Китае в республиканский период существует крайне мало научных работ и полевых заметок. Данное обстоятельство существенно усложняет проведение исследований о наси в указанный период истории. Во многих работах того периода наси упоминаются лишь в числе прочих народов Юньнани, в некоторых о них не говорится совсем. Например, такую картину мы видим в большом труде Г.М.Вассал⁶¹ «In and Round Yunnan Sou» 1922 г. В 5 главе этой книги «Расы Юньнани» среди четырёх этнических групп, выделяемых автором (китайцы, тибето-бирманцы, тайцы и мон-кхмеры) наси отсутствуют, хотя Лицзян в то время являлся важнейшим транспортным и торговым узлом Юньнани. Однако из этого труда мы можем почерпнуть сведения об общей этнической картине в этой провинции в начале XX в. Г.М.Вассал указывает, что на тот период хань в лучшем случае составляли лишь 1/3 часть от населения провинции. Кроме того, она также подчеркивала, что исследование народов Юньнани уже тогда представляло собой весьма сложную задачу, поскольку наблюдения профессиональных ученых и миссионеров зачастую расходи-

---

⁵⁹ В этой же переписи представлено соотношение численности хань и национальных меньшинств – пропорции составили приблизительно 94% и 6% соответственно [15].

⁶⁰ Согласно правительственной статистике в 2013 г. наси занимали 15 место среди всех малочисленных народов Юньнани [256].

⁶¹ Габриэль Вассал (1880-1959) — жена врача физиолога Джозефа М.Вассала, оказывавшего медицинскую помощь населению отдаленных регионов Экваториальной Африки и Индокитая. Сопровождала мужа во всех экспедициях, оказывала медицинскую помощь местным жителям, вела дневники, где описывала политическое, географическое, экономическое и демографическое положение народов тех областей, которые она посещала. В своих работах опиралась на труды этнографов и историков предшествующих периодов, а также учёных-современников.

лись и не согласовались между собой, а многочисленные документы, составленные хань, были посвящены в основном административным делам, философии и литературе, но практически не описывали жизнь и положение местных народов [94, с.50]. Среди самых «значимых» тибето-бирманских народов Юньнани Г.М.Вассал выделяла лоло⁶². Аналогичные сведения мы находим в статье М.И.Казанина «Национальный вопрос Китая» (1933), в которой нами упомянуты как мосо или наши [39]. Впрочем, сведения о народах Юньнани, М.И.Казанин черпал из более ранних источников, прежде всего из монографии Г.Р.Дэвиса «Юньнань» (1909), в которой, про нас также практически ничего не говорится⁶³. Специфика исследования положения нас в республиканский период заключается в преобладании источников в форме полевых заметок ученых различных научных областей, а также миссионеров, при этом основная масса материала имеет общий, широко описательный характер, а информацию о материальной, духовной жизни нас и положении этого народа в государстве приходится собирать буквально по крупицам.

Изучению национальной ситуации в Китае в Республиканский период посвятили свой совместный труд «Национальный вопрос в Китае (1911-1949)» отечественные китаеведы В.А.Богословский и А.А.Москалев. В советской историографии существует немало теоретических трудов, из которых можно почерпнуть общие сведения о положении малочисленных народов в Китае в рассматриваемый период. Среди них можно выделить такие, как «Расселение национальных меньшинств Китайской Народной Республики» (1958) С.И.Брука, «Национальный состав Китая» (1933) М.И.Казанина, «К постановке национального вопроса в Китае» (1934) Г.С.Кара-Мурза,

⁶² В современной науке принято называть «и» (夷). Согласно последней переписи КНР в 2010 г. население и составляло более 8 млн. человек, из которых более 4,7 млн. проживали в Юньнани [7]. Согласно правительственной статистике в 2013 г. и являются самым многочисленным нацменьшинством этой провинции (что свидетельствует о том, что тенденция эта сохранилась с начала XX в.) [237].

⁶³ Г.Р.Дэвис в этом труде упоминает три названия нас: мосо, наши и лаши [54]

«Национальный вопрос в Китае» (1974) Л.С.Кюзяджана. Несколько трудов по положению нацменьшинств в республиканский период в Южном и Юго-Западном Китае принадлежат М.Х.Махмутходжаеву, среди которых широко известны «Национальная политика Гоминьдана в Южном Китае: 1927-1937» (1977) и «Петиционное движение неханьских народностей Юго-Западного Китая (30-е гг. XX в.)» (1977).

В китайской науке исследований, посвященных положению национальных меньшинств в республиканский период в Юго-Западном Китае не много⁶⁴. Здесь можно выделить «Проблемы юго-западных национальностей в период войны сопротивления» (1938) Цзян Инляна. Большая часть трудов написана уже в последние годы: «Юго-западные национальности в период Республики» (2012) Чжу Инчжана, «Признание и идентификация: положение юго-западных национальных меньшинств в республиканский период» (2012) Ван Вэньгуана, «К вопросу об образовании в юго-западных национальных районах в республиканский период» (2013) Хэ Тэн.

Научных исследований, в которых непосредственно анализируется положение народа наси в республиканский период, в отечественной, китайской и западной историографии очень мало⁶⁵. В основном можно встретить только краткие сведения об истории Юньнани и Лицзяна в рамках более общих работ. В связи с недостаточным количеством источников изучение различных аспектов жизни наси в этот период представляет собой сложную и одновременно интересную задачу.

⁶⁴Общих работ о положении малочисленных народов в республиканский период в китайской науке существует не мало. Поскольку в данной статье речь идёт о положении конкретного народа в данный период, приводятся примеры исследований, наиболее близких к рассматриваемому географическому району.

⁶⁵ Известно несколько работ китайских исследователей по жизни народа наси в республиканский период, но они обладают узкой спецификой (тогда как трудов посвященных полной истории наси и их положению в этот период — нет): Гэ Чэнянь «К вопросу о школьном образовании народа наси в республиканский период (1912-1949)» (2015); Ян Линьцзюнь «Исследование культуры и географии народа наси с эпохи Мин до республиканского периода» (2013) и «Проникновение и влияние сельскохозяйственный культур в районы проживания народа наси с эпохи Мин до республиканского периода» (2014); Чжоу Чжи Шэн «Женщины наси в торговле в Лицзяне республиканского периода» (1998).

Большую помощь в понимании жизни этого народа в республиканский период оказывают труды Дж. Рока (1884 – 1962) и П. Гулларта (1896-1978), дающие более поздним исследователям превосходный исторический и этнографический материал.

Дж. Рок — американский ботаник, географ и лингвист австрийского происхождения⁶⁶. В Китае провёл двадцать семь лет (1922-1949), главным образом в провинциях Юньнань, Сычуань и Ганьсу. В Китае, помимо исследований растений Джозеф Рок стал глубоко изучать наси — их язык, культуру, религию. Итогом его почти тридцатилетних исследований стал самый большой по объёму (включая наши дни) словарь языка наси («Наси-английский энциклопедический словарь», Рим, 1963 г.), а также два тома истории этого народа «Древнее государство наси в Юго-Западном Китае» (Гарвард, 1948). В этом труде Дж. Рок подробно описывает историю народа наси, даёт обширные географические сведения о регионах, где проживает этот народ. Историю народа наси Дж. Рок составлял, опираясь на переводы текстов дунба, а также на сведения «из первых уст» от самих наси. Дж. Рок перевёл огромное количество манускриптов дунба и прокомментировал их, в этом ему помогали местные священники дунба, которые были высокообразованными людьми, хранителями знаний, касающихся культуры и истории народа наси. Наибольший вклад Дж. Рок внёс в исследование религии наси. Он перечислил всех духов и божеств этого народа (более 2000), дал подробное описание половины из них. Помимо этого этот учёный описал

⁶⁶ Дж. Рок страстно увлекался флорой и даже успел поработать первым куратором гербария Гавайского Университета с 1911 по 1920 г., после чего окунулся в исследование флоры в Бирме, Тайланде и Ассаме (Восточная Индия), главной целью которого был дерево гиднокарпуса (чаулмугра), из семян которого получают масло, способное лечить проказу. Путь Дж. Рока во многом похож на деятельность его предшественника – ботаника Джорджа Форреста (1873-1932).

Джордж Форрест отправился в Юньнань 14 мая 1904 г. Это было первое из его семи путешествий в эту провинцию. Целью его экспедиций было исследование местной флоры. Результатом этой поездки стало собрание около 31 000 образцов растений, большая часть которых до тех пор была не **известная** европейцам. В своей работе Дж. Форрест привлекал местных жителей, в частности наси. Благодаря близким отношениям с этим народом ему удалось собрать 135 манускриптов дунба, которые затем были отправлены Джону Риланду, коллекционировавшему и исследовавшему манускрипты со всего мира (к 1922 году он стал обладателем самой большой коллекции манускриптов в мире).

особенности семейной жизни наси, их традиции и обряды⁶⁷.

П.Гулларт⁶⁸ – русский эмигрант, судьба которого сложна и необычна. В 1940 г. жизнь забрасывает этого человека в Лицзян, где ему предстояло прожить до прихода новой власти в 1949 г. В Лицзяне П.Гулларт занимался самыми разными видами деятельности: организацией кооперативов, врачеванием (он имел образование фельдшера), вёл борьбу с курением опиума. Благодаря своей общительности, открытому характеру и знанию китайского языка и диалектов наси, П.Гулларту удалось построить близкие отношения с этим народом. Результатом тесного общения с разными представителями народа наси стала удивительная книга «Забывтое королевство» (Лондон, 1957)⁶⁹. Эта книга богата этнографическими материалами, описаниями традиционной жизни простых наси в республиканский период. Здесь содержатся сведения о верованиях дунба, традиционных праздниках и обрядах народа наси, о ритуальных самоубийствах, обществе, семейных отношениях, торговых делах, отношениях с соседними народами и о многом другом.

⁶⁷ В результате полевых исследований 2018 г. автору данной диссертационной работы удалось взять интервью у пожилых жителей деревни Байша близ Лицзяна, в которой проживал Дж. Рок. Этот человек остался в памяти нескольких мужчин и женщин наси, знакомых с исследователем в раннем детстве и помнящих рассказы своих родителей о жизни этого человека. Жители деревни Байша подтвердили сведения о том, какой существенный вклад внёс Дж.Рок в развитие деревни и улучшение качества жизни местных наси. Имея медицинское образование и доступ к западным лекарствам, Дж.Рок постоянно оказывал помощь жителям деревни в лечении различных заболеваний, а также помогал наладить транспортную связь между Байша и Лицзяном, что повлияло на рост торговли между двумя населёнными пунктами. В наши дни наси с теплом и уважением отзываются от деятельности Дж.Рока, а его скромное жилище превратилось в дом-музей.

⁶⁸ Оказавшись в Китае, П.Гулларт сменил множество профессий, некоторое время работал в Ассоциации промышленного сотрудничества, которую возглавляла вдова Сунь Ятсена — Сун Цинлин. По роду деятельности Гулларт приобрёл огромное количество связей, в том числе и с тогдашним министром финансов гоминьдановского правительства Кун Сянси, который и предложил Гулларту отправиться в Юньнань, где ему предстояло заниматься организацией производственных кооперативов. В Лицзяне сохранился дом П.Гулларта, в настоящее время открытый для посетителей. На закате республиканского периода Дж.Рок и П.Гулларт часто общались друг с другом, оказывая взаимную помощь в торговых и прочих делах.

⁶⁹ Кроме этой книги П.Гулларт написал ещё несколько работ посвященных даосизму и ламаизму («Ламаистский храм у подножья горы Ванлуншань»), этнографический очерк о чёрных ицзу («Принцесса Чёрная Кость») и др. В России была переведена и издана только одна его книга – «Забывтое королевство» (Москва, 2012).

2.2. Политическая ситуация в Лицзяне в республиканский период

После Синьхайской революции 1911 г. провинция Юньнань оказалась под властью местных милитаристов. В 1915 г. Цай Э (1882-1916) провозгласил независимость Юньнани от режима Юань Шикая в Пекине. После чего Юньнань фактически находилась под властью милитаристов вплоть до октября 1945 г., когда во время «куньминского инцидента» последний глава Юньнаньской клики Лун Юнь (1884-1962) был свергнут в результате переворота, организованного генералом Ду Юймином (1904-1981) по указанию Чан Кайши (1887-1975)⁷⁰. В это время судьба народа насильственно начинает в большей степени вплетаться в общую историю Китая, нежели в предыдущие периоды.

В период Китайской республики на территории проживания национальных меньшинств Юго-Западного Китая сложилось два типа политико-административного управления. В некоторых районах существовало деление на уезды, а местное управление осуществлялось китайской администрацией. Однако в таких районах власть хань была лишь формально, фактически же управление находилось в руках старейшин национальных меньшинств. В провинции Юньнань подобная ситуация сложилась в местах расселения народа мосо [189, с.15].

Второй тип управления осуществлялся в районах, не имеющих деление на уезды. Здесь вся власть была сконцентрирована в руках местных чиновников, представлявших систему тусы, о которой говорилось выше. Как отмечается в работе В.А.Богословского и А.А.Москалева «Национальный вопрос в Китае (1911-1949)», ко времени образования республики в Юго-

---

⁷⁰ Подробнее о милитаристском режиме в провинции Юньнань см.: J.C.S. The Yunnan Provincial Faction 1927-1937. Australian National University, 1976. О свержении режима милитаристов подробнее см. в: D.J.Solinger. Regional government and political integration in Southwest China, 1949-1954. University of California Press, 1977.

Западном Китае этот институт ещё не исчез полностью⁷¹, в первой половине 1920-х гг. в Юньнани существовало 50 тусы. К концу 1920-х гг. в национальных районах их оставалось уже немного, однако, как правило, бывшие тусы получали должности чиновников и посты командующих войсками [27, с.67-68]. Второй тип управления был характерен для Лицзяна, где проживали наси.

С начала своего появления власть тусы в Лицзяне всегда принадлежала клану Му — знатному роду народа наси. Во время республиканского периода последние представители этого рода деградируют под влиянием всех тех событий, которые имели место в тот период в Китае. В 1931 г. Дж. Рок переписывает «Хроники клана Му», хранящиеся в резиденции этого клана в Лицзяне⁷². На страницах этих хроник мы находим имя последнего главы клана Му — Му Сункуэй (1929 - ?), о судьбе которого ничего не известно. П. Гулларт подробно описывает положение последних представителей клана Му, с которыми ему доводилось встречаться лично: «Красивая улица неподалеку от площади Медников вела к дворцу династии Му <...> Сам дворец, хаотичное сооружение в китайском стиле, использовался в качестве начальной школы округа.... Титул «король» или «начальник», которым в народе до сих пор обозначали главу династии Му, был не более чем данью почета — во времена правления Маньчжурской династии феодальное деление на королевства было отменено, и Лицзян стал префектурой (фу). Некоторое

⁷¹ Постепенный процесс упразднения системы тусы берёт своё начало во времена правления императора Иньчжэня (1722-1735), проводившего активную политику подчинения некитайских народов. Он проводил политику «замены тусы на чиновников, назначаемых из столицы» (гайту гуйлю 改土为流). «Тусы переводились на положение обычных цинских бюрократов или просто заменялись ими. С 1726 по 1731 г. должности тусы были отменены в Юньнани, Гуйчжоу и Гуанси, а во второй половине XVIII в. и в северо-западных районах Сычуани. 20-30-е годы стали временем усиленного наступления цинского режима на позиции национальных меньшинств Юго-Западного Китая. Замена косвенного управления (тусы) прямым (люгуань), захват земель аборигенов чиновниками, помещиками и особенно китайскими переселенцами, введение разорительных налогов и чиновничий произвол поставили коренное население — мяо, чжун, яо, тун, ли и др. — в крайне тяжелое положение» [52, с.117].

⁷² Самый первый перевод «Хроник клана Му» принадлежит известному французскому синологу и археологу Э.Шаванну (1865-1918), опубликованный в журнале «Тун бао» в 1912 г. Годом позже перевод был перепечатан в работе «Мосо» другого французского исследователя, тибетолога Ж.Бакота (1877-1965). Однако этот перевод в настоящее время не является столь известным как перевод Дж.Рока.

время должность префекта сохранялась за королями династии Му и передавалась по наследству, однако позже они утратили и эту привилегию, и последующие префекты назначались правительством Китая <...> К концу правления Маньчжурской династии королевское семейство Му успело изрядно продвинуться на пути разложения. Члены семьи усвоили новую в те времена моду на курение опиума и другие утонченные пороки китайского двора, так что падение было довольно болезненным. Лишившись доходов от некогда обширных владений, семейство вынуждено было продавать один за другим предметы искусства из столетиями собиравшейся коллекции и драгоценные памятные вещи своих предков, чтобы удовлетворить ненасытную жажду опиума <...> » [35].

С 1930-х г. какая-либо информация о судьбе рода Му отсутствует, что, по всей видимости, связано с политическими событиями, происходившими в те годы в Китае. Дж. Рок в своих многочисленных работах также не оставил сведений о том, как именно происходила смена политической власти в Лицзяне в период его пребывания в этом городе. П.Гулларт в «Забытом королевстве» рассказывает о событиях 1949 г., когда «красные» пришли в Лицзян, описывает многочисленные аресты и осквернения монастырей, однако о членах знатной когда-то семьи не говорит ни слова. В работах других западных или китайских исследователей также не удалось найти какой-либо информации на этот счёт. Вполне возможно, что в стремительном потоке событий тех лет судьбы представителей знати малочисленного народа не могли вызвать большого интереса. Таким образом, судьба древнего правящего рода народа нами после 1930-х гг. остаётся по настоящее время неизвестной.

Китайские историки, говоря о клане Му и его роли в жизни народа нами, подчёркивают, что 22 поколения этого клана на протяжении 470 лет своего существования (точнее: правления) являлись «представителями по-

литических интересов своего народа» и «верно служили центральному правительству», способствуя стабильности на юго-западных территориях и интеграции народов в политическую систему Китая [207, с.120]. Однако, когда речь заходит о 1930-х и последующих годах, любое упоминание о судьбе представителей этого клана просто отсутствует и на передний план выходит сам «народ». Так, в ряде работ историков Чжоу Цзюньхуа и Лян Шуан говорится о том, что после Синьхайской революции из народа наси стали «массово» выходить «борцы за гуманистические идеи» [207, с.123]. Здесь стоит отметить, что в те годы на политическую и общественную сцену действительно выходит немало выдающихся представителей народа наси. Однако, о чём редко упоминается в работах китайских исследователей, появление этих людей было во многом результатом новой образовательной политики на заре эпохи Цин, о чём будет подробнее сказано ниже в этой главе. При упоминании о событиях Войны в защиту республики (1915-1916) китайские исследователи также опускают роль представителей клана Му. Многие западные исследователи, а также миссионеры, интересовавшиеся жизнью, историей, традициями и менталитетом народа наси, отмечали воинственный дух мужчин наси. Как писал П.Гулларт, «контингент солдат-наси издавна служил опорой юньнаньской провинциальной армии — если требовалось сражаться, наси бились до последней капли крови». Солдат-наси нередко привлекали для защиты пограничных территорий Юго-Западного Китая, для подавления местных восстаний других малочисленных народов и т.д.⁷³ Однако, исходя из записей Дж.Рока и П.Гулларта, солдаты-наси направлялись участвовать в тех или иных боевых действиях по согласованию китайского правительства с кланом Му. Таким образом, клан играл важнейшую роль связующего звена между собственно наси и

---

⁷³ Наиболее известный пример — участие бойцов из народа наси в сражении за заставу Чжэньнаньгуань в 1885 г. во время китайско-французской войны 1884-1885 гг.

центром.

Между тем, в записках П.Гулларта и некоторых миссионеров, говорится о том, что по своей сути наси, хотя и были прекрасными воинами, являлись миролюбивыми людьми и добровольно не стремились принимать участие в каких-либо вооруженных конфликтах. Как указывает П.Гулларт, в 1930-1940-е гг. среди наси также слагали песни о том, с какой неохотой люди шли воевать. К сожалению, текстов этих песен или других упоминаний о них найти не удалось. Как указывают китайские историки, в 1930-х гг. бойцы наси принимали активное участие в японо-китайской войне (1937-1945), П.Гулларт писал, что «именно благодаря участию войск наси китайской армии удалось одержать знаменитую победу над японцами при Тайэрчжуане⁷⁴» [35]. В этом сражении погибли более 280 наси [156, с.244]. К сожалению, данный эпизод истории этого народа ещё не исследован в полной мере как китайскими, так и западными исследователями.

Национальная ситуация в Китае в первой половине республиканского периода была весьма нестабильной. На пороге Синьхайской революции в стране продолжали преобладать традиционные взгляды на взаимоотношения хань с остальными многочисленными народами, которые, как отмечал Г.Кара-Мурза, рассматривались титульной нацией как «обреченные на вымирание и ассимиляцию малочисленные группы» [40, с.49]. Особенно острой ситуация была в Синьцзяне, Внутренней Монголии, Тибете, Южном и Юго-Западном Китае. Народы Юго-Западного Китая Г.Кара-Мурза называет «наиболее обезличенными», подчеркивая полное безразличие хань к традиционному укладу жизни и культуре многочисленных малых народов этого региона. В конце XIX – начале XX вв. западные ученые и миссионеры предпринимали попытки выделения этнических групп и исследования их языков в Юго-Западном Китае. В этот период исследователи действительно

---

⁷⁴ Битва за Тайэрчжуан произошла в 1938 г., является частью битвы за Суючжоу.

сталкивались с проблемой нечеткого и слишком обобщенного представления самих хань о народах, населявших те земли. Часто в китайских документах разные народы были объединены под одним названием, зачастую несоответствующим самоназванию этих этнических групп. В результате возникала путаница при определении этнического состава населения тех или иных территорий провинции. На эту проблему указывала Г.М.Вассал, а также религиовед Ф.Г.Никольс, который прожил длительное время в ламаистском монастыре в Лицзяне в 1904-1905 гг. Так, в отношении народа наси, он, как и другие исследователи того периода отмечал, что название «мосо» является «закрепленным китайцами», тогда как самоназвание народа — наши, лаши, наси и некоторые другие вариации [97, с.50-51]. Путаница с названиями и невнимательное отношение к малым народам, дали толчок проблеме самоопределения этнической группе мосо, которая официальной наукой КНР в настоящее время определяется как ветвь народа наси.

2.3. Теоретические основы национальной политики Китайской республики

Национальная политика первой половины истории республиканского периода Китая (1911-1927) связана с поиском новых основ построения государства. На правительственном уровне, в этот сложный для Китая период, вопросы о проблемах национальных меньшинств ещё не получили своего развития. В главных законах страны того периода (Временная конституция 1912 г., проекты конституций 1913 и 1923 гг.) отсутствовало упоминание о неханьских национальностях, хотя в ст. 5 Временной конституции 1912 г. провозглашалось равноправие «всего народа Китайской республики без различия расы, сословий и религии». Аналогичные формулировки встречаются в проектах конституций 1913 и 1923 г., что по мнению В.А. Бо-

гословского и А.А.Москалева свидетельствует об установке республиканских правительств на «стирание национальных различий в стране» [27, с.20]. Текст проекта конституции 1923 г. пронизан духом национализма, и хотя согласно этому закону Китай провозглашался унитарным государством, тем не менее, в отличие от Временной конституции 1912 г., в этом документе была узаконена довольно развитая автономия провинций (глава 12 проекта конституции) [1].

Национальная политика Китая в первой половине республиканского периода была тесно связана с политическими воззрениями и идеями основателя партии Гоминьдан Сунь Ятсена. Основные идеи национальной политики Китая изложены в политической доктрине «трёх народных принципов», а именно в разделе о национализме (*миньцзу чжун*). Начало XX столетия характеризовалось засильем империалистических держав в Китае, которые оказывали огромное влияние на экономику и внешнюю политику страны. Как отмечают В.А.Богословский и А.А.Москалев, зависимое от иностранных держав положение Китая заставляло Сунь Ятсена подчеркивать особую значимость проблемы национального самоопределения, в основу которого он ставил нацию хань. В тексте учения о «трех народных принципах» Сунь Ятсен говорил, что «если мы хотим спасти Китай и хотим, чтобы китайская нация продолжала существовать всегда, мы должны насаждать национализм <...> Китайская нация составляет в общем 400 миллионов человек, в том числе несколько миллионов монголов, миллион с небольшим маньчжуров, несколько миллионов тибетцев и несколько сотен тысяч мусульман. Иностранцев не более 10 миллионов человек» [57]. Подобные высказывания встречаются неоднократно в тексте «трех народных принципов», что свидетельствует о том, что под «единой нацией» Сунь Ятсеном понимаются прежде всего хань [57]. Кроме того, в этой лекции он печется о воссоздании великой китайской нации, великого Китая, при этом го-

воря о соседних государствах как о «малых» и «слабых нациях». Что касается малочисленных народов Китая, то они упоминаются в этом учении только в качестве «инородцев», и не выступают в качестве сколько-нибудь важного элемента построения единой китайской нации.

Позиция ведущего политика Китая того периода была реакцией на сложную ситуацию, в которой находилась страна, и основные задачи национальной политики выстраивались в соответствии с важнейшими проблемами страны, одной из которых была консолидация нации. В свете задачи построения «единой китайской нации» (*чжунхуа миньцзу*) Сунь Ятсен призывал малочисленные народы к «слиянию» с ханьцами ради «спасения Китая», принося в жертву самобытность и самоопределение десятков малых этнических групп, населявших страну. Однако, с другой стороны, Сунь Ятсен выступал за идею равенства всех национальностей, а в конце жизни призывал к оказанию помощи малым народам окраин Китая. В целом, учение о национализме Сунь Ятсена, отвечало потребностям и основным задачам, которые Китай должен был решать в первой половине республиканского периода, и каких-либо предпосылок о расширении прав и поддержании малочисленных народов Китая в это время не существовало⁷⁵.

Первая половина XX в. характеризовалась нестабильностью на территориях национальных окраин Китая. На сегодняшнее время существует

---

⁷⁵ Вопрос о взглядах Сунь Ятсена на национальную политику в Китае выходит за рамки данного диссертационного исследования. Здесь приводится краткое описание политической ситуации в стране с целью обозначения контекста, в котором происходило развитие народа наси и изменения в его положении в республиканский период.

Излагая основы национальной политики республиканского периода в Китае, также необходимо обратить внимание на произведения другого гоминьдановского деятеля — Дай Цзитао (1891-1949). Этот журналист, историк и политик придерживался точки зрения Сунь Ятсена касательно национального вопроса и считал, что Китай должен был стать демократической республикой на основе нации хань. Именно с ханьской нацией он связывал понятие *чжунхуа миньцзу*. Необходимым условием возрождения Китая Дай Цзитао прямо называл принцип ассимиляции неханьских национальностей с помощью, во-первых, создания сильного централизованного государственного аппарата наряду с ликвидацией провинций в качестве административных округов, а, во-вторых, с помощью активной колонизацией территорий, где проживали множество неханьских народностей. Взгляды Дай Цзитао касательно национального вопроса были также сопряжены с проблемой экономической и политической интервенции иностранных государств в Китае.

немало сведений о тяжелом положении многих национальных меньшинств Южного и Юго-Западного Китая. Так, в период с 1914 по 1922 г. в провинции Гуанси происходили восстания мяо, яо и чжуан, которые были недовольны тяжелым налоговым гнетом и высокими ссудными процентами. В 1920-30-е гг. не раз поднимались на восстания мяо в провинции Юньнань. Однако, если говорить о народе наси, то в доступном нам материале отсутствуют сведения о каких-либо протестах со стороны этого народа в республиканский период. Каковы могли быть факторы и условия стабильного существования этого народа в столь беспокойный для страны период? Как отмечается многими отечественными исследователями национального вопроса в Китае первой половины XX столетия, одной из основных причин недовольства своим положением малочисленных народов была постепенная колонизация их родных земель ханьцами. К сожалению, точных цифр, свидетельствующих о пропорциях ханьского и коренного населения в провинциях Юго-Западного Китая, в частности Юньнани, нет⁷⁶. Однако, различные данные свидетельствуют о том, что в Лицзяне в республиканский период численность наси, вероятно, всё ещё оставалась выше численности пришедших ханьцев. Так, по статистике 1922 г., о которой было упомянуто выше, население всего Лицзяна в тот год составляло более 132 тысяч человек. Как известно, основным сосредоточением народа наси как в тот период, так и в современное время, является именно Лицзян. Три десятилетия спустя первая перепись населения КНР показала, что из 134 тысяч наси, 117 тысяч проживали в Лицзяне. В своих заметках П.Гулларт также свидетельствовал о том, что наси в республиканский период являлись преобладающим насе-

---

⁷⁶ Китайский исследователь Ян Лицзюнь, говоря о демографической ситуации в Лицзяне в эпоху Цин и в республиканский период, отмечает, что численность ханьцев стала постепенно расти в Лицзяне после проведения реформы *гайту гуйлю* в 1723 г. При императоре Цяньлуне (1711-1799) в 1743 г. были изданы «Краткие записи о Лицзяне», в которых говорилось о том, что на тот период в этом городе проживали представители 44 ханьских фамилий, однако точное количество человек не указано. При императоре Гуансюй (1871-1908) количество фамилий возросло до 82, а к концу республиканского периода их насчитывалось уже 138. [229, с.280-282].

лением Лицзяна. Как отмечалось в первой главе данного исследования, исторически наси поддерживали с хань особые отношения, и хотя первые имели политический контроль над землями этого народа, осуществляя его через систему тусы, тем не менее, наси всегда придерживались своих традиций и обычаев, определяя себя как отдельный, независимый от хань, народ. Вероятно, что пропорции национальностей в населении Лицзяна в рассматриваемый период помогли поддержать на некотором уровне сложившийся уклад отношений между наси и хань. Другим фактором, оказавшим влияние на стабильное положение в общественно-политической среде наси могло быть особое экономическое положение и развитие этого народа и данных территорий в республиканский период, о чём подробнее будет сказано ниже. Развитая система караванной торговли, присутствие множества иностранцев на внутреннем рынке Юньнани, в том числе и Лицзяна, высокое развитие мелкой частной собственности, владельцами которой по большей части являлись представители наси — всё это не могло не оказывать влияния не только на социальную жизнь наси, но и этническое самосознание этого народа в республиканский период⁷⁷. Роль свободной и развитой торговли в жизни малочисленных народов провинции Юньнань (в особенности уездов Лицзян, Сягуань и Шангри-ла) в республиканский период подчёркивает также китайский историк Тянь Лицзюнь [173, с.137-141].

Следующий этап национальной политики в Китае был связан с позицией Чан Кайши (1887-1975) по национальному вопросу. Как отмечает отечественный востоковед М.Х.Махмутходжаев, Чан Кайши, в отличие от Сунь Ятсена, полагал, что Китай в 1920-е гг. уже являлся государством

---

⁷⁷ О специфических чертах менталитета и характера народа наси много писал П.Гулларт. Он отмечал их гордость и свободолюбие, бесстрашие перед новыми веяниями и новыми пришлыми людьми. Несмотря на отлично работающий китайский бюрократический аппарат и нахождение хань в административном управлении, наси, как отмечает П.Гулларт, словно не обращали на эти явления сильного внимания. Торговые дела были сосредоточены в руках лицзянских наси, из которых на деле мало кто хорошо мог говорить на китайском, а писать тем более. Конфуцианская культура хотя и насаждалась центром, но в те годы ещё не получила большого распространения среди простых наси.

«чжунхуа миньцзу», подразумевая под этим термином понятие шире, нежели «ханьцзу», в котором неханьские народы представлялись как «ответвления» от общей нации [48, с.42]. Подробным образом Чан Кайши изложил свою точку зрения о национальном вопросе в книге «Судьба Китая», написание которой было начато в 1942 г., а издание состоялось в 1943 г. В действительности, в этой работе Чан Кайши пишет о том, что китайская нация является смесью различных народов, подчёркивая, что «слияние было скорее культурным, нежели военным, оно происходило скорее путём ассимиляции, нежели завоевания» [68, с.30]. Вслед за Сунь Ятсеном Чан Кайши пишет о том, что в основу китайской нации вошли ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане⁷⁸, однако, на что следует обратить внимание, он подчёркивал, что разница между этими «пятью народами», определяется лишь «религиозными и региональными факторами, а не расой или кровью» [68, с.40]. В целом концепция Сунь Ятсена о национализме была искажена гоминьдановскими политиками и мыслителями. Как справедливо отмечают А.А.Москалев и В.А.Богословский., в представлении новой власти множества малочисленных народов словно бы и не существовало, и построение национализма должно было идти скорее за счёт укрепления единства внутри «одной китайской нации». Таким образом, данная позиция гоминьдана привела к тому, что какая-либо программа по решению национального вопроса у правительства отсутствовала [27, с.28], впрочем, как отмечает М.Х.Махмутходжаев и сам национальный вопрос, с точки зрения позиции Чан Кайши, фактически не существовал [48,с.42].

Теоретические установки гоминьдана по национальному вопросу нашли своё отражение в законодательных актах того периода — Временной конституции периода «политической опеки» (1931 г.) и Проекте Постоянной конституции (16.10.1934). Статья 6 Временной конституции провозгла-

⁷⁸ Чан Кайши называет их не народами, а родами (*цзунцзу*).

шала, что «Китайская республика всегда будет единой», а граждане страны равны перед законом без различия пола, расы и религии. В период нахождения гоминьдана у власти идея о «единстве Китая» реализовывалась путём внедрения провинциальной системы правления в национальных районах⁷⁹. В состав провинциальных правительств, созданных в 1928 г., вошли только ханьцы, в том числе и в провинции Юньнань. Таким образом, права и интересы национальных меньшинств в реализации внутренней политики на втором историческом этапе республиканского периода никаким образом не учитывались новыми властями.

Позиция гоминьдана по национальному вопросу вызывала недовольство среди неханьских народностей страны. В 1934 г. в Нанкине было создано Общество содействия культуре юго-западных народов (西南夷族文化促进会), филиалы которого были открыты в Юньнани, Сычуани, Гуйчжоу и других провинциях. Работа этого общества в большей степени затрагивала защиту интересов народов мяо и ицзу, сведений об участии представителей наси в этой организации или о какой-либо их деятельности, направленной на изменение положения народа, в отечественных, западных и китайских источниках найти не удалось. Можно предположить, что в период Нанкинского десятилетия регион проживания наси (Лицзян) продолжал оставаться относительно стабильным. Не удалось найти упоминаний о каких-либо национальных движениях наси в Лицзяне в работах П.Гулларта и Дж.Рока.

В тоже время известно, что в 1921 г. в уезде Юннин произошло восстание, организованное представителями малочисленных народов — мосо, пуми, бай и другими, а также обедневшими ханьцами. Аналогичное восстание представителей различных народов, среди которых были и наси,

---

⁷⁹ Было сделано исключение для Монголии и Тибета. Во Временной Конституции, в статье 1 сказано, что «Территория Китайской Республики состоит из различных провинций, а также Монголии и Тибета» [1].

произошло в 1935 г. в уезде Мули провинции Сычуань [158, с. 45-46]. Поводами для восстаний послужили чрезмерные налоги и обнищание крестьян, которыми в большинстве являлись представители малочисленных народов. О том, могли ли лежать в основе этих восстаний реакции на ущемление прав по национальному признаку или иные проблемы, связанные с вопросом национальной самоидентификации, доступные источники информации не содержат. Скорее всего, в основе этих восстаний лежали всё же экономические причины. Как неоднократно было сказано выше, сведений о недовольстве наси в Лицзяне своим положением на протяжении республиканского периода в китайских, западных и отечественных источниках нет. Причиной тому могли послужить особенности экономической ситуации в Лицзяне в республиканский период, о чём будет сказано ниже.

2.4. Экономическое развитие районов населенных наси районов в республиканский период

Как отмечают в соответствии с формационным подходом отечественные и китайские исследователи, в 1910-е гг. у большинства нацменьшинств Юго-Западного Китая преобладали феодальные производственные отношения с разного рода пережиточными явлениями более ранних стадий социально-экономического развития. Кроме того, основной массе малых народов этого региона присуща заметная неравномерность экономического развития не только между разными этническими группами, но и внутри одного народа [154, с.45]. Народ наси не был здесь исключением. Так, в уездах Нинлан, Вэйси, Чжундянь, Яньюань и Мули господствовали феодальные производственные отношения, тогда как в Лицзяне и Юннине было развито землевладельческое производство, а уровень социально-экономических отношений был не ниже, чем в районах с преобладающим ханским населе-

нием [156, с.36].

Следует сказать, что экономически развитые по меркам того периода Лицзян и Юннин имели отличные друг от друга пропорции национальностей в демографической картине (как и в настоящее время). В республиканский период в Лицзяне среди прочих национальных меньшинств преобладали наси, тогда как Юннин был населён народом мосо⁸⁰. В настоящее время китайское правительство официально включает народ мосо в состав наси, однако, исходя из записей П.Гулларта и Дж.Рока, в первой половине XX в. эти народы не считали себя единым целым. Известно, что в отличие от народа наси, мосо имеют матрилокальную и матрилинейную систему семьи, а также практикуют «визитные» браки. Как описывает в «Забытом королевстве» П.Гулларт, из-за этих особенностей образа жизни, мосо вызывали насмешки и неприязнь со стороны наси⁸¹.

В хозяйственном отношении в первой половине XX в. между наси и мосо также существовали некоторые различия. В тот период основным злаковым, выращиваемым мосо, было просо, которое рис вытеснил только в 1950-х гг. Кроме просо были также широко распространены ячмень⁸², бобовые разных видов и кукуруза, которая появилась в этом регионе предположительно в XIX столетии [156, 233]. Как отмечает исследователь Сяо Линь-

⁸⁰ Согласно переписи населения в КНР в 2010 г. численность мосо составляла 53 000 человек. Округ Юннин в 1917 г. был включен в состав уезда Нинлан. В 1956 г. был образован Нинлан-Ийский автономный уезд, который с 1970 г. находится под управлением городского округа Лицзян [7].

⁸¹ «В городе всегда вызывало фурор прибытие представителей одного известного матриархального племени, проживающего к северу от Лицзяна на расстоянии примерно семи дней караванного путешествия. Появление мужчин или женщин из этого племени на рынке или выход за покупками на Главную улицу неизменно сопровождалось возмущенным перешептыванием, хихиканьем и воплями оскорбленной невинности со стороны женского населения Лицзяна — и скабрёзными комментариями со стороны мужского <...> С ярко накрашенными губами и глазами, они двигались по улице медленным, струящимся шагом, покачивая бедрами и бросая призывные взгляды на окружающих мужчин. Одного этого хватало, чтобы вызвать возмущение у наиболее простосердечных женщин наси» [35].

⁸² Ячмень широко культивируется в Северо-западной Юньнани, Сычуани, Цинхае и Тибете. Как отмечал тибетолог Жэнь Найцянь (Ren Naiqiang), ячменная культура широко распространена среди народа цян в Сычуани, которые выращивают этот злак на высоте 3000-4000 м. [126, с.27-28]. В современной отечественной, китайской и западной науке древний народ цян считается предками современных наси и мосо.

го, в прежние времена (республиканский период и ранее) правители Юннина накладывали строгий запрет на выращивание риса на этих территориях, с тем, чтобы не допустить притока ханьских иммигрантов [98, с.144]. Распространенный в наше время среди наси и мосо картофель не являлся традиционной пищей этих народов, а вошёл в употребление только после большого неурожая 1930 г., когда они были вынуждены импортировать большое количество этого овоща [170, с.233]. Согласно данным китайского исследователя Ян Линьцзюня в самом начале республиканского периода овощеводство ещё не было распространено среди мосо и получает своё развитие с 1930-х гг [220, с.32]. Что касается народа наси, в частности в Лицзяне, то как рисоводство, так и овощеводство были распространены ещё с эпохи Мин. В республиканский период в Лицзяне выращивали рис, бобовые, просо, пшеницу, кукурузу и многое другое. Как объясняет Ян Линьцзюнь, вероятно, что большое разнообразие злаковых, а также овощей, было связано с тем, что наси Лицзяна находились под более сильным влиянием хань, чем остальные более труднодоступные районы расселения этого народа⁸³.

Наси Лицзяна и мосо Юннина с давних времен занимались разведением лошадей. Этот род деятельности играл очень важную роль в экономическом развитии данного региона ещё с VII в. Начиная с эпохи Тан и до середины XX столетия через земли народа наси проходил Древний чайный конный путь *чамагудао* (茶马古道), благодаря которому Китай торговал с Тибетом и через Бирму с Северо-Восточной Индией [75, с.60]. Как отмечают китайские исследователи, сеть торговых путей в провинции Юньнань окончательно сформировалась в 80-х гг. XIX в., и помимо караванных путей включала в себя в том числе и речное сообщение, однако сухопутные доро-

---

⁸³ Так, среди наси уезда Яньюань на юге Сычуани и уезда Чжундянь на северо-западе Юньнани в республиканский период рис ещё не получил распространения.

ги играли наиболее значимую роль. Главными пунктами большинства торговых маршрутов являлись Куньмин, Дали, Лицзян и Сягуань⁸⁴. Во время республиканского периода китайское правительство не принимало непосредственного участия в развитии древнего чайного и конного караванного маршрута, однако частная торговля процветала⁸⁵ и наши принимали в ней непосредственное участие. Основными пунктами на этом маршруте кроме Лицзяна были также Сягуань, Чжундянь⁸⁶, Адуньцзы, Цзянка и другие. На всём этом пути в конце XIX вв. и в республиканский период процветала караванная торговля, в которой принимали участие представители множества народов Юго-Западного Китая, других внутренних регионов и соседних стран, приостанавливаясь только на зимний период, когда продвижение по землям Тибета становилось невозможным. Большое значение этот путь приобрел во время Второй мировой войны, особенно в 1942 г., когда приморские города Китая и Бирмы были оккупированы японскими войсками, и благодаря караванам, идущим этим маршрутом, шло снабжение Юго-Западного Китая из Индии.

Активная караванная торговля по Древнему чайному конному пути позволила Лицзяну превратиться в один из важнейших экономических центров Юньнани республиканского периода, где были открыты Банк провинции Юньнань, Банк Коммуникаций и филиалы других национальных

---

⁸⁴Этот торговый маршрут также соединял Куньмин с Гуйяном (Юньнань-Гуйчжоу), достигал Хунани, Цзянси, столицы Китая, а также других внутренних территорий страны, и носил название *тунцзин дадао* (通京大道). В последние годы эпохи Цин, а также в начале республиканского периода маршрут Куньмин-Гуйян приобретал всё большее значение. В этот период в Юньнани шло активное развитие производства меди, которая затем транспортировалась по сухопутному маршруту до уезда Чжэньюань в Гуйчжоу, где происходила переброска меди на водный маршрут, откуда медь расходилась в другие регионы страны. [165, с.1043-1045]

Другим важнейшим маршрутом был торговый путь Куньмин-Чэнду, который в последние годы эпохи Цин и в начале Республиканского периода был известен как основной маршрут, по которому шла транспортировка поваренной соли в данных районах. Кроме того, по этому пути шла перевозка чая, яблоч, душистых трав, а также лаковых изделий из провинций Гуйчжоу и Юньнань в Чэнду [242, с.88].

⁸⁵ Процветала не только имевшая давние традиции торговля между соседними регионами, но и международная торговля.

⁸⁶ Прежнее название современного уезда Шангри-Ла Дечен-Тибетского автономного округа провинции Юньнань.

банков. Особенного расцвета торговля в Лицзяне достигла в 1930-1940-е гг., число магазинов во время Второй мировой войны выросло до 1200, тогда как в 1911 г. их насчитывалось всего 30 [87, с.152].

П.Гулларт, живший в Лицзяне как раз в период расцвета торговых отношений, писал, что в этом городе кроме местных наси было также много тибетцев и иностранцев⁸⁷. Многочисленные представители разных народов стекались в Лицзян ради торговли, тогда как в самом городе всей коммерцией заправляли наси, имевшие торговые лавки и в других поселениях. Исходя из китайских источников и научной литературы, а также дневниковых заметок свидетелей происходящих в Лицзяне событий, можно заключить, что с экономической точки зрения республиканский период стал временем процветания народа наси в Лицзяне (чего не скажешь о наси и других малочисленных народах, проживавших в отдаленных деревнях, находившихся вдалеке от торговых маршрутов).

Рост экономического благосостояния Юннина также объясняется тем, что в республиканский период он являлся ключевым пунктом на отрезке Древнего чайного конного пути, соединявшего Лицзян и Дацзяньлу. В 1930-1940-е гг. большое количество мосо начинают участвовать в торговле, особенно во время процветания добычи меди в уезде Мули⁸⁸. Многие зажиточные мосо становятся владельцами караванов, следующих маршрутом Лицзян — Лхаса [165, с.199]. К 1950 г. около одной трети мосо были так или иначе включены в караванную торговлю, что позволило улучшить материальное благосостояние не только знати, но и простым людям [208, 85].

---

⁸⁷ Так П.Гулларт описывает торговлю в Лицзяне в своей книге «Забытое королевство»: «Тибетские караваны исправно и бесперебойно снабжали Лицзян товарами из Калькутты — как для местного потребления, так и для перепродажи в Куньмин. В Лицзяне можно было найти все лучшие марки английских и американских сигарет, любые ткани. Здесь продавались даже новые модели зингеровских швейных машинок. Цены, конечно, были довольно высокими, поскольку караван — самый дорогой вид транспорта в мире. В одной из лавок имелись небольшие запасы импортного пива по двадцать пять долларов за бутылку; позволить себе этот напиток богов могли немногие. Спички стоили пятьдесят центов за коробок — ими почти не пользовались, приберегая на крайний случай» [35].

⁸⁸ Основными жителями уезда Мули являются тибетцы, наси и другие малые народы.

Одновременно этот же торговый путь сыграл свою роль в торговле опиумом, выращивание которого было широко распространено особенно в первую половину республиканского периода в Юньнани. Так же как и в XIX в. торговля опиумом в тот период становится самым большим источником дохода для крестьян. Опиум экспортировался огромными партиями по железнодорожным путям и караванами на рынки Центрального и Южного Китая. Компании, торговавшие опиумом финансировались непосредственно милитаристами и бюрократами, получавшими от этого огромные доходы. Только в 1930-е гг., культивирование опиума было запрещено по всей провинции кроме некоторых регионов на западе и юге Юньнани, где производство этого наркотика было санкционированным [95, с.101-103]. В целом, меры по контролю за выращиванием опиума, видимо, не принесли существенного результата. Если в 1906 г. в Юньнани было произведено около 78 тыс. даней⁸⁹ опиума и провинция занимала по этому показателю 2-ое место в стране после Сычуани, то в 1931 г. было произведено более 50 тыс. даней наркотика, основная масса которого выращивалась на землях национальных меньшинств [127, с.133-134].

В республиканский период курение опиума было сильно распространено среди мужчин наси. П. Гулларт отмечал, что «многие из них курили опиум без всякой меры» и были часто «поколочены» за это своими насиски-ми женами. Кажется, что курение опиума и торговля этим наркотиком были настолько обыденными в Лицзяне, что говоря о главе Железодобывающего кооператива, который «подрабатывал торговлей опиумом с ицзу», П.Гулларт пишет, что «в этих краях подобные вещи серьезным проступком не считались»⁹⁰. Большая часть заболеваний наси и мосо того периода также была связана с употреблением этого наркотика [35].

---

⁸⁹ Дань — мера веса, равная 59,6816 кг.

⁹⁰ Следует обратить внимание, что речь идёт уже о 1940-х гг., тогда как торговля опиумом и его выращивание уже были запрещены.

Говоря об экономическом развитии наси и ведения ими хозяйства в республиканский период, китайские исследователи зачастую делают акцент на трудном положении крестьянства, «эксплуатируемым капиталистами». Однако о том, какое количество наси занимались сельским хозяйством, было задействовано в торговле и других видах деятельности, статистической информации найти не удалось. Подобных сведений также нет ни у П.Гулларта, Дж.Рока или в дневниках миссионеров. Поэтому в связи с отсутствием доступных достоверных источников сложно дать объективную оценку реального положения крестьян, принадлежавших к числу национальных меньшинств, в том числе и наси.

Однако, можно с уверенностью сказать, что на республиканский период пришёлся не только расцвет торговли в Лицзяне, но и развитие кустарной промышленности и производственных кооперативов. Так, в 1926 г. в Лицзяне существовало более 30 кустарных мастерских, принадлежавших к отраслям медной, кожевнической, текстильной, бумажной и другим видам промышленности [121, с.49-53]. Например, в уезде Юншэн⁹¹ в тот период была широко развита добыча меди и производство различных изделий из этого материала. Согласно китайским источникам, данная местность славилась медной рудой ещё в эпоху Наньчжао (629-1382), однако позже разработки пришли в упадок и получили продолжение лишь при правителях клана Му, которые «насильно сгоняли» главным образом наси и лису на добычу меди в этот район [240, с.471-472]. Согласно статистическим материалам НПКС КНР, в начале республиканского периода в Лицзяне существовало всего 5 кустарных производств, на которых было задействовано 19 рабочих (их этническая принадлежность в источнике не указана) [121, с.50]. В этот период в Лицзяне существовало 4 мастерских, производящих изделия из

---

⁹¹Уезд Юншэн в наши дни входит в состав городского округа Лицзян. В наши дни производство меди продолжает оставаться одной из самых важных отраслей промышленности уезда.

кожи и меха, в которых было задействовано всего 14 человек. Основными продуктами производства были национальные накидки и другие виды верхней одежды, которые носили преимущественно сами [121, с.53]. Однако наиболее широкое распространение получила текстильная промышленность, имевшая 6 производств в Лицзяне. Как отмечает Ян Юйцай, текстильное производство, в котором полностью были задействованы сами, включало в себя три категории: 1) производство сукна тибетского типа, которое затем продавалось в Гьелтанге (современный уезд Шангри-ла), Дэчэне (Дечен-Тибетский АО, Юньнань), а также экспортировалось непосредственно в Тибет; 2) производство одежды и ковровых покрытий, использовавшихся среди местного населения и в местных ламаистских монастырях; 3) производство хлопчатобумажной ткани [121, с.49-53]. Производство бумаги в начале республиканского периода также было развито в Лицзяне, что связано во многом с наличием большого количества ресурсов — древесины, и включало в себя 6 мастерских. Однако настоящий подъем промышленности в Лицзяне получила с началом японо-китайской войны, и её развитие было во многом связано с деятельностью П.Гулларта, который был направлен в этот регион в том числе и для создания индустриальных кооперативов.

П.Гулларт прибыл в Лицзян в 1941 г., когда торговые маршруты, пролежавшие через этого город уже получили новый толчок для развития, а торговля начала процветать⁹². В течение всего своего пребывания в Лицзяне П.Гулларт занимался созданием различных производственных кооперативов, среди которых были такие, например, как железодобывающий, маслостойкий, скорняжно-обувной кооперативы, бумажная артель и другие

---

⁹²П.Гулларт, был поражен свободой торговли в Лицзяне в 1940-е гг.: «Лицзян был необычайно свободным местом, особенно в том, что касалось торговли и производства. Вино домашнего изготовления или какие бы то ни было другие товары, произведенные дома или на фабрике, не облагались никаким акцизом; для их продажи не требовалось ни лицензий, ни разрешений. Всякий мог свободно производить и продавать что угодно и где угодно — на рынке, на улице или в лавке» [35].

производства. Как сам пишет П.Гулларт, «к лету 1949 г. число промышленных кооперативов достигло сорока пяти»⁹³.

Согласно его записям, в кооперативах трудились представители разных народов, среди которых большинство составляли наси, ханьцев же были лишь единицы. С одной стороны, доли численности национальностей на производстве могут свидетельствовать также и о пропорциях населения в Лицзяне в целом, что, в данном случае, подтверждает сведения о том, что в середине XX в. хань всё ещё составляли значительное меньшинство в этом регионе. С другой стороны, эти материалы демонстрируют доли тех или иных этнических групп, занятых в определенных областях хозяйства. Китайские и западные источники свидетельствуют о том, что в республиканский период в Лицзяне в промышленности и торговле в основном были задействованы наси, в меньшей степени другие народы, и в ещё меньшем количестве — хань. О пропорциях национальностей среди крестьянского населения доступные источники не содержат информации. Дневники миссионеров содержат отрывочные сведения о том, что крестьянами были по преимуществу очень бедные представители национальных меньшинств (однако наси среди них не фигурируют⁹⁴), а также обедневшие хань, но опять

⁹³ П.Гулларт, о кооперативах («Забывтое королевство»): «Среди них были шерстепрядильные, ткацкие и вязальные сообщества, артели по производству латунных и медных товаров, сообщество мебельщиков-миньцзя, кооператив по изготовлению сухой лапши, мастерская по литью деталей для плугов, тибетские сапожные и скорняжные кооперативы и множество других мелких компаний. Два прядильных и ткацких кооператива целиком управлялись женщинами и притом входили в число наилучших. В одном из них председательствовала пожилая женщина на редкость могучего телосложения. Она не умела ни читать, ни писать, однако орлиным взором следила за всеми финансовыми операциями. Всю шерсть она закупала самостоятельно, а реализация пряжи происходила под ее строжайшим контролем и надзором. Участниками кооператива — двенадцатью женщинами и тремя мужчинами — она управляла железной рукой, временами колотя мужчин до бесчувственного состояния за проступки или чрезмерное курение опиума. Но строгость ее компенсировалась справедливостью и честностью, и подчиненные преклонялись перед ее управленческим талантом — помимо всего прочего, их кооператив загребал деньги лопатой.» [35]

⁹⁴ Большинство наси, судя по всем имеющимся в наличии источникам, в республиканский период (как и в настоящее время) проживали в Лицзяне. Городское население было задействовано в основном в торговле и мелкой кустарной промышленности. Конечно, всё это не исключает того, что среди наси могло быть достаточно больше число крестьян, однако, их количество могло быть сильно меньшим, по сравнению с представителями других национальных меньшинств, поэтому не попало в поле зрения иностранных миссионеров и исследователей. Кроме того, численность наси по сравнению, например, с ицзу или мяо также гораздо меньше.

же, их число не было значительным. Наибольшее число упоминаний о хань мы встречаем в различной литературе и источниках в связи с крупной финансовой деятельностью, а также в качестве представителей служилого и военного сословий. В данном исследовании этот вопрос рассмотрен с целью дать максимально детальное описание экономического положения наси в демографическом контексте в республиканский период в Лицзяне. Более подробный анализ вопроса о пропорциях хань и национальных меньшинств в этом регионе в рассматриваемый период требует наличия гораздо большего количества материалов, содержащих фактические данные. Эта тема выходит за рамки данной диссертационной работы и требует отдельного исследования.

Наконец, говоря о развитии хозяйства и торговли в Лицзяне в первой половине XX в., нельзя не сказать об огромной роли женщин наси, принимавших во всей этой деятельности самое активное участие. О высокой роли женщины среди наси писали Дж.Рок и П.Гулларт, отмечавшие их практичность, умение вести торговые дела и свободные отношения с «внешним миром». Китайский исследователь Чжоу Чжишэн приводит статистические данные, согласно которым в 1944 г. среди 1058 торговых людей, официально проживавших в экономическом центре Лицзяна Даяне, 440 человек были женщинами — около 41%, что являлось очень высоким показателем по стране в целом [208, с.85] Кроме того, как отмечал П.Гулларт, фактически управляющими магазинов и фирм также часто являлись женщины наси, даже в том случае, когда предприятие по документам принадлежало её мужу. Как отмечает Чжоу Чжишэн, и подтверждение его слов мы находим в записях П.Гулларта, Дж.Рока и западных миссионеров, насиские женщины занимались самыми разными типами торговой деятельности. Это были и «оседлые торговцы» имевшие постоянные лавочки в городе, и владельцы «передвижных магазинчиков», продававшие товары из соседних уездов.

Женщины наси были задействованы и в коммерческих операциях, таких как обмен валюты, размен денег или выдача займов. Как правило, эти женщины свободно говорили на нескольких языках — наси, китайском, бай, тибетском и других [208, с.86-87]. Кроме всего вышеперечисленного женщины, которые занимались торговлей, также ходили с караванами в более отдаленные регионы — вплоть до Тибета.

Аналогичная ситуация наблюдалась и у народа мосо. У Цзэлинь, говоря о женщинах мосо, сообщал, что они являются главной движущей экономической силой своего общества, в то время как мужчины «прохлаждаются без дела и не способны жить, не опираясь на женский труд» [174, с.21]. Китайский исследователь Чжоу Чжишэн считает, что свободные женщины наси, успешно управлявшие торговыми делами, были одним из ведущих факторов развития экономики Лицзяна в республиканский период [208, с.87].

2.5. Деятельность миссионеров и состояние духовной культуры наси

Первая половина XX в. стала временем активного проникновения христианских миссионеров в Лицзян, которые пытались распространять свою веру среди народов этого региона, в том числе и наси. В 1912-1949 гг. большая часть христианских миссионеров прибывала в Лицзян из соседних Индии, Мьянмы, а также из Америки и Голландии [143, с.13-14]⁹⁵. Первыми миссионерами, которые посетили Лицзян в этот период были голландцы. Миссионер Ари Кок (1883-1951) со своей супругой добрался до Куньмина в

⁹⁵ Республиканский период не был самым первым этапом в истории проникновения христианства в Юго-Западный Китай. В 1696 и 1804 г. в провинции Юньнань уже были учреждены католические приходы. Во время Опиумных войн французские миссионеры активно проникали в Юньнань из юго-восточных регионов Китая. В тот период Куньмин становится центром распространения христианства в Юньнани, и его влияние распространяется до Лицзяна. Однако в целом, христианство проникает в Юньнань позже, чем в другие провинции Китая, а Лицзян, в свою очередь, также оказывается одним из городов этой провинции, куда миссионеры приходят позднее всего — ввиду его географической труднодоступности.

1912 г., где встретился с другими миссионерами из Канады. Первоначально Кок собирался отправиться проповедовать в Тибет, но так как регион был закрыт для миссионеров, то он решает отправиться в Лицзян. В это время к А.Кок и его супруге присоединились ещё три миссионерки, таким образом в 1912 г. Лицзян впервые посетили женщины, проповедовавшие христианство. В письмах А. Кока говорится о том, что жители Лицзяна, наси, встретили миссионерок враждебно и называли их «белыми демонами»⁹⁶. В 1914 г. А.Коку и его помощницам удалось основать христианскую школу, которая существовала до 1916 г. Однако за эти два года удалось привлечь лишь троих жителей города (об их этнической принадлежности в письме не говорится) [96, с.344].

В эти годы в Лицзян прибывают и немецкие миссионеры. В 1907 г. Отто Карренберг (точные годы жизни неизвестны) со своей супругой Розой начинает свою христианскую миссию в Китае и в 1931 г. добирается до Лицзяна, где ведет проповеди среди наси и лису [93, с.232].

В своих дневниках голландские и немецкие миссионеры писали о том, что наси Лицзяна были совершенно невосприимчивы к их проповедям. Наибольший результат был достигнут миссионерами в более отдаленных горных деревнях, особенно среди лису [96, с.345]. Как отмечает норвежский исследователь М.Х.Хансен, среди жителей Лицзяна, обращенных в христианство были только хань, приехавшие туда из Сычуани [72, с.50]. П.Гулларт объяснял неспособность миссионеров привлечь на свою сторону наси тем, что у этого народа было своё восприятие мира. В то время наси полностью придерживались верований дунба, согласно которым «земное существование есть хоть и временная, однако весьма важная и существен-

⁹⁶ Дж. Рок и П.Гулларт в своих произведениях тоже описывали подобное явление. Больше всего европейцы пугали людей, приехавших торговать в Лицзян из отдаленных горных деревень, они никогда не видели иностранцев и называли их «белыми демонами». Однако, как отмечали эти исследователи, подобные заблуждения не были распространены среди наси. Вероятно, что по приезду в Лицзян миссионеры ещё не различали людей разных народов, которые в большой массе приезжали в этот город по торговым делам.

ная часть бытия <...> каждый нами считал своим священным долгом прожить ее с полной отдачей. <...> Что могли дать им миссионеры секты, которой удалось закрепиться в Лицзяне? Они настаивали на отказе от всего, что близко и дорого сердцу нами, — вино и табак были запрещены, равно как и танцы и флирт с красивыми девушками на нескончаемых пикниках. Запрещались медиумические сеансы и общение с духами близких, всегда готовыми прийти на помощь. Культ предков порицался, любые отношения с красивейшими монастырями и храмами следовало прервать. «Что же нам тогда останется?» — спрашивали себя нами. Это не жизнь, а смерть при жизни, — заключали эти веселые, жизнелюбивые люди. В конечном итоге никто из них так и не обратился в христианство» [35].

Китайский исследователь нами Ли Цзечжу отмечает большое влияние миссионерской деятельности на жизнь нами и других национальных меньшинств, проживавших в областях, прилегающих к Лицзяну. Как пишет Ли Цзе в своей работе «Эволюция развития культуры нами в Лицзяне» (2007), миссионеры строили большое количество церквей, которые затем продолжали функционировать как школы или больницы. Ли Цзе рассматривает влияние западных миссионеров на жизнь местных народов в позитивном ключе: они разрабатывали письменность на основе латинского алфавита для народов, не имеющих её, занимались просвещением и поднимали культурный уровень людей в целом. Кроме того многие миссионеры записывали традиционные сказания малочисленных народов, сохраняя их для потомков. В то же самое время Ли Цзечжу отмечает, что деятельность западных миссионеров была гораздо более успешной среди ицзу и лису, чем среди нами, однако объяснений этому явлению он не находит [141, с.89-90].

Что касается религиозной жизни нами, то в республиканский период она продолжала носить традиционный характер, сохранившийся в практи-

чески неизменном виде с предыдущих веков. Среди нас были крепко укоренены верования дунба, а «мудрецы» дунба играли важнейшую роль в жизни общества нас. Дж. Рок и П. Гулларт стали свидетелями проведения многочисленных праздников, церемоний и обрядов, исполнявшимися в соответствии с традициями дунба [85; 86]. В 1940-е гг. в Лицзяне существовало пять монастырей тибетского буддизма, принадлежавших школе кармапа⁹⁷. Как отмечал П. Гулларт, хотя нас не являлись последователями ламаизма, но «мистическая доктрина тантрического буддизма, красочные ритуалы, связь церкви с Лхасой — всё это вызывало у нас большую симпатию». Относительно конфуцианства можно сказать, что несмотря на довольно раннее его появление в Лицзяне, оно не получило распространения среди низших слоёв населения народа нас. Главными последователями конфуцианства и китайской культуры в целом являлись члены правящего клана Му⁹⁸. Однако среди зажиточных нас ещё начиная с XIX в. пользовались популярностью конфуцианские школы, образование в которых сулило продвижению по карьерной лестнице⁹⁹. Тем не менее конфуцианское образование не оказало влияния на религиозные верования и традиционный уклад жизни простых нас, о чём пишут в своих работах Дж. Рок и П. Гулларт.

⁹⁷ Тибетский буддизм — это направление буддизма, распространенное в Тибете, а также в прилегающих к нему областях Гималаев и восточных регионов Центральной Азии. Буддизм появился в Тибете приблизительно в VII в. Кармапа — крупнейшая ветвь школы Кагью в тибетском буддизме, основателем которой был Кармапа Дуйсум Кхьенпо (1100-1193). Как отмечает исследователь тибетского буддизма Е.А.Островская-младшая, традиция школы кагьюпа «отмечена стремлением включить мирских последователей в религиозную жизнь монастырей, открыть им доступ к непосредственному изучению письменного сакрального знания». [53, с. 264]

⁹⁸ Согласно историческим хроникам, первые конфуцианские школы в Лицзяне стали появляться уже в эпоху Юань, а при Мин стали появляться первые частные школы, однако при этих династиях образование по китайскому образцу могли получить только дети из клана Му [72, с.29].

⁹⁹ В эпоху Цин конфуцианство в Лицзяне получает очень сильное развитие, популярными становятся философские диспуты, однако в действительности, людей воспитанных в духе этого учения было по-прежнему мало, так как фактически мало семей имели такую возможность дать конфуцианское образования своим детям. Другим фактором, сдерживающим проникновение конфуцианства в жизнь простых людей был языковой барьер. В XIX в. всё ещё малое число нас могли говорить на китайском языке, либо владели им по минимуму. В конце эпохи Цин в Лицзяне было только 80 человек, которые смогли пройти экзамен на должность [156, с.77].

2.6. Новая образовательная политика в Лицзяне и её влияние на уровень культурного развития среди наси

К началу республиканского периода в Китае наси являлись самыми образованными среди всех национальных меньшинств провинции Юньнань¹⁰⁰. Как экономический и культурный центр, Лицзян был восприимчив к разного рода новшествам. В 1901 г. правительством Китая было положено начало реформам, называемых «новой политикой» (*синьчжэн*). В рамках этих реформ, в 1905 г. Цыси издала ряд указов о преобразованиях, среди которых было и введение «заморских наук», создание школ современного типа. Проведение «новой политики» вскоре оказало влияние на жизнь народа наси. Первая половина XX в. стала временем открытия учебных заведений нового типа (по западному образцу) в Лицзяне. Правительство Лицзяна учредило первую школу в 1905 г. [137, с.89]. Эта школа являлась не только государственным учебным заведением нового образца, но и самой главной школой уезда, одновременно являвшейся административным органом просвещения. Как отмечает Ли Цзе, первая школа в Лицзяне стала центром распространения ханьской культуры, поскольку её структура, методы преподавания, а также сами предметы¹⁰¹ не имели никакой связи с традиционной культурой местных народов, в том числе и наси [141, с.90].

К 1911 г. в Лицзяне было открыто 36 школ младшего, среднего и старшего звена, совокупное количество учеников в них достигало 1207 человек [116, с.12-13]. Эта тенденция в образовании продолжалась до 1949 г., в период Китайской Республики в Лицзяне было основано много других учеб-

¹⁰⁰ Эта тенденция существует и в наше время. По статистическим данным за 2015 г., численность наси, имеющих тот или иной уровень образования, выше, чем у других нацменьшинств Юньнани. [232, с. 230-232].

¹⁰¹ Гэ Чэнянь в своём исследовании «К вопросу о школьном образовании народа наси в республиканский период (1912-1949)» (2015) перечисляет список предметов, преподававшихся на заре эпохи Цин в этой школе, это были: чтение классических текстов (12), общенациональный язык (8), математика (3), физкультура (3), нравственное воспитание (2), география (2), естественные науки (2), рисование (2), история Китая (2). В скобках указано количество часов в неделю [117, с.12-13].

ных заведений. Следует сказать, что образование в этих школах проходило по западному образцу, много внимания уделялось изучению китайского языка и само преподавание велось на китайском. Наси, которые обучались в этих школах, впитывали в себя как китайскую, так и западную культуру. Что касается новых школ, открытых в отдаленных деревнях, где кроме наси проживали представители и других национальных меньшинств, то, как отмечает Гэ Чэньян, в тех школах продолжали использоваться методы преподавания старого образца, что способствовало распространению ханьской культуры среди народов в районах, прилегавших к Лицзяну¹⁰². Однако, опираясь на сведения из доступных источников, можно с уверенностью сказать, что в республиканский период новое образование не привело к изменению отношения народа наси к своей собственной традиционной культуре¹⁰³.

В конце эпохи Цин в Лицзяне начинают открываться учебные заведения профессионального образования. Первой стала сельскохозяйственная школа, открытая в 1908 г., которая выпускала специалистов по шелководству. Интересно отметить, что эта школа финансировалась за счёт налоговых поступлений со скота, производства корицы и сосновой древесины из уезда Хэцин [116, с.12-13].

Проведение «новой политики», открытие школ нового образца, близость к торговым путям, миссионерская деятельность и посещение западными учеными Лицзяна, а также открытость его жителей к нововведениям — все эти факторы дали возможность появлению выдающихся личностей из народа наси в республиканский период.

¹⁰² В качестве базовых учебных материалов в таких школах использовались «Троесловие», «Сто фамилий», «Тысячесловие», а также китайская азбука эпохи Мин [116, с.12].

¹⁰³ Данная гипотеза подтверждается в том числе и информацией, полученной из интервью с пожилыми людьми наси и мосо, которая была собрана диссертантом в 2011-2018 гг. Среди опрошенных присутствуют двое религиозных деятелей дунба возрастом 35 и 83 года. По свидетельствам интервьюированных жителей Лицзяна и окрестных деревень (Байша, Лугу) — наси и мосо полностью придерживались своей традиционной культуры вплоть до событий «большого скачка» и «культурной революции».

Одним из известных учёных из народа наси того периода был Чжоу Ланьпин (1847-1924)¹⁰⁴. Этот человек обладал степенью *цзюйжэнь* и ратовал за отмену системы государственных экзаменов *кэцзюй*, считая их пережитком прошлого, не дававшим нормальное развитие современному образованию. В начале XX в. Чжоу Ланьпин работал частным преподавателем в Сингапуре, а по возвращению в Лицзян, как и многие наси того времени, занялся торговлей. Будучи родом из Шигу (53 км от Лицзяна), после своего возвращения на родину он также начал строительство моста, через р. Чунцзян, что помогло улучшить состояние коммерции в посёлке. Он был первым человеком, поднявшим хозяйственную деятельность в Шигу на более высокий уровень, основав там предприятие по производству шёлка [197, с.133-134]. Кроме того, ратуя за продвижение новых наук в образовании, Чжоу Ланьпин открыл 20 школ в Лицзяне и его окрестностях [204, с.36].

Сын Чжоу Ланьпина — Чжоу Гуаньнань (1875-1933), продолжил дело отца и также занимался образованием в Лицзяне и родном Шигу. Кроме того, он принимал участие в Синьхайской революции и был членом Тунмэнхуэй. Современный исследователь Хэ Чжиу, также наси по происхождению, писал о Чжоу Гуаньнани, как о человеке, «активно пропагандировавшем идеи национальной независимости среди соотечественников наси», а также продвигавшем идеи о важности повышения культурного уровня своего народа [184, с.34]. С 1925 г. Чжоу Гуаньнань становится начальником уездов Шуанбай и Фэни, однако после возвращения на родину и вплоть до конца своих дней он продолжал заниматься образовательной деятельностью [248].

В конце эпохи Цин, а также в первые годы республиканского периода в Лицзяне и других крупных городах Юньнани открывались общеобразова-

---

¹⁰⁴Чжоу Ланьпин был дедушкой знаменитого художника Чжоу Линя (1902-1977), который и в настоящее время остаётся самым известным представителем своей профессии среди наси. Подробнее о нём см. в главе 3 данной диссертационной работы.

тельные школы для девочек младшей, средней и высшей ступеней. Благодаря активному развитию образования в Лицзяне и участию образованных нами в этом деле, в будущем из этого народа вышло не мало учёных, писателей, художников и других выдающихся личностей. Первой известной исследовательницей традиционной культуры дунба стала Чжао Иньтан (1904-1993), родом из семьи обедневшего ученого, которая стала первой студенткой высшего учебного заведения из народа нами. Чжао Иньтан была первым писателем и поэтом в Китае, которая переводила священные тексты и литературные произведения дунба с насиского на китайский язык. Пик научной деятельности и творчества исследовательницы пришёлся на республиканский период, в 1939 г. Чжао Иньтан делает перевод значимого в культуре нами эпоса дунба – «Сотворение мира». После 1949 г. и до 1965 г. Чжао Иньтан занималась изучением культуры и традиций своего народа. Доступные источники не содержат сведений о судьбе исследовательницы в годы «культурной революции», известно лишь, что в этот период никакая научная и творческая деятельность не велась. В 1980-х гг. Чжао Иньтан продолжила переводить стихи и песни народа нами, издала несколько сборников.

В целом для 1912-1949 гг. характерно появление исследователей культуры нами из своего народа, которые, в большинстве, посвящали свою деятельность изучению родного фольклора, особенностей быта и религиозных обычаев. Историческими, социальными и более глубокими религиозными исследованиями занимались западные ученые, а также миссионеры. Что касается исследователей из собственно китайской среды, хань, то они начинают активно интересоваться различными аспектами истории, общества, религии и культуры нами уже после установления новой власти, особенно в первой половине 1950-х гг., о чём будет подробно сказано в следующей главе данной работы.

Что касается взаимодействия и взаимовлияния культур наси и хань, то как отмечали Дж.Рок и П.Гулларт, вплоть до 1949 г. совсем немногие наси умели говорить на китайском языке, а писать могло ещё меньшее число людей. В этот период китайская культура ещё не оказала существенного влияния на семейные и общественные отношения среди наси и мосо, а также на их религиозные воззрения. Только представители знати наси являлись приверженцами ханьской культуры — носили китайские одежды, отмечали китайские праздники, а семейный уклад строился согласно конфуцианским принципам. Простые наси говорили на родном языке, носили насискую традиционную одежду, исполняли обряды и церемонии согласно верованиям предков, а «мудрецы» дунба занимали высокое место в иерархии общества этого народа.

Подводя итог общему положению наси в республиканский период можно сказать, что эта веха в истории народа, несмотря на ту смуту, которая происходила в стране, стала временем сильнейшего экономического подъёма, повышения уровня жизни и, очевидно, развития общества наси в целом. Кроме того, для рассматриваемого периода характерно сохранение наси традиционного уклада жизни, духовной и материальной культуры, об упадке которых на фоне взаимодействия с внешними культурами, не было найдено никаких свидетельств.

Глава 3. Положение наси в период с 1949 г. до перехода к политике реформ и открытости в 1979 г.

3.1. Историография народа наси с 1949 по 1979 г.

До образования КНР информации о малочисленных народах, населявших страну, исследований связанных с их историей и культурой практически не проводилось. Как справедливо отмечали политические деятели той эпохи, фактически, ситуация (в самом широком смысле этого слова) в регионах проживания малочисленных народов была мало изучена и плохо знакома новым кадрам страны. То же самое можно сказать и о наси.

Об источниках и исследованиях истории и культуры наси в период до образования КНР было сказано в предыдущей главе. О положении народа наси в период с 1949 г. до окончания «культурной революции» западных и отечественных источников сведений нет. Исключением являются этнографические исследования А.М.Решетова, проводившиеся в первой половине 1960-х гг. до начала «культурной революции». Что касается общих работ по положению малочисленных народов и национальной политики КНР в рассматриваемый в данной главе период, то об основных работах говорилось во введении диссертационного исследования. Главными источниками сведений о положении наси и мосо в эти годы являются китайские исследования, а также публикации в китайских СМИ в 1950-1970-е гг., которые представляют собой большую ценность, поскольку находятся в ограниченном доступе для широкого круга читателей, а также зарубежных исследователей. Наиболее значимые работы, которые послужили источником информации о жизни народа наси в эти годы, описаны в данном разделе диссертации.

В 1950-е гг., несмотря на тяжелую экономическую ситуацию в стране,

началось постепенное становление таких областей китайской науки, которые занимались исследованием истории, духовной и материальной культуры, обычаев и традиций, языка народа наси.

Первые китайские исследователи обращали внимание, прежде всего, на устное творчество народа наси — песни и сказания. Эти аспекты народной культуры играли важнейшую роль в условиях построения нового общества, о чём подробно сказано в нижеследующих разделах данной работы. До 1958 г. преобладали научные работы, объектом исследования которых были исторические и культурные аспекты народного творчества наси, активно издавались сборники с переводами песен и лирики наси, включая анализ и комментарии к ним. Например, в 1957 г. в журнале «Народная литература» вышла статья Чжоу Лянпэя «“Течение скорби” — поэзия старейшин народа наси», повествующая о запретной любви, завершившейся ритуальным самоубийством влюбленных. В этой статье Чжоу Лянпэй приводит полный перевод поэмы наси на китайский язык, а также даёт короткую историческую справку и литературный анализ этого произведения. Позднее, в период «большого скачка» появляются научные работы, для которых характерно политизированное содержание, научный аспект отходит на второй план. В 1959 г. выходит статья Оу Гэня «Национальная культурная работа должна находиться в тесном союзе с современной политикой и производством», автор которой говорит о необходимости трансформации народных культур, в том числе и наси, что является необходимым условием к переходу на следующую ступень развития общества — социализма. Оу Гэнь подчёркивает, что силы народной культуры должны быть направлены на реализацию «большого скачка», в частности, песни должны воодушевлять трудящихся на выполнение производственных планов, совершений трудовых подвигов [164, с.7-13]. В 1961 г. выходит «Малый сборник народных песен Юньнани» [233, с.114], в котором можно найти отрывки из на-

родных песен некоторых народов, а также имена самых известных в то время исполнителей, в том числе и наси. Однако большая часть статьи носит политический характер. В ней, например, говорится о том, что посредством своих песен братские народы выражают свою солидарность с текущей политикой партии, а также являются частью культурного воспитания. В заключение Оу Гэнь подчёркивает, что народное творчество достигло небывалого расцвета в последние несколько лет благодаря опеке партии и заботе председателя Мао об искусстве. Статьи подобного характера встречаются в довольно большом количестве вплоть до «культурной революции», однако после 1966 г. научных работ или публикаций в СМИ на тему песенного и танцевального творчества наси практически не было.

В 1950-е гг. перед правительством Китая стояла важная задача по созданию письменности для многочисленных народов, не обладавших ею, или же обладавших в ограниченной форме, поэтому в первое десятилетие существования нового государства проводилось множество исследований языков и письменностей национальных меньшинств. К сожалению, специализированных трудов по языку и письменности наси, опубликованных в 1950-е гг., в ходе написания данной работы найти не удалось. Однако, опираясь на научные и популярные публикации тех лет, можно с уверенностью сказать, что таковые были. Кроме того, некоторые исследователи начала 1960-х гг. в своих работах ссылались на некоторые труды предшественников, что также служит дополнительным доказательством проведения научных изысканий в этой области. Среди научных работ, посвященных языку и письменности наси в 1950-х начале 1960-х гг. наиболее значительными являются «Исследование “историй” записанных пиктографической письменностью мосе Лицзяна» Фу Маоцзи¹⁰⁵ и «Словарь пиктографического пись-

---

¹⁰⁵ Самая ранняя ссылка на эту работу, которую удалось найти — в статье Ту «Пиктографическое письмо наси» [172].

ма мосе» Ли Линьцаня¹⁰⁶. Эти два ученых являлись наиболее крупными исследователями языка и письменности народа наси вплоть до «культурной революции», и даже во время этого тяжелейшего в истории страны периода некоторые их работы продолжали публиковаться. Например, «Перевод с комментариями девяти канонических книг мосе» Ли Линьцаня вышел в 1967 г., а «Словарь пиктографического письма мосе» был переиздан в 1972 г. Однако, полноценное исследование языка наси и письменности дунба получило своё продолжение и развитие лишь с 1980-х гг.

Традиционные верования народа наси также становятся объектом исследований китайских ученых 1950-1970-х гг. В это время публикуются как общетеоретические, так и узкоспециализированные статьи. Примером из первой категории может служить работа Цюнь Хуэй «Религиозные верования малочисленных народов Китая» 1962 г., где даётся краткий обзор народов, придерживающихся буддизма, ламаизма, ислама и католического христианства, а также описываются некоторые из «первобытных верований». Интересно отметить, что Цюнь Хуэй рассматривает наси в качестве ламаистов и буддистов, однако о верованиях дунба не упоминает вовсе. Данная работа носит несколько политизированный характер, подчёркивается роль партии в объединении народов разных религий в единое целое, приводятся статьи из Конституции устанавливающие свободу вероисповедания [192, с.11].

Одной из первых узкоспециализированных работ, затрагивающих традиционные верования наси, стали «Заметки о гаданиях на бараньих костях народов и, цян и наси» археолога Лин Шэня в 1963 г. Лин Шэнь отмечает, что кости для гадательных практик среди этих народов представляют практически «живой материал», и хотя к 1949 г. эти практики уже не были

---

¹⁰⁶ Самая ранняя ссылка на эту работу, которую удалось найти — в статье Лин Шэнь «Древнее гадание на бараньих костях у и, цян и наси» [135].

широко распространены, тем не менее, сохранились в некоторых районах вплоть до 1960-х гг.. Среди этих районов автор статьи отмечает Лицзян и соседние территории, где проживали наси. Как писал Лин Шэнь, среди наси гадание на костях было очень распространено и, что интересно, этими техниками владели не только шаманы дунба, но и простые люди, хотя для них совершение подобной практики было крайне нежелательно и осуждалось служителями культа. В статье подробно описаны методы гадания, сравниваются способы, используемые и, цян и наси, приводится ряд отрывков из трактатов дунба, написанных пиктограммами¹⁰⁷. Автор этой работы неоднократно подчёркивает, что с развитием общества, гадательные практики «отбрасываются народами как пережитки прошлого», однако также обращает внимание на их существование «ещё до недавнего времени», в связи с чем ученые имеют богатый материал для исследований [135, с.162-166]. Лин Шэнь продолжал вести исследования в этой области вплоть до «культурной революции», о дальнейшей его судьбе, к сожалению, никакой информации найти не удалось.

В 1960-е гг. велись исследования похоронных традиций наси. Наиболее крупной работой в этой области является «Традиции похорон народа наси в Юннине провинции Юньнань» историка и этнографа Сун Чжаолина, который даёт очень подробное описание процесса погребения, а также приводит фотоматериалы [168, с.200-204]. Особенность данной работы состоит в том, что её автор старается не делать политических и идеологических акцентов в тексте статьи, что является редким случаем в те годы. В целом, после 1966 г. научные исследования в области традиционных верований наси

¹⁰⁷ Следует обратить внимание, что Лин Шэнь приводит пиктограммы дунба из «Словаря пиктографического письма мосе» Ли Линьцао. К сожалению, в сносках не указан год издания и место издания этого труда. Дело в том, что статья Лин Шэня вышла в 1963 г., а первое издание словаря, которое мне удалось найти (а также и упоминание о нём) относится только к 1972 г. В связи с чем возникает вопрос: когда именно был издан первый словарь пиктограмм наси? Ссылка на этот труд в статье Лин Шэня явно свидетельствует о том, что работы по исследованию и переводу пиктограмм дунба проводились, вероятно, ещё в 1950-е гг. Однако, к сожалению, конкретной информации по этому вопросу в доступных китайских и зарубежных источниках найти не удалось.

были прекращены на целое десятилетие, до окончания «культурной революции».

Начиная с 1960-х гг. специфика семейно-брачных отношений народа мосо также начинает привлекать внимание исследователей. В 1962 г. китайский этнограф Сун Эньчан опубликовал работу «Матриархальная семья народа наси» [167, с.32-39]. В труде автор рассмотрел систему традиционных семейных отношений народа наси, проживающих в волости Юннин Нинлан-Ийского автономного уезда провинции Юньнань. Во время написания данной работы в Юннине насчитывалось 857 семей наси, всего 6222 человека. Сун Эньчан пишет о тех же родах, что и известный отечественный исследователь А.М.Решетов в своей работе «Матрилинейная организация у наси (мосо)» (1964) [54, с.1-8]. Любопытно, что этот китайский исследователь на протяжении всего текста своей работы ни разу не упомянул о том, что этническая группа, проживающая в данном регионе, носит название мосо, тогда как А.М.Решетов использует это название наряду с этнонимом «наси». Хотя впервые название этнической группы мосо появляется в работах китайских исследователей в 1963 г., а именно в статье литературного критика Фэн Му «Родина людей мосо», но после этого работы, содержащие упоминание названия этой этнической группы мы встречаем только с 1980-х годов. Хотя Фэн Му не являлся историком или этнографом, он написал массу публикаций, описывающих различные аспекты жизни и культуры народов провинции Юньнань. «Родина людей мосо» является первой и одной из немногих посвященных мосо работ, в которой говорится о том, что эти люди «имеют привычку называть себя мосо и считают себя отдельным, самостоятельным народом» [178, с.40-45]. Наконец, в 1965 г. выходит одна из крупнейших работ того времени, посвященная семейно-брачным отношениям народа наси — «Матриархальная семья наси Юннина» Чжан Чэнсюя [198, с.30-38].

Данный труд содержит в себе подробнейшее описание семейно-брачных отношений наси (мосо) Юннина, включая названия родственников на их языке, устройство жилых помещений, а также специфику визитных браков «ачжу». Эта работа Чжан Чэнсюня не потеряла свою актуальность, и в современное время многие китайские и зарубежные исследователи обращаются к ней в исследованиях в данной области.

После «большого скачка» исследования в области проблем и значимости национального вопроса были практически прекращены, а в период «культурной революции» власти официально отрицали «существование при социализме наций и национального вопроса» [50, с.160-169]. Эти политические установки нашли своё отражение в различных кампаниях и сказались на реальном положении народа наси в этот период.

Источников, освещавших положение народа наси в годы «большого скачка» и «культурной революции» крайне мало, этот период очень скудно освещен как в западных, так и в китайских современных исследованиях.

Однако, в годы, предшествующие «культурной революции», в китайской науке были заложены основы научных исследований, которые особенно ценны тем, что базировались на всё ещё существующих «живых» материалах. Значительная часть из этих трудов стали базой для новых научных исследований, которые начали своё возрождение с конца 1970-х гг., и явились основой для реконструкции истории наси середины XX столетия.

Многие научные работы, посвященные истории и культуре наси, начавшие выходить с конца 1970-х гг. и публикующиеся в наши дни, в большинстве случаев так или иначе пропускают описание этого периода, лишь называя некоторые даты. Несмотря на существенный недостаток источников по положению наси в годы «культурной революции», в соответствующих данному периоду параграфах данной главы будет дана попытка краткого изложения основных событий в истории народа наси на основе

имеющихся доступных материалов. Анализ данного этапа в истории страны не является задачей настоящей исследовательской работы и выходит за её рамки.

3.2. Теоретические основы национальной политики КПК

Когда Коммунистическая партия Китая пришла к власти в 1949 г., ее руководство во главе с Мао Цзэдуном столкнулось с проблемой необходимости сплочения нации, подвергшейся сильнейшим политическим потрясениям и втянутой в длившиеся десятилетиями вооруженные конфликты. Новая власть столкнулась с серьезной проблемой этнической напряженности на фоне разрушенной экономики и социальной нестабильности. КПК пришлось формировать стратегию и тактику национальной политики, параллельно решая массу накопившихся региональных этнических проблем. В предшествовавший этому исторический период Гоминьдану хотя не удалось сформировать четкой, эффективной и результативной национальной политики, базировавшейся на концепции создания единой китайской нации, включая идеи ассимиляции, однако делались попытки взять многочисленные национальные меньшинства под свой контроль. Это приводило к их спорадическому сопротивлению в Юньнани, Синьцзяне, Тибете, а также Внешней Монголии. Исключением стал народ наси, в тот период оказавшийся в достаточно выгодном по сравнению с другими положении.

Первым шагом на пути к государственному определению правового положения национальных меньшинств КНР стал законодательный акт выпущенный Государственным административным Советом Центрального народного правительства «Основные принципы осуществления местной национальной автономии в КНР» 1952 г., который давал возможность созда-

ния автономных районов как для компактно проживавших малочисленных народов, так и в регионах со смешанным населением. Согласно статье 5, в такие национальные районы могли включать часть городов и территорий с ханьским населением [47, с.98]. Данный нормативный акт был важным шагом на пути к реализации принципа равноправия национальностей. Так, в статье 25 «Основных принципов» было сказано, что «органы самоуправления районов национальной автономии обязаны обеспечивать равноправие всех национальностей, проживающих в данном районе» [21, с.70].

Согласно первой переписи населения 1953 г. население КНР на тот период составляло около 602 миллионов человек, из которых нацменьшинства — около 6% [9]. Начало 1950-х гг. было сложным временем в истории Китая, когда новому правительству пришлось принимать шаги по скорейшей интеграции ряда окраинных регионов и объединения государства в целостный организм¹⁰⁸. В качестве решения проблемы интеграции национальных районов была взята модель создания автономий по советскому образцу, главной идеей которой была реализация построения многонационального и многокультурного государства.

Реализация курса новой национальной политики нашла своё отражение, прежде всего, в основном законе государства. В 1954 г. 20 сентября 1-ой сессией ВСНП была утверждена первая Конституция КНР. В главе 1, статье 3 Конституции говорилось: «Китайская Народная Республика есть единое многонациональное государство. Все национальности равноправны. Запрещаются дискриминация и гнет в отношении любой национальности, запрещаются действия, направленные на подрыв сплоченности национальностей. Все национальности пользуются свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения

---

¹⁰⁸ Примером жесткой национальной политики по объединению государства служат события в Тибете в 1951 г.

своих нравов и обычаев. Во всех районах, где национальные меньшинства живут компактно, осуществляется районная автономия. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики» [2].

Районная автономия являлась тем механизмом, который на данном этапе истории Китая был призван решить проблему этнической напряженности в стране, выполняя интегративные функции. Первая Конституция КНР в главе 2, разделе 4 фиксировалось административное деление, которое страна имела к 1954 г., в статье 53 этого раздела было сказано, что «провинции и автономные районы делятся на автономные округа, уезды, автономные уезды, города. Уезды и автономные уезды делятся на волости, национальные волости, поселки. <...> Автономные районы, автономные округа и автономные уезды являются районами национальной автономии» [2, с.13-14]. В автономных районах, округах и уездах власть осуществлялась через органы самоуправления, о функционировании которых подробно говорилось в разделе 5 главы 2 Конституции. Важными пунктами, освещавшими аспекты национальной автономии, были указания о том, что «формы органов самоуправления могут быть определены в соответствии с волеизъявлением большинства населения той национальности, которая осуществляет районную автономию» (статья 67); в органах самоуправления национальных районов разных ступеней «каждая национальность должна иметь соответствующее число своих представителей» (статья 68); органы самоуправления могли «в соответствии с политическими, экономическими и культурными особенностями национальности данной местности разрабатывать положения об автономии и отдельно действующие положения» с последующим представлением их на утверждение в ПК ВСНП (статья 70). Важное значение имеет и статья 71, в которой говорится о том, что в органах самоуправления автономных административных единиц могут быть ис-

пользованы один или несколько языков и письменностей, распространенных среди национальностей данной местности. Наконец, статья 72 гласила, что органы самоуправления должны были «помогать национальным меньшинствам развертывать работу в деле политического, экономического и культурного строительства» [2, с.46-48]. Позднее эта статья станет одним из законодательных источников, послуживших трансформации и постепенному разрушению традиционного уклада жизни, национальной материальной и духовной культуры многих национальных меньшинств, в том числе и наси.

В 1951 г. Ван Вэйчжоу¹⁰⁹ был опубликован «Рабочий доклад по национальностям юго-западного района» [104, с.19-21], который представляет большой интерес для исследования позиции китайской партийной номенклатуры по национальному вопросу в стране в начале 1950-х гг. Так Ван Вэйчжоу в этом докладе заявляет, что «Юго-запад — это многонациональный район, по неполным статистическим данным, способный самостоятельно образовать единый народ, включающий Юньнань и Сычуань», хотя, с другой стороны, как здесь же упоминает Ван Вэйчжоу, в одной лишь Юньнани на тот момент проживали представители 102 национальных меньшинств. Докладчик также отмечал, что вопрос национальных меньшинств тесно связан с национальной обороной Китая, поскольку они населяют приграничные районы страны. Ван Вэйчжоу сделал справедливое замечание о том, что до настоящего момента правительство Китая «изначально не было хорошо знакомо с положением» малочисленных народов Юго-запада, «не имело квалификации» в этом вопросе. Содержание доклада посвящено описанию работ, проделанных представителями партийных делегаций, посе-

¹⁰⁹ С 1946 г. заместитель секретаря КПК в Чунцине, в 1949 г. был назначен помощником командующего западной армии, освобождавшей юго-западные районы Китая. 29 декабря 1949 г. вместе с Хэ Луном (1896-1969, маршал НОАК) вошёл в Чэнду, а в феврале 1950 г. в Чунцин, после чего был назначен членом постоянного комитета по управлению юго-западным Китаем ЦК КПК, был назначен заместителем военно-административного комитета Юго-запада. В 1956 г. избран на должность члена ПК ВСНП. Репрессирован в 1970 г.

щавшими отдаленные районы Юго-запада, с целью «политического и культурного просвещения» национальных меньшинств. По словам Ван Вэйчжоу, в последний год в национальных районах велась успешная деятельность по искоренению «влияния великоханьского шовинизма», показавшая «родным соотечественникам из числа малочисленных народов постепенное углубление понимания большой семьи одной родины, а также новых взаимоотношений, основанных на национальном равенстве, взаимопомощи, братской любви и согласии». В докладе говорится о том, что методами проведения новой политики по созданию новых отношений и нового взаимопонимания между хань и национальными меньшинствами были, во-первых, средства массовой информации, использовавшие помимо определенного новостного фона, также и кино, радиопередачи, наполненные новым содержанием. Например, всего за год до доклада в Юго-западном районе, по словам Ван Вэйчжоу, уже было отснято 183 кинофильма, среди которых особое значение имела кинолента «Победа китайского народа». В новой работе средств массовой информации, к созданию фильмов, выступлений, написанию песен привлекалось большое число людей из местного населения (правда, в докладе не указаны их национальности, не говорится и о том, были ли это люди из национальных меньшинств). Кроме того, создание школ, больниц и прочих учреждений социальной направленности были призваны показать лучшие стороны новой национальной политики «соотечественникам из числа национальных меньшинств». В докладе подчёркивается факт «отсталости» национальных меньшинств, причиной которой, по мнению Ван Вэйчжоу, является влияние великоханьского шовинизма прошлого. Стоит обратить внимание на формулировку потребностей малочисленных народов в тексте доклада, где говорится о том, что помимо всеобщего прогрессивного развития они «нуждаются в реформировании культуры и экономики». И если с политическим самоуправлением и эконо-

микой всё ясно — механизмом решения этих задач будет являться создание автономий в национальных районах, — то о каком именно реформировании культуры в этом докладе идёт речь? Как отмечает Ю.А.Серебрякова, «национальное самосознание выступает в качестве важнейшего фактора развития национальной культуры <...> Формирование национального самосознания и культуры осуществляется в тесной взаимосвязи и взаимодействии» [55]. Построение качественно нового государства не могло существовать без идеи создания нового единого самосознания нации. Коммунистическая партия Китая столкнулась с задачей не только политической интеграции национальных районов в единое тело государства, но и с необходимостью преобразования пёстрой этнической мозаики народов, очевидно, обладавших своим особым традиционным самосознанием, в единую нацию Китайской Народной Республики. Одним из самых эффективных методов реализации этого курса могло быть планомерное воздействие на умы, прежде всего, молодежи из малочисленных народов страны, которые легче всего подвергаются влиянию новых течений, а, в данном случае, идей новой культуры. Воздействие осуществлялось через многочисленные средства массовой информации, а также школьное образование, о чём говорилось выше.

В другом докладе, принадлежавшему Бао Эрханю, «Укреплять дружбу и сплоченность всех национальностей под руководством КПК», 1951 г. также говорилось о политическом, экономическом и культурном ускоренном развитии национальных меньшинств. Однако, в нём также есть упоминание о создании письменности для ранее не имевших её малочисленных народов, а также издании учебных пособий и литературных произведений на их родных языках. В этом же докладе осуждается политика Гоминьдана «не признававшего многочисленных народы [собственно] народами» [101,

с.7]¹¹⁰. По словам Бао Эрханя, в отличии от Гоминьдана, КПК ведёт борьбу «не только с феодализмом, но и великоханьским шовинизмом». Бао Эрхань отводит особенную роль Мао Цзэдуна в осуществлении национальной политики КПК, ссылаясь на выступления Председателя, высказывавшегося по данному вопросу¹¹¹.

История теоретических основ национальной политики КПК начинается ещё в 1920-х гг. На II съезде в 1922 г. КПК выступила за федеративное устройство Китая, при этом разделив страну на Собственно Китай (Чжунго бэньбу) и неханьские регионы страны (Монголия, Тибет, Синьцзян). Декларация II съезда отрицала федеративный принцип для Собственно Китая, одновременно призывая содействовать образованию «трёх автономных государств в Монголии, Тибете и Хуэйцзяне¹¹²», с той целью, чтобы затем «снова объединиться и образовать Китайскую Федеративную Республику» [16, с.42]. В 1928 г. в резолюции VI съезда КПК утверждалось право национальностей Китая на самоопределение вне зависимости от принадлежности к какому-либо региону страны [17, с.178]. В 1931 г. I Съездом Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей была принята «Резолюция по вопросу о национальных меньшинствах в пределах Китая», в которой утверждалось о праве неханьских народов на самоопределение, что было подтверждено в принятой на этом Съезде «Конституционной программе». Война с Японией оказала влияние на позицию КПК по национальному вопросу, и в 1938 г. на VI расширенном пленуме ЦК КПК партия ставит акцент на единстве и сплоченности всех национальностей, о федеративном устройстве не упоминалось [17, с.10]. В том же году в ЦК КПК был создан «Отдел по изучению национальных меньшинств», где шла разработка тео-

¹¹⁰ «...这些少数民族是民族» [101, с.7]

¹¹¹ Бао Эрхань ссылается на ранние высказывания Мао Цзэдуна 1945,1947 годов.

¹¹²В Декларации используются оба наименования для одной и той же территории — Синьцзян (新疆) и Хуэйцзян (回疆).

ретических подходов в национальном вопросе.

В следующее десятилетие в КПК наблюдались тенденции возврата к идеям федеративного устройства и самоопределения. В 1945г. на VII Съезде КПК в политическом докладе «О коалиционном правительстве» Мао Цзэдун заявил, что Коммунистическая партия полностью согласна с принципами национальной политики Сунь Ятсена [151, с.550-551]. В дополнение к Уставу КПК, который был принят на этом съезде, говорилось, что партия будет бороться за создание Новой Демократической Федеративной Республики. Об этом же говорилось и в декларации народно-освободительной армии от 10 октября 1947 года, где выдвигалось требование объединить все народы Китая, «признать, что все национальные меньшинства, находящиеся в пределах Китая, имеют равные права, и права на автономию, могут спокойно вступить в Китайскую Федерацию» [151, с.183].

Особенный интерес вызывает речь Мао Цзэдуна «Не наносить удары по всем направлениям» (6 июня 1950 г.), в котором можно проследить идеи председателя о том курсе национальной политики, который должен был затронуть собственно традиционную культуру национальных меньшинств. «Большое значение имеет сплочение с национальными меньшинствами, которых в стране 30 миллионов человек¹¹³. Социальные преобразования в районах проживания — дело огромной важности, они требуют осмотрительного подхода. <...> Согласно Общей программе¹¹⁴, **обычаи и традиции национальных районов можно изменить**. Но такие изменения должны осуществляться самими нацменьшинствами. Без поддержки масс, без наличия народных вооруженных сил и национальных кадров не следует проводить никакие преобразования массового характера. Мы должны обязательно помочь нацменьшинствам в подготовке их собственных кадров и

¹¹³На самом деле на тот момент было гораздо больше.

¹¹⁴Речь идёт об «Общей программе» НПКСК от 29 сентября 1949 г., ставшей временной Конституцией КНР, в которой, в отличие от предыдущих документов 1945, 1947 годов, о праве неханьских народов на самоопределение не говорилось ни слова.

сплотиться с широкими массами национальных меньшинств»[151, с.35]. Эти выступления свидетельствуют о постепенном пересмотре идей национальной политики Мао Цзэдуном, отходе от более прогрессивных идей прав на национальное самоопределение к ограничению прав неханьским народам в рамках местных национальных автономий. Как отмечается в коллективной работе «Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР» (1975), Мао Цзэдун исключил из доклада «О коалиционном правительстве» абзацы, в которых декларировалось право национальных меньшинств на самоопределение и будущее федеративное устройство Китая в переиздании своих «Избранных трудов» в 1952 г. [28, с.40-41]. Таким образом, несмотря на упоминание о приверженности КПК идеям национальной политики Сунь Ятсена в докладах других членов партии, о которых говорилось выше, руководитель КПК фактически отказывается от провозглашенных ранее основных принципах и намечает линию постепенного изменения традиций нацменьшинств, которая в дальнейшем будет набирать свою силу.

Однако, вместе с отклонением от первоначального курса национальной политики и зарождением новых тенденций, направленных на возможное изменение обычаев и традиций национальных районов, как отмечает А.А. Москалев, в 1953 г. Мао Цзэдун дал важное указание о том, что в «политическом плане не нужно проводить разграничения на “нации, народности и племена”», в связи с чем все национальности стали считаться «нациями» - миньцзу [50, с.57-58]. Как отмечает А.А. Москалев, это указание Мао Цзэдуна свидетельствовало о главном мотиве лидера страны подчеркнуть равенство всех национальностей Китая [50, с.59].

Подготовка национальных кадров, о необходимости которых Мао Цзэдун заявлял в докладе «Не наносить удары по всем направлениям», началась сразу после образования КНР и шла в специально созданных для этой

цели школах, группах, а также институтах национальностей на местах. В этих заведениях учились не только представители национальных меньшинств, но и ханьцы, которые затем будут отправлены в национальные районы для осуществления новой политики на местах [28, с.42]. Подготовка национальных кадров шла одновременно с построением административных органов, структуры управления нового государства. Отечественный исследователь Т.В.Лазарева отмечала, что политика воспитания и привлечения национальных кадров являлась ключевым элементом национальной политики с первых дней существования КНР [46, с.224-235].

В 1950-е гг. национальным кадрам предстояло провести работу больших масштабов, решить множество проблем, служивших факторами фактического неравенства национальных меньшинств с ханьцами. Среди основных факторов, ставящих перед национальной политикой КНР сложные задачи можно выделить, во-первых, разницу ступеней развития среди многочисленных народов как между собой, так и в сравнении с ханьцами, во-вторых, исторически сложившаяся проблема интеграции периферии КНР с её центром, в-третьих, фактическое отсутствие образования среди неханьских национальностей, в-четвертых, наличие разных типов религий у неханьских народов. Все эти перечисленные факторы оказали безусловное влияние на разработку национальной политики КПК.

3.3. Практическая реализация национальной политики на примере Лицзяна

21 января 1949 г. в результате борьбы семи народных (этнических) рабочих групп ополчения НОАК и поддержке окружного парткома Лицзяна временный начальник управления Вэй Сун объявил о начале восстаний в подконтрольных Юннинскому тусы Ашаюне и Нинлане, в результате чего в

этих населенных пунктах были установлены временные административные комитеты. 21 марта 42-ая дивизия 14-ой армии НОАК вошла в Лицзян. По словам китайских историков народ встречал армию радостно, горячо (хотя никаких других свидетельств, подтверждающих эти сведения, автором данной работы найти не удалось). 28 мая НОАК был учрежден пограничный район Лицзян, органы которого были объединены с органами штаба 42-ой дивизии, а главные кадры высшего руководства были также представлены руководителями дивизии [232, с.290].

1 июля 1949 г. был учрежден административный комитет Лицзяна, началась подготовка к созданию народного правительства в этом районе. В тот же день этим органом было издано коммюнике №1 «О получении и принятии в ведение всех органов системы правительства Гомиьндана Чан Кайши в Лицзяне», а также коммюнике №2 «О конфискации военных боеприпасов и снаряжения, а также сборе боеприпасов и снаряжения, находящихся у частных лиц среди народа, и передаче их в использование Народным силам обороны Лицзяна». Через неделю, 7 июля 1949 г., административным комитетом было издано коммюнике № 4 «О немедленном образовании административных комитетов революционной власти всех ступеней, а также принятие в ведение деревень уезда, ранее контролировавшихся Гомиьнданом под защиту власти» [232, с.291].

На протяжении первого месяца со времени объявления об освобождении Лицзяна шла активная работа по строительству структур новой власти. В день образования КНР, 1 октября 1949 г., было официально образовано и народное правительство Лицзяна. Хэ Ваньбао (наси)¹¹⁵ был назначен на-

¹¹⁵ Хэ Ваньбао (和万宝). Выдающийся революционер из народа наси. В 1950-е гг. был объявлен приверженцем местного национализма и сослан в соседние уезды в горы на трудовое перевоспитание. С этим человеком был лично знаком известный исследователь истории и культуры народа наси Ян Фуцюань (наси), оставивший свои воспоминания о нём в своих дневниках. Хэ Ваньбао был другом родителей Ян Фуцюаня, который впервые увидел его в конце 1970-х гг., когда в Китае закончилась «культурная революция». В начале 1980-х гг. Хэ Ваньбао, участвуя в дискуссиях о дальнейшем пути развития страны, настаивал, что в первую очередь следует делать упор на повышение уровня образования и культуры людей, а уже потом заниматься вопросами производства и т.д. Больше всего

чальником уезда, в то время как Ли Ган (хань), Хэ Юньци (наси) и Инь Ци (хань) стали его заместителями [139, с.40].

Этот период в истории Лицзяна, как и всей страны, ознаменовался строительством системы органов новой власти, включающей в себя многочисленные надзорные структуры. Так, в октябре 1949 г. в было учреждено Управление по надзору за работой уездных и городских народных советов, в результате чего весь район оказался под руководством ополчения пограничного района Дяньгуйцянь, куда входил и Лицзян. Как отмечается в выпуске газеты «Юньнань чжэнбао», обстановка в освобожденных за полгода до официального образования КНР районах была «благоприятной для поддержания революционной борьбы», а самым важным первоначальным делом было установление органов «переходного режима» — административного комитета народного правительства, а также избрание членов комитета из всех социальных слоев [139, с.45].

15 октября 1949 г. в Лицзяне состоялось совещание представителей всех народов этого района, на котором присутствовало 264 человека, из которых 25 человек были женщины. В «Сводном отчёте совещания представителей всех народов района Лицзян» от 1950 г., который был также опубликован в апрельском выпуске газеты «Юньнань чжэн бао», говорится, что в Лицзяне согласно статистике проживает 25 народов, каждый из которых был представлен на прошедшем совещании. Из текста отчёта становится ясно, что на тот период времени ситуация с определением статуса национальных меньшинств не была ясна, не были определены родственные связи между многочисленными народами этого региона. Как сказано в тексте, на-

---

Хэ Ваньбао говорил о том, что необходимо развивать национальные особенности, духовную и материальную культуру Лицзяна, т. е. наси. Кроме того, этот человек отдал много своих сил на реализацию проекта учреждения «Кабинет исследований культуры дунба в Лицзяне», постоянно говорил о том, что даже за рубежом изучению культуры народа наси уделяется немало внимания в научных кругах, и Китаю также не следует отставать в этом деле. В 1990-е гг. Хэ Ваньбао активно поддерживал возрождение традиций проведения народных праздников наси, а также изучение родного языка и духовной культуры.

звания народов отображены в отчёте «в силу сложившегося обычая именовать каждый народ их самоназванием». В этом отчёте также говорится об устранении прежних реакционных движений в горных районах среди этих, ставших братскими, народов, которые, как утверждает автор текста, были подстрекаемы угнетателями из гоминьдановской власти, не оставляя им выбора. О том, какие именно народы оказывали сопротивление КПК в отчёте не говорится. Гоминьдан также обвиняется в разжигании искусственной ненависти между народами (тибетцами и их соседями), а также изоляции некоторых этнических групп (например, хани в уезде Юншэн округа Лицзян), разобщению союзов некоторых малых народов (лису и ну), угнетали бай и моси¹¹⁶. В этом отчёте говорится и о первоочередных задачах национальной политики, среди которых, во-первых, «сплочение всех народов Дяньгуйцяньского пограничного района в борьбе с феодальным политическим режимом», а также с оставшимися тусы (что, видимо, говорит о фактическом существовании этой системы вплоть до установления КНР; напомним, в тексте отчёта речь шла о задачах, которые ставились национальной политикой в 1949 г.). Вторая задача, согласно отчёту, объединение всех народов под крылом КПК, развитие чувств единства и патриотизма. В целом на тот период, согласно материалам данного совещания, национальная политика в Лицзяне исходила из задачи объединения малочисленных народов под единым политическим лозунгом строительства нового государства. О каких-либо правах, свободах, особом отношении к материальным и духовным ценностям национальных культур, речи на тот момент не шло. Также можно заметить, что нет речи и о конкретных проблемах определенных народов, например, наси, — все малочисленные народы в тексте слиты в единое

---

¹¹⁶ В тексте написано «моси» - 摩西, однако, по всей видимости, имеются в виду современные мосе, которые согласно официальной китайской науке считаются ветвью наси, хотя многие из них с этим не согласны. Написание название этого народа в иероглифах неоднократно менялось на протяжении его многовековой истории.

целое [140, с.83-88].

10 декабря 1949 г. Хэ Ваньбао, являвшийся в то время главой административного комитета КПК по делам приграничного северо-западного района Дянь, в поселке Цыкэ организовал собрание, на котором объявил о конце работы рабочего комитета по особому району Цзиньшацзян, а также о начале восстановления рабочего комитета по особому району Чжундянь — Цзиньцзян под руководством областного северо-западного комитета Дянь. 28 декабря были созданы отдельные областные комитеты и управления в Лицзяне, Дали и Баошань [232, с.151]. В декабре 1949 г. в Лицзяне был создан подкомитет КПК по району Цзиньцзян.

С установлением КНР КПК продолжала проводить работы по исследованию районов, где проживают неханьские народы. 9 октября 1950 г. в особый район Лицзян из Центра была отправлена рабочая группа с целью ознакомления с обстановкой на месте, а также получения поддержки местного населения. Представители этой группы посетили все 13 уездов этого района, где встретились с представителями разных нацменьшинств. В ходе этих встреч делегация из центра сделала подарки в качестве печатных изданий, тканей, пряжи и прочих предметов ежедневного пользования национальным меньшинствам [184, с.34].

В том же году в особом районе Лицзян были выбраны народные представители, а также представители религий, которые поехали в составе представителей от провинции Юньнань в Пекин на празднование дня образования КНР. По мнению китайского исследователя Хуан Ша это событие стало одним из важнейших в истории «укрепления отношений между центром и народом наси» [179, с.83].

Значимым событием в истории народа наси первой половины 1950-х гг. стало проведение кампаний «против трёх» и «против пяти зол», начало которым было положено в январе 1952 г. на собрании лицзянского об-

ластного комитета, где было изложено соответствующее постановление. С установлением новой власти судьба народа нас и сливается с судьбами десятков других народов и общей историей страны в целом — данное движение не носило каких-либо этнических мотивов, являлось общенациональным. В результате этого движения было арестовано более 100 человек, владевшими большими состояниями, нажитыми, как правило, в 1930-40-е гг., национальности этих людей ни в одном из доступных мне документов не упоминаются.

В 1953 г. была проведена первая перепись населения КНР. По итогам переписи было выявлено, что население уезда Лицзян составляло всего 177 652 человека, из которых нас — 105 487 человек. В эти же годы велось активное исследование ситуации в национальных районах, проводились исследования положения национальных меньшинств. В результате проведенных работ, в 1954 г. ряд этнических групп (мосо, мали-маша, лулу, банси и акэ) были включены в единый народ под названием «нас» [141, с.9; 157, с. 44-55]

Как отмечает А.А. Москалев, во второй половине 1950-х гг. КПК заговорила о постепенном «сужении» рамок национального вопроса в КНР, чему, как тогда ожидалось многими китайскими коммунистами, должно было способствовать «досрочное» построение социализма [50, с.93-96]. Тем не менее, в этот период шла активная реализация политики национальной автономии, процесс которой вскоре был надолго прерван событиями деструктивного периода в истории КНР.

24 сентября 1958 г. Госсоветом КНР было принято решение «О создании Лицзян-Насиского автономного уезда». Лицзян-Насиский автономный уезд был образован в марте 1961 г., в том же, 1961 г. был учрежден Подготовительный комитет в составе 11 человек. Функцией этого Комитета была реализация новой национальной политики на местах, а также выбор народ-

ных представителей от уезда для представительства на Собрании народных представителей. В целом, за трёхлетний период подготовительные работы по началу реализации строительства автономии были завершены.

В апреле 1961 г. состоялось 1-ая сессия СНП 4-го созыва уезда Лицзян. В ходе данного собрания прошли одобрение «Рабочий доклад о народном правительстве уезда Лицзян», а также «Организационный документ Собрания народных представителей и народного комитета Лицзян-Насиского автономного уезда провинции Юньнань» [135, с.66-67]. В течение семи дней в ходе данного собрания путём анонимного голосования были избраны 23 члена народного комитета Лицзян-Насиского автономного уезда, а также глава уезда, его заместитель и глава народного суда. Главой уезда стал Му Чэнбин¹¹⁷ (наси), его заместителем — Ли Вэньмин (лису). Всего из 23 членов народного комитета 13 мест принадлежало представителем народа наси, 3 — хань, остальные — бай, лису, и, пуми, мяо [177, с.15]. По случаю учреждения комитета 4 апреля в Лицзяне состоялись торжества, в которых приняли участия представители разных национальных меньшинств, одетые в национальные костюмы, а площадь города была украшена красными флагами [128, с.67]. Му Чэнбин официально объявил об учреждении Лицзян-Насиского автономного уезда, были зачитаны поздравления от ЦК КПК и Мао Цзэдуна. Лицзян-Насиский автономный уезд просуществовал с 1961 по 1998 г.

На протяжении 1950-х, первой половине 1960-х гг., на примере наси и

---

¹¹⁷ 木成斌. Му Чэнбин. Годы жизни не известны. Му Чэнбин являлся членом ученого сообщества Цзинху в деревне Хайнань и был одним из виднейших красных революционеров в Лицзяне. Сообщество Цзинху существовало с 1930-х гг. при полной начальной школе деревни Хайнань посёлка Лаши уезда Юйлун. Общество занималось вопросами общественного прогресса, развития образования, повышением уровня духовной культуры и грамотности среди населения. В годы войны с Японией общество Цзинху вело патриотическую пропаганду среди студентов и молодежи деревень, а в 1948 г. оно официально признало власть КПК. Стоит обратить внимание на фамилию Му Чэнбина. Как упоминалось в предыдущих главах, наси, носящие фамилию Му (木), являлись представителями великого клана Му, правившего этим народом в течение многих столетий. Источников, содержащих сведения о судьбе потомков этого клана в настоящее время найти не удалось. О последнем из них известно лишь от Дж.Рока и П.Гулларта, как о деградировавшем от употребления опиума пропащем человеке.

Лицзян-Насиского автономного уезда, мы можем наблюдать, как на теоретическом и практическом уровнях происходит постепенное осуществление интеграции национального меньшинства в новое государство, где в качестве механизма, осуществляющего этот процесс, выступали непосредственно государственные структуры. К 1961 г. в кадровом аппарате государства участвовали более 1700 представителей наси, что составляло в то время около 1,2% от их общего числа [232, с.98]

В период «большого скачка» и вплоть до окончания «культурной революции» национальная кадровая политика в КНР носила специфический характер в духе проведения кампаний «борьбы с местным национализмом» и «правым уклоном», начавшимся в 1958 г. В результате политических чисток в Лицзяне из среды кадров было убрано много должностных лиц, принадлежавших к народу наси [232, с.262]. В публикациях тех лет ничего не говорилось о преднамеренном уменьшении числа ганьбу — представителей национальных меньшинств в таких районах, как Лицзян. Китайский исследователь социологии Ван Ичжун, одобряя национальную и кадровую политику в Юньнани, в 1959 г. утверждал, что национальные кадры являются важной и неотъемлемой частью реализации плана построения социализма. Однако, с его точки зрения, кампании, объявившие борьбу правым уклонистам и местным националистам, были необходимы, чтобы провести «воспитательную работу» среди национальных кадров, с той целью, чтобы они «чётко осознали разницу между социализмом и капитализмом». Ван Ичжун утверждал, что только благодаря движению «большого скачка» и сопутствующих ему кампаний, национальные меньшинства «взошли на новую ступень» развития, а в отсталых горных деревнях люди «в прошлом году наелись в первый раз в жизни» [108, с.23]. Содержание этой публикации, как и многих других в «годы большого скачка», с одной стороны, отражает реальные события в политической жизни страны, с другой — прикры-

вает реальные пагубные последствия этой кампании в стране.

Одной из реакций в политической сфере на фактический провал «большого скачка» стало движение за «завершение демократической революции» [148, с.107-112] в первой половине 1961 г., в результате которого по всему уезду проходили аресты зажиточных крестьян и землевладельцев — таким образом, власть пыталась переложить ответственность за продовольственный кризис на этих людей и оправдать свои действия.

Примечательным в круговороте характерных событий тех лет стало открытие в августе 1964 г. первого собрания комитета Народного политического консультативного совета Лицзян-Насиского автономного уезда, в составе которого было также 23 человека, включая представителей партийно-административной области, области культуры и искусства, образования, медицины, торговли и производства, науки, религии и других областей. Каждая из этих сфер была представлена наси. Это событие, также, как и предыдущие, оказало влияние на сближение наси с центром, интеграцию национальностей в государственные структуры управления. На совете были сделаны заявления касавшиеся исправления ошибок и критики «большого скачка», а также подтверждалось продолжение курса на строительство социализма и развитие национальных кадров, игравших важную роль в этом деле. Это было последнее политическое событие перед «культурной революцией» в истории Лицзяна, на котором присутствовали представители разнообразных сфер деятельности.

В период «культурной революции» в районах проживания наси активно проводились кадровые чистки, вследствие которых из органов власти было устранено множество представителей национальных меньшинств, обвиненных в местном национализме. В уезде Юннин были окончательно уничтожены мосо, которые являвшиеся главами тусы [162, с.620-621].

3.4. Экономическое развитие населенных районов с 1949 г. по 1979

г.

Вскоре после установления органов новой власти в Лицзяне с декабря 1949 г. и в 1950 г. народным правительством по всему уезду было организовано движение «четыре в одном», в ходе которого собирались средства благодаря пожертвованиям, которые направлялись на поддержание жителей разоренных военными событиями деревень.

В действительности продовольственное положение в Лицзяне в 1949 — начале 1950-х гг. было очень тяжелым. Однако, как известно из газет того времени, 6 сентября правительство Лицзяна издало документ №14602, в котором содержались указания о необходимости «тщательного наведения порядка в вопросах недоимки зерна». В апреле 1950 г. газета «Юньнань чжэн бао» писала о результатах исполнения приказаний, данных в этом документе: «Большая часть районов способна перейти к крестьянским объединениям (农协), чтобы организовать народные массы в настоящий строй, стремящийся вернуть недоимки. Управление Лицзяна дало указания кадрам всех ступеней о том, что недобросовестное исполнение этого приказа может привести к «классовой нестабильности, что является ошибкой в основных принципах». В этих указаниях также говорилось о том, что в случае сопротивления народных масс, необходимо проводить среди них разъяснительные работы, а также выявлять наиболее сопротивляющихся лиц и судить их на народном трибунале, наказывать. Редакция газеты целиком поддерживает все эти меры и признаёт их полную правомерность. В статье также отмечается, что Лицзян и Дали, например, перевыполнили план по возвращению недоимок зерна, и на них должны ровняться другие районы [228, с.118-119].

В той же газете за июнь говорится о перевыполнении плана по воз-

вращению недостачи зерна многими районами провинции Юньнань, в том числе и Лицзяном, который собрал зерна на 35% сверх нормы. Примерно половина текста этого сообщения состоит из статистических данных без ссылок на какие-либо источники, другая же половина представляет собой разъяснительный текст о важности проделанной работы о возвращении недоимок зерна и носит пропагандистский характер (об этом свидетельствуют такие фразы, как «утаивать зерно могут лишь злые богачи», «зерно принадлежит всему народу» и т. п.) [228, с.118-119].

Пристальное внимание к сбору зерна в средствах массовой информации связано с проведением в 1950-1952 гг. земельной реформы в стране, начало которой было положено 28 июня 1950 г. с принятием «Закона о земельной реформе» Центральным Народным Правительственным Советом Китая. Восстановление аграрного сектора страны после долгих тяжелейших войн, поднятие уровня жизни крестьянства было важнейшей задачей после установления КНР. В результате этой реформы около 300 млн безземельных и малоземельных крестьян получили 46,7 млн га обрабатываемых земель. Как отмечают китайские исследователи, проведение земельной реформы в Лицзяне имело особую важность, поскольку, во-первых, решение аграрного вопроса должно было стабилизировать обстановку в приграничном районе, во-вторых, уравнивать положение крестьян из числа различных национальных меньшинств. В Лицзяне реализация земельной реформы началась с сентября 1951 г. и изначально проводилась пробными методами в 7 уездах, а в мае 1952 г. было решено подключать к делу районы проживания тибетцев, и, а также земли пограничных народов. Все эти уезды ориентировались на методы осуществления реформы в Лицзяне, где преобразование были завершены лишь в середине 1953 г. [138, с.653].

До 1949 г. в Лицзяне существовало четыре вида земель: казённые, монастырские, школьные и частные. Площадь земли по оценкам того периода

в Лицзяне составляла 500 тыс. му, из которых за вышперечисленными категориями к концу реформы остались лишь 40 тыс. му [138, с.264]. Особенно большие площади земель принадлежали ламаистским монастырям, а также некоторым школам. Например, одному известному торговцу из народа наси по имени Ли Дасань принадлежало 196 му земель, на которых была расположена средняя школа, а также участки алтарных земель¹¹⁸. Средства от аренды этих земель шли на проведение церемоний почитания Неба и другие религиозные ритуалы¹¹⁹.

Аналогичная ситуация наблюдалась и с землями, находившимися в руках знати. Например, в бывшей деревне Цзюйдянь (в настоящее время входит в состав уезда Юйлун), землевладельцы составляли 15% населения, однако при этом владели 42% земель деревни. В Тайхэ, одной из деревень, принадлежавших клану Му, общая площадь земель составляла 1863 му, из которых 1777 принадлежало властвующей семье. По словам китайского историков, на этих землях применялся рабский труд [232, с.46-47].

Хотя в целом по стране земельная реформа проводилась в 1950-1952 гг., в Лицзяне она прошла в 1951-1953 гг., однако в некоторых регионах преобразования начались позднее. Например, в современном Дечен-Тибетском АО реформа началась лишь весной 1953 г. На то время в этом районе проживали 23 603 наси, что составляло 14,7% от всего населения [120, с.220-221]. Ситуация в этом районе с точки зрения земельных преобразований была сложнее, чем в Лицзяне. Начиная с эпохи Мин значительная часть земель этого района принадлежала клану Му, который также имел здесь золотые и серебряные шахты. После реформы «гайту гуйлю» 1723 г. правящая верхушка наси теряет контроль над землями этого района, однако, в отличие от, например, Лицзяна, здесь не было установлено управление во гла-

¹¹⁸ Следует помнить, что в дунба отсутствуют храмовые здания — только алтари под открытым небом.

¹¹⁹ Имеются в виду религиозные ритуалы дунба народа наси.

ве с китайскими чиновниками — власти перешла к тибетским тусы. В это же время большие площади земли получили ламаистские монастыри.

К 1949 г. самое тяжелое положение было у наси ветви мали-маша в уезде Вэйси, которые отдавали более половины полученного с земель урожая монастырям и зажиточным землевладельцам. Аграрные преобразования в Дечен-Тибетском АО были закончены только в августе 1958 г.

В доступных китайских источниках, описывающих ситуацию с земельной реформой в Лицзяне и других районах проживания наси, отсутствует какая-либо информация о том, как именно проходило изъятие и передача земель, играл ли какую-то роль национальный фактор в переделе площадей, были ли протесты и столкновения с какой-либо из сторон. Однако на основе информации о том, что в период проведения реформы были проблемы с недоимками зерна, можно судить о том, что преобразования не проходили гладко, а крестьяне продолжали находиться в тяжелом положении. Одновременно, конечно стоит помнить и о том, что последствия многолетних войн также не прошли незаметно, и за столь короткий срок сельскохозяйственная деятельность в регионе ещё не могла быть восстановлена.

Несмотря на все трудности, молодое государство старалось поднять сельскохозяйственный сектор не только в сфере производства зерна, но и в животноводстве. Одной из первых отраслей получило поддержку коневодство, которое на протяжении веков являлось одним из основных занятий народа наси. В первой половине 1954 г., согласно подсчётам, каждый двор в Лицзяне, где основное население составляли наси, имел в среднем 1-2 лошади, а всего «в руках» национальных меньшинств в этом и прилегающих районах было сосредоточено около 94% всех лошадей. Особое развитие коневодство получило в 1930-е гг., о чём было сказано в предыдущей главе, в 1942-1943 г. Гоминьданом было изъято около 20 000 лошадей на военные

нужды, в последующие годы ситуация сильно ухудшалась и в 1949 г. эта отрасль пришла в окончательный упадок (к сожалению, точные цифры найти не удалось). Однако, если верить публикациям в средствах массовой информации, то в 1952 г. поголовье лошадей в Лицзяне удалось поднять на 58%, а в 1953 г. на 90% [115, с.106]. Большое количество публикаций на эту тему также свидетельствует о важности данной проблемы, однако в их содержании о том, что разведением лошадей занимались в основной массе национальные меньшинства, в частности наси, упоминается лишь вскользь, таким образом нивелируется всякое национальное значение этой деятельности, в то время, как для наси разведение этих животных является частью их народной культуры.

Экономическая ситуация и положение народа наси в период «большого скачка» в Лицзяне не отличалась от других регионов страны. В августе 1958 г. Лицзян включается в движение «битвы за сталь». В том же месяце правительство Лицзяна выпустило доклад, в котором было сказано о решении отправить 5000 трудящихся на «фронт производства» стали, железа и угля. Перед этими людьми была поставлена задача произвести 16 500 тонн железа, 3000 тонн стали и 1000 тонн меди. В сентябре в Лицзяне была проведена всеобщая мобилизация, в ходе которой около 100 тыс. человек сформировали «многочисленную армию», которая должна была претворить в жизнь идеи «милитаризации и коллективизации», а также выполнять спускаемые правительством производственные планы. Из домов выносили медные или железные предметы повседневного использования, если их можно было переплавить, в том числе и традиционные предметы быта народа наси. В результате, согласно китайским публикациям тех лет, план по производству стали, железа, меди, угля, хлопка и зерна был перевыполнен [138, с.20-21].

Одновременно в уезде Лицзян полным ходом шла реализация плана

«коллективизации», в сентябре 1958 г. здесь было создано 23 народных коммуны, первая из которых находилась в уезде Юйлун. В октябре стали открываться общественные столовые, куда принуждали ходить жителей деревень и городских поселений. Народные коммуны также были местом сбора домашних предметов быта из железа и меди, чтобы затем отправить их на переплавку.

Одновременно с «битвой за сталь» в Лицзяне проводились такие движения, как «борьба с правым уклоном», а также «борьба с местным национализмом». В результате этих кампаний был нанесен огромный ущерб материальной и духовной культуре народа наси. Всего за 6 дней после объявления о начале «борьбы с местным национализмом» было снесено 13859 традиционных жилищ, а в деревнях Лаши и Цихэ активисты движения обрезают волосы более 1000 женщин наси, чтобы пустить их на мыловарение [138, с.20-21]. На фоне этих событий в местных газетах выпускались статьи о достигнутых рекордах и трудовых подвигах стариков и детей.

Как отмечает А.А.Москалев, в этот период действия властей основывались на теории «слияния национальностей», которая стала базовой идеей национальной политики с 1958 г. Политика «большого скачка» создавала «благоприятные условия» для реализации этой теории на практике благодаря массовой коммунизации, которая считалась серьёзным аргументом в пользу слияния национальностей (*миньцзу жунхэ*), являвшейся одной из целей социализма согласно высказыванию В.И.Ленина [50, с.160]. Кампании по «борьбе с правым уклоном» и «местным национализмом» являлись элементами общего движения за реализацию этой теории и в разные годы осуществлялись до окончания «культурной революции».

К 1960 г. в уезде Лицзян на человеческих ресурсах стала серьёзно сказываться нехватка продовольствия и ненормированный труд. В народных коммунах Цзюхэ, Цзиньшань, Баошань это привело к большому числу заболе-

ваний водянкой, в Цзюхэ ежемесячно умирало около 250 человек, в Баошань за 1960 г. из жизни ушли 586 человек. Только в январе 1961 г. были приняты меры по урегулированию работы народных коммун, в результате чего было решено закрыть все общественные столовые [232, с.263].

Особенно тяжелым было положение в районах проживания наси, соседствующих с Лицзяном. Так, в уезде Чжундянь население наси с 1932 г. постоянно сокращалось: если в 1932 г. в этом уезде проживали 12 884 наси — 45,07% от общего населения, то в 1953 г. уже 9993 человека — 17,69%, в результате естественного прироста численность наси восстановилась лишь к 1964 г., однако, если говорить о доле наси в целом населении уезда Чжундянь, то фактически оно сократилось и составило 16.6% [217, с.132]. С сентября 1958 по весну 1959 г. в уезде Чжундянь результате кампании «упорядочение стиля и борьбы с правым уклоном» было отправлено в места заключения 80 наси. В ноября 1958 г. в этом уезде было создано 8 народных коммун, открыто 64 коровников, 85 лошадиных ферм и 359 свиноферм¹²⁰. Осенью 1960 г. в Чжундяне началась кампания борьбы с укрывательством зерна, т. к. в том году почти 400 общественных столовых недополучили этого продукта, а 83 совсем не имели растительного масла — в результате чего было выявлено, что 38 производственных бригад занимались обманом и продавали зерно. В целом, «большой скачок» существенно подорвал человеческие¹²¹ и экономические ресурсы этого уезда, а также отрицательно сказался на экологии, т. к. многие реки были загрязнены [217, с.307].

¹²⁰ Производство свиней было одной из основных задач животноводческой отрасли в Юньнани во время «большого скачка». На 1960 г. правительством провинции был спущен план, согласно которому поголовье свиней должно было быть достигнуто количества одной головы на два человека. В 1960 г. предполагалось совершить настоящий «большой скачок» в этой области [114, с.6-7].

¹²¹ Было зафиксировано множество случаев водянки, анорексии, гинекологических болезней. Около 1700 человек скончались от нехватки питания и ненормированного труда [217, с.133].

3.5. Вопросы и проблемы образования нас с 1949 г. по 1979 г.

В Китае проблемы образования неразрывно связаны с языковой и национальной политикой. Взаимопонимание, общий язык, наличие письменности — важнейший фактор в процессе интеграции окраинных регионов Китая, населенных преимущественно представителями национальных меньшинств. Без решения проблемы с образованием населения невозможно строительство и развитие крепкой экономики государства. В свою очередь, огромные массы неграмотного населения, а также наличие большого числа этнических групп, говорящих на своих языках, определяют необходимость проведения грамотной языковой политики, без которой невозможно решить проблему образования. Вопрос о проведении новой языковой политики начал получать своё развитие сразу после установления КНР. В начале 1950-х гг. указание Мао Цзэдуна, согласно которому развитие письменностей мира должно идти «по общему направлению», а именно — опираясь на создание фонетического письма [216, с.207], стало основой для работы по созданию национальных письменностей.

В 1950-е гг. государство на законодательном уровне защищало права национальных меньшинств на использование своего родного языка. Так, статья 3 Конституции 1954 г. гласит, что «все национальности пользуются свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев». В «Основных принципах осуществления местной национальной автономии в КНР» 1952 г. в статье 16 аналогично подтверждается право каждой национальности на использование своего языка и письменности, а также развитие своей национальной культуры [215, с.19].

В 1955 г. Центральный Комитет открыл Всекитайский Научный форум по языкам и письменности малочисленных народов, на котором был

утверждён трёхлетний план, согласно которому, начиная с 1956 г., предполагалось проводить культурную работу среди национальных меньшинств в целях ликвидации неграмотности. Среди средств реализации данной задачи была, конечно, разработка письменностей для народов, не обладавших ею. Согласно статье «Речь и письменность малочисленных народов в Китае» 1957 г., народы КНР делились на три категории: 1. обладавшие развитой и широко использовавшейся письменностью, 2. обладавшие письменностью, которая, однако, не имела широкого использования в массах, 3. народы, не имевшие письменности совсем. Согласно этой классификации, наси, обладавшие письменностью дунба, относились ко второй категории [111, с.7]. В целях подробного ознакомления с языковой ситуацией в районах проживания национальных меньшинств было организовано 7 рабочих групп, насчитывавших 700 человек¹²². После этого Форума в 1955 г. было организовано множество конференций на местах, которые позволили конкретизировать задачи и методы работы в каждом районе. Что касается письменности наси, эта тема обсуждалась на конференции в Куньмине по языкам всех народов Юньнани.

В феврале 1956 г. Комитет по реформе письменности предложил использовать китайский пиньинь в качестве основы для создания письма для национальных меньшинств. В ряде научных работ того времени подчёркивалась важность решения проблемы отсутствия письменности у малочисленных народов Китая. Например, известный профессор Фу Маоцзи считал, что создание письменности для «братских народов» поможет скорейшему вступлению всех наций в социалистическое будущее. Как подчёркивал Фу Маоцзи, создание письменности имело значение также и для развития экономики, поэтому данная задача была обозначена на обсуждении

¹²² Согласно статье Бо Маосюнь «Проект фонетической транскрипции китайского языка ускорил развитие культур братских народов» уже в 1950 г. партия и правительства местных уровней «начали возвращать кадры по языкам и письменностям национальностей» [90].

плана первой пятилетки (1953-1957) [175, с.20].

К 1959 г. письменность на основе латиницы была разработана для многих народов, в том числе и для наси. Не известно, проводились ли дискуссии по вопросу о том, стоило ли использовать уже имеющееся письмо дунба, чтобы на его основе создать новый тип письма для наси. В 1962 г. Фу Маоцзи в своей статье «Проект фонетической транскрипции китайского языка ускорил развитие культур братских народов» задавался вопросом, почему же именно пиньинь китайского языка (хань юй), должен был лечь в основу создававшихся новых типов письма. Фу Маоцзи полагал, что поскольку «хань цзу являются самым крупным народом в стране... [этот народ] надеется оказать помощь и поддержку в развитии письменности братских народов, что будет означать взаимообмен культурами, взаимообучение, а также общее всестороннее развитие..» [176, с.2]. Испокон веков китайский язык служил одним из механизмов интеграции огромных территорий страны в одно целое, теперь же, в новых политических условиях, непосредственно касавшихся национальной ситуации в стране, было необходимо проводить новую языковую политику. Можно сказать, что для решения этой задачи был выбран давно отлаженный механизм в виде создания ряда письменностей на единой основе, латинице, что также способствовало консолидации разных народов в единое целое.

До «культурной революции» пиктографическая письменность наси привлекала внимание китайских исследователей, о чём говорилось в разделе выше. Однако, не удалось найти каких-либо работ 1950-1960-х гг., авторы которых могли бы говорить о возможности широкого использования письменности дунба. Наоборот, в некоторых исследованиях утверждалось о том, что это письмо не достаточно развито, не пригодно для выражения массы повседневных реалий. В связи с чем, даже вопрос о реформировании уже имевшейся письменности не стоял [171, с.14]. Аналогичная ситуация с

письменностью гэба, об особенностях которой говорилось в первой главе — эта письменность получает широкое исследование только с 1980-х гг. и вопрос о возможности её реформирования и приспособления к новым реалиям в те годы также не стоял.

Выше была описана теоретическая база, ставшая руководством к созданию новой письменности наси, теперь следует сказать несколько слов о реализации этого проекта. История этого процесса берет начало в 1956 г., когда 3-я рабочая группа по исследованию языков национальных меньшинств из Китайской академии наук совместно с рабочим комитетом, занимавшимся вопросами языков и литературы национальных меньшинств провинции Юньнань провели исследование условий использования языка и письменности народа наси. На основе собранных материалов в 1957 г. был создан «Проект письменности наси», в котором западный диалект языка наси был взят в качестве базового, а произношение наречия уезда Лицзян условились считать за образец. В соответствии с «Пятью принципами разработки проектов письменности национальных меньшинств», принятыми Госсоветом КНР в том же 1957 г., алфавит языка наси был создан на основе латиницы и включил в себя 26 букв [102, с.23]. В том же 1957 г. этот проект прошёл обсуждение на «Научной конференции языков и письменности национальных меньшинств провинции Юньнань» в Куньмине, однако уже в 1958 г. воплощение этого проекта в жизнь было приостановлено [146, с.31]. В ноябре 1958 г. в Лицзяне началась кампания по борьбе против «местного национализма», когда многие представители наси, работавшие в партийных структурах, были необоснованно обвинены в «местном национализме», объявлены «правыми элементами», а также «антипартийными и антисоциалистическими элементами» [232, с.262]. Работа над «Проектом письменности наси» вновь продолжилась только в 1981 г.

Использование определенного языка в школьном образовании оказы-

вает сильное влияние на форму межэтнических отношений, национального климата в стране в перспективе. Сведения об использовании языка наси в школьном образовании в 1950-х первой половине 1960-х гг. весьма скудные и противоречивые. Так, в китайских источниках мы можем найти информацию о том, что преподавание в школах могло вестись как на китайском, так и на родном языке наси [232, с.83]. Однако в западных источниках (которые содержат крайне мало сведений по рассматриваемому периоду) можно найти противоположные утверждения. Например, как пишет М.Т.Хансен, собиравший интервью у пожилых наси после «открытия» Китая, указывал, что уже в 1950-х гг. шло «навязывание» преподавания в школах на китайском языке, а с 1962 г. в школах Лицзяна было запрещено проведение уроков на местном языке, которое трактовалось как пропаганда «местного национализма» [72, с.52-54]. Фактических источников, которые могли бы окончательно пролить свет на данный вопрос в открытом доступе нет, но совершенно ясно, что сама обстановка с использованием языка наси в школьном образовании те годы была противоречивой и неоднозначной.

Проанализировав сведения из доступных источников, можно сделать вывод о том, что в период с установления КНР и до «культурной революции» государство было заинтересовано в исследовании языка и письменности наси, а право на их использование было закреплено на законодательном уровне. Исходя из знаний о положении языка наси до 1949 г., а также официальной политики партии до периода деструкции, можно заключить, что наси в 1950-60-е гг. использовали в основном свой родной язык. Однако, задачи по ликвидации неграмотности и консолидации страны в единое целое оказывали влияние на практическую реализацию языковой политики, в результате чего на использование языка наси не могли быть наложены определённые ограничения (прямо или косвенно), например, в сфере образования.

Последующие события периода деструкции остановили развитие языковой и образовательной политики в КНР. С января 1963 г. по декабрь 1966 г. в Лицзяне проводилась кампания «четырёх чисток», включавшая в себя движение за социалистическое воспитание в деревне, движение против «пяти зол» в городе и, собственно, движение «четырёх больших чисток» в политике, экономике, организации и идеологии. В ходе данной кампании в Лицзян было отправлено 127 836 томов произведений Мао Цзэдуна, создана 2241 группа для изучения мыслей и идей председателя КНР. Стены в городе были исписаны цитатами Мао, повсюду висели плакаты с его изречениями [141, с.576]. Особенно восприимчивыми к идеям председателя были студенты — они учили его произведения, распевали революционные песни в учебных заведениях и на улицах города. Наибольшую силу эта кампания набрала в 1965 г., когда 2312 членов ганьбу уездов Юншэн, Хуапин, Ланьпин и Вэйси были сосланы на перевоспитание в деревни в составе рабочих бригад [232, с.321]. Эта кампания официально была завершена 15 сентября 1966 г. и соединилась с началом «культурной революции», о начале которой 8 августа 1966 г. принял решение XI пленум ЦК КПК в «Постановлении о великой пролетарской культурной революции». Однако уездный партком Лицзяна принял решение о создании групп по делам «культурной революции» до опубликования официального Постановления — в июне 1966 г. За первые три месяца «культурной революции» было задержано около 60% работников культурных учреждений, среди которых большинство составляли наси [232, с.322]. Среди арестованных в первые месяцы также было немало преподавателей школ, которые были наси по национальности. Осенью 1966 г. в Лицзян-Насиском автономном уезде начали процветать погромы, совершаемые хунвэйбинами, которые действовали под лозунгом борьбы с «четырьмя пережитками» [232, с.322].

После установления власти ревкомов в Лицзян-Насиском автономном

уезде стали создаваться рабочие группы по перевоспитанию, которые принялись за реформирование системы школьного образования, в основу которого было положено изучение произведений Мао Цзэдуна. В результате этого движения многие преподаватели насильственно были убиты как «контрреволюционные элементы» [141, с. 117].

Ревком Лицзянского педагогического университета, учрежденный в 1968 г., стал из центров, руководивших действиями хунвэйбинов в период «культурной революции». Этим комитетом были созданы группы, которые проводили «классовые чистки» в образовательных учреждениях в 1968-1969 гг. В результате действий активистов этого движения были убиты десятки студентов и преподавателей. Стоит ли говорить о том, что как и в других районах страны, образовательный процесс в Лицзяне был прерван на несколько лет событиями «культурной революции» [105, с.96].

Политика «слияния национальностей», о которой говорилось выше, продолжала реализовываться в ходе вышеописанных движений во времена «культурной революции» и отразилась на языковой политике. Теоретиком, пользовавшимся наибольшей поддержкой в конце 1950-х гг. был Юй Шичан, который рассматривал языковое развитие национальных меньшинств с точки зрения «усвоения ими элементов китайского языка». Его концепция стала обоснованием новой языковой политики, направленной на ускорение китаизации национальных языков. На этой концепции основывались многие научные работы по языковедению описываемого здесь периода. В основном китайские языковеды тех лет оправдывали и поддерживали использование китайского пиньиня в качестве основы для письменности национальных меньшинств, основываясь на теории «ускорения культурного развития» малочисленных народов. В годы «культурной революции» кампания по ликвидации «четырёх пережитков» действовала не только в отношении национальных обычаев, традиций, верований, но и в отношении род-

ных языков и письменностей национальных меньшинств. Кадровым работникам было запрещено пользоваться родным языком на службе, запрещалась литература на национальных языках, не говоря уже о религиозных текстах. Всё это было объявлено «пережитками», «антипролетарскими» элементами [49, с.44]. Языковая политика тех лет самым пагубным образом отразилась не только на общей грамотности населения наси, но и на уровне использования их родного языка молодёжью. Исследования пиктографической письменности дунба были приостановлены на целое десятилетие, письменность гэба оказалась практически в полном забвении. Научные работы в этой области, как и проекты по реформированию письменности и борьбе с неграмотностью населения были продолжены только после смены теоретического курса национальной политики периода деструкции в конце 1970- начале 1980-х гг.

3.6. Духовная и материальная культура наси с 1949 по 1979 г.

Состояние традиционной духовной культуры наси в 1949-1979 гг. является одной из наиболее малоизученных тем в истории этого народа. Прежде всего, подобная ситуация вызвана недостатком источников по данному вопросу, связанным с последующими политическими событиями в период «культурной революции», а также проявлением недостаточного интереса китайской науки к этой теме в данный период. Кроме того, в связи со спецификой внешней политики КНР, в обозначенные годы не было каких-либо западных исследований на данную тему, за исключением работ советских ученых, которые, впрочем, занимались в основном исследованием других вопросов, касающихся этого народа.

Согласно многочисленным публикациям в китайских СМИ начала 1950-х гг., а также современным китайским научным работам, с установле-

нием КНР началось строительство общества, обладающего качественно новой культурой, и базировавшегося на идеях построения социализма. В этой работе активно принимали участия новые органы власти на местах. Так, в 1951 г. в Народное правительство уезда Лицзян взяло в своё ведение реализацию задачи об «образовании масс». С этой целью в городе была открыта библиотека. В 1954 г. было образовано ведомство культуры при Народном правительстве Лицзяна, которое руководило созданием кружков художественной самодеятельности, театральными кружками, был учрежден отдел по делам культуры [232, с.82]. Как отмечают китайские историки, в этот период народная музыка наси, а также их танцы получили особую поддержку и развитие. Об особенностях проведения выступлений, организации этих коллективов мы можем найти не мало сведений из публикаций СМИ того периода, о чём уже было сказано выше.

Говоря о росте «массовой культуры» в первой половине 1950-х гг., китайские исследователи часто имели в виду «продажу лубочных картинок, парных надписей с новогодними пожеланиями, сельскохозяйственных календарей и т.д.», относя данную продукцию в категорию предметов народной культуры. Понятно, что это не была национальная продукция того или иного народа, скорее, наоборот, производство этих предметов повышало уровень распространения ханьской культуры. Как отмечают китайские исследователи, что касается наси, то только представители этого народа, проживающие в далёких горных районах, занимающиеся в основном земледелием, по-прежнему говорили только на своём родном языке, не могли читать и писать, «что пагубно влияло на сближение массы народа наси с хань». В связи с чем особую важность приобрело движение по борьбе с неграмотностью, проводившееся в Лицзяне в 1953-1957 гг [232, с.83].

Однако, несмотря на довольно противоречивую, двойственную политику в области национальной культуры, которая, с одной стороны, провоз-

глашала равенство всех национальностей, поощрение развития народной культуры и культуры масс, с другой стороны, фактически, служила инструментом в распространении культуры хань среди малочисленных народов, а также в зарождении новой культуры государства, не имеющей ничего общего с национальными традициями малочисленных народов, в начале 1950-х гг. начинают вестись работы, способствующие сохранению материальной и духовной культуры наси.

В 1953 г. на провинциальном уровне правительством Юньнани было образовано 6 групп из работников культуры и студентов ВУЗов, которые ездили по районам проживания национальных меньшинств с целью сбора материалов народной культуры. В это время начинают издаваться первые сборники былин, поэм, песен и мифов малочисленных народов, например, были опубликованы «История литературы народа наси (черновой набросок)», сборник стихотворений «Третья страна Юйлун» и другие [232, с.83-84].

Особое внимание в те годы привлекали народные песни наси, которые исполнялись во время различных работ, это так называемые «трудовые песни». Среди них наиболее известны «Охотничья песня», «Рубка чжэна¹²³», «Погоня лошадей», а также «Сжигание свечей». Эти народные песни, которые в прежние времена исполнялись во время совершения того или иного вида работ, в 1950-е гг. стали популярны среди молодёжи, трудившейся на общественных работах [188, с.42].

Кроме «трудовых песен» в 1950-е гг. особой поддержкой местного правительства в Лицзяне пользовались народные военные песни наси, а также песни, в содержании которых так или иначе упоминалось о страданиях народа, связанных с прежним режимом. Среди песен подобного жанра наиболее известными были «Встреча рыбы и воды» и похожая на неё

¹²³ Чжэн - струнный щипковый инструмент, разновидность гуслей в 13 или 16 струн.

«Встреча пчелы и цветка». Эти песни повествовали о нелёгкой судьбе молодых девушек и парней в прежние времена, когда они были вынуждены бороться за свободные отношения и счастливую совместную жизнь. Подобные произведения рассматривались как критикующие прежний феодальный режим, поднимающие дух борьбы за строительство нового, свободного от предрассудков и феодальных устоев общества [199, с.31]. Известной исполнительницей песен этого жанра в те годы была Хэ Шуньян (1910-?)¹²⁴, женщина наси, которая перенесла несчастный брак, и начала петь в возрасте 15 лет. Песни «Течение скорби» и «Побег к прекрасному» в её исполнении были очень популярны в Лицзяне [156, с.86]. «Течение скорби» повествует о несчастной любви девушки и юноши наси, которая закончилась их жертвенным самоубийством (сюньцином). По мнению китайского исследователя Чжан Цзюньфана, сюньцин — явление старого общества, поэтому осуждение этого обычая в песне Хэ Шуньян, буквально означает критику прежнего режима, стремление народа наси бороться с пережитками феодализма [199, с.31].

Поддержка таких аспектов народной культуры наси, как танцы и песни, являлась частью реализации национальной политики в 1950-е гг. в Лицзяне. Однако отношение новой власти к этим видам народного творчества наси в период «большого скачка» носило специфический характер. В 1956 г. в Лицзяне была учреждена рабочая бригада народной культуры и искусства. В газете «Театр» по случаю данного события было опубликовано сообщение, в котором подчёркивалась «забота бюро культуры провинции Юньнань о культурной жизни братских народов». Члены бригады избирались среди молодёжи национальных меньшинств, которые являлись членами ганьбу и преподавателями. Коллектив ездил по провинции с небольшими национальными представлениями и пользовался большой популярно-

---

¹²⁴ 和顺良

стью не только у нами, но и среди лису, и, миңцзя и других малочисленных народов [188, с.42].

В 1958 г. была опубликована статья Люй Доу «Песенный кружок пожилых людей у нами», автор которой, рассказывает об образовании и деятельности этого национального коллектива после установления КНР. Как утверждает Люй Доу, песни и танцы являются неотъемлемой частью жизни нами и сопровождают самые разные стороны бытия этого народа. В предыдущей главе было упомянуто о том, что П.Гулларт писал о существовании ряда песен антивоенного характера, пользовавшихся большой популярностью среди нами, которые не хотели принимать участие в каких-либо боевых сражениях как на стороне Гомиңдана, так и КПК. В этой же статье утверждается, что ещё в недавнее время, когда НОАК воевала со старой властью, нами подбадривали и воодушевляли свой народ на борьбу народными песнями, жанр которых называется «песни стариков». Особую популярность этот жанр приобрёл ещё в 1952 г., во время проведения аграрной реформы, тогда же и сложился коллектив «Песенный кружок пожилых», который к моменту публикации данной статьи включал в себя около 300 человек старше 50 лет, в основной массе выходцев из бедных деревень. По словам автора, этот коллектив пользовался поддержкой правительства и выступал на различных мероприятиях партийного уровня, народных собраниях, праздниках. В 1958 г. «Песенный кружок пожилых» выступал по радио в ночное время суток, подбадривая население в выполнении плана по выплавке стали [134, с.28]¹²⁵. Таким образом, можно сказать, что фактически новая власть поддерживала не народное творчество как таковое, а использовало его для продвижения и пропаганды новых идей. К сожалению, из доступных источников, не удалось узнать, во что были одеты исполнители

¹²⁵ Отрывок из песни: «Пока будешь учиться — не постареешь, это каждый понимает. Осознаёт человек волю к труду — и не устаёт. Каждый, каждый должен бороться. Ради индустриализации, приезжай на гору Юйлун. Пока задача не выполнена, твёрдо реши не возвращаться домой» [144, с.30].

этого коллектива, на каком языке писались тексты этих песен¹²⁶. Однако содержание их творчества, как видно из доступных в настоящее время текстов песен, не носило какого-либо национального характера, а было полностью подчинено идеям правительства.

Народная музыка наси являлась первым элементом культуры этого народа, который был взят на вооружение местным правительством для поднятия духа населения в деле создания новой страны. Однако рассматривать данную поддержку народного песенного творчества с точки зрения поддержания национальной культуры практически не возможно, о чём говорят, так называемые «народные песни» наси, тексты которых можно найти в газетах и журналах того времени. Например, в журнале «Юньнань цзяюй» в 1959 г. была опубликована «народная песня наси» под авторством Ли Цянкэ, в которой «звонкий голос песни» летит в Пекин, чтобы «передать весточку председателю Мао»]Именно на песни было обращено внимание новых властей, посредством этого важнейшего элемента культуры они пытались провести слияние национального меньшинства, наси, с «большой семьей» новой страны.

В 1950-е гг. печатаются сборники произведений устного фольклора народа наси, особенно те, которые повествуют о нелегкой жизни крестьян и их зависимости от клана Му. Наиболее известным рассказом, появившемся в конце правления Цин, являлась «История Аидань», о находчивом молодом наси, который высмеивал членов семьи Му, издевавшихся над простыми людьми, бывшими у них в работниках [125, с.40].

В первые годы после установления коммунистической власти из народа наси начинают выходить писатели, знаменующие собой наступление

¹²⁶ Вероятно, что тексты песен писались, скорее всего, на языке наси, т. к., во-первых, исполнители коллектива были пожилыми людьми из деревень, которые, как известно, не владели в самой большой массе путунхуа, а, во-вторых, аудитория песен также являлась рабочим и деревенским населением района Лицзяна, а коли ставилась задача поднимать из дух, то логично было бы писать песни на их родном языке.

новой культурной эпохи. В 1949 г. становится известным Хэ Сидянь¹²⁷ (1906-1989), который был посажен в 1945 г. гоминьдановскими властями в тюрьму, где написал «Тюремную песню», критиковавшую старый режим. После своего освобождения в 1949 г. он пишет множество эмоционально наполненных песен, поддерживающих КПК, строительство нового общества, а также единение всех народов. Самым известным его произведением стала песня «Молитвенный текст наси. На похороны погибших в бою солдат и офицеров партизанских отрядов», который получил особую популярность среди народа. Эта песня оказала большое влияние на культурную жизнь 1950-х гг. в Лицзяне, после неё стали появляться другие «молитвенные тексты наси» [156, с.87]. В 1956 г. состоялась конференция достижений китайского национального театра, на которой Хэ Сидянь выступал как руководитель знаменитого оркестра народной музыки наси «Байша» и получил премию за развитие вклад в развитие народной культуры наси. В 1960 г. Хэ Сидянь в качестве самого известного исполнителя песен народа наси был направлен в Пекин на 3-й съезд ВАРЛИ, где, был принят Мао Цзэдуном и другими государственными деятелями [156, с.88]. В 1960-е гг. пьесы Хэ Сидяня ставились не только в театрах, но и транслировались по радио и телевидению¹²⁸. Наиболее известными стихотворениями того период стали «Вижу сейчас председателя Мао» и «36 садов», однако с началом «культурной революции» Хэ Сидянь был вынужден прекратить своё творчество, к которому удалось вернуться лишь в 1979 г.

В 1960-е гг. большую популярность получает насиский художник Чжоу Линь¹²⁹ (1902-1977), творчество которого привлекло внимание партийных кругов и пользовалось их поддержкой. В 1963 г. в Куньмине и Пе-

¹²⁷ 和锡典

¹²⁸ Пьесы: “Ду”(《笃》), “Одно письмо”(《一封书》), “Снова и снова вспоминая счастье”(《三思吉》), “Прекрасное белое облако”(《美丽的白云》).

¹²⁹ 周霖

кине при содействии Союза деятелей искусств Китая и их филиала в Юньнани были организованы выставки его работ, которые широко рекламировались газетой Жэньминь жибао и центральными радиостанциями [157, с.21]. В 1964 г. Чжоу Линь стал членом комитета ВК НПКСК. Однако с наступлением «культурной революции» этот известный деятель искусства также был вынужден прекратить своё творчество.

О жизни простых наси в 1960-е гг. можно узнать из фотоархивов и литературных произведений, очерков, публиковавшихся в то время в китайских журналах. Так, Е Цю в своём произведении «Путешествие в Лицзян», написанном и опубликованном в 1960 г., описывал не только город Лицзян, жизнь наси, также дал краткий очерк истории этого народа. О задачах своего визита Е Цю рассказал секретарю Чжану, который показывал ему дорогу на старую улицу. По словам Е Цю, цель его поездки заключалась в ознакомлении положения районов национальных меньшинств, среди которых был и Лицзян наси. Как отмечал автор «Путешествия в Лицзян», в те годы многие старые постройки сносились и следовало бы строить новые здания в традиционном народном стиле, характерным для того или иного района, чтобы сделать своего рода живой музей, сохранив «классику» для грядущих поколений. Е Цю, в своём произведении также отмечает тот факт, что многочисленные народы этого региона (он берет для примера дулун, лису и наси) до сих пор находились на совершенно разных ступенях развития общества, однако все они одновременно вступают на путь социализма [125, с.40]. Примечательно также, что секретарь Чжан рассказывал Е Цю о том, что сейчас в Лицзяне много зерна и нет проблем с едой, однако «сохранились старые привычки съесть всю порцию одним махом», словно в былые голодные времена. Здесь непременно стоит отметить, что речь идёт о 1960 г., т. е. времени, когда вся страна всё ещё оправлялась от последствий большого скачка, и продовольственная ситуация была крайне тяжёлой, од-

нако в СМИ об этом ничего не сообщалось, а, наоборот, выходили статьи о новых рекордах и победах в построении нового общества. Скорее всего, подобную ситуацию мы можем наблюдать и в Лицзяне, а слова секретаря Чжана служат лишь подтверждением тяжёлого положения народа в тот период¹³⁰.

Стоит отметить, что судя по содержанию «Путешествия в Лицзян» Е Цю, этот человек искренне пытался принять меры по сохранению культурного наследия народа наси в то нелегкое для страны время. Так, посещая Байша, «родину правителя Му», Е Цю отмечает наличие сохранившихся с эпохи Мин дворцовых построек и предметов искусства, которые, несмотря на принадлежность к «тёмному феодальному прошлому», по его мнению, должны были быть сохранены. Важно отметить, что в своём произведении Е Цю описывает довольно много архитектурных сооружений, в том числе и храмов, которые сохранились вместе с внутренней отделкой, росписями с времён Мин. Эти описания, а также их фотоснимки опубликованные на страницах произведения, свидетельствуют о том, что, по крайней мере в 1960 г. многие из старинных архитектурных памятников были ещё целы. Однако город Лицзян сам постепенно перестраивался — появлялись новые улицы, исчезали старые, разрушались и старые жилые дома. Однако Е Цю, судя по тексту его произведения, проявлял искреннюю заинтересованность в сохранении этих традиционных построек.

Из произведения Е Цю мы также можем узнать о судьбе некоторых храмов. Так, ламаистский храм Вэньфэн, хотя и сохранил в те годы свой

---

¹³⁰ Е Цю (1909-1987) родом из провинции Аньхой, ещё в 1924 г. вступил в Социалистический союз молодёжи Китая. Позже был назначен секретарём комсомола горкома Пекина, а также секретарём парткома родного уезда Хоцю в Аньхое. В 1932 г. Е Цю вступил в Лигу левых писателей Китая, а в 1941 г. вступил в КПК. В 1947 г. становится научным сотрудником университета Хуабэй, а после 1949 г. сначала становится заместителем начальника, а затем и начальником Управления по памятникам материальной и духовной культуры при Министерстве культуры КНР, позже советником и начальником управления Государственного комитета по охране культурного наследия КНР. Таким образом, секретарь Чжан, вполне вероятно, не мог раскрыть реальную ситуацию в продовольственном секторе во время приезда Е Цю с фактической проверкой.

внешний облик, однако, его назначение поменялось. В 1958 г. в этом храме была открыта школа, в которой училось 250 человек, однако из которых национальные меньшинства составляли всего лишь 13. Как писал Е Цю, эта школа была одной из школ «воссоединения всех наций», ученики которой говорили на своих родных языках, носили национальные одежды, и которых «объединяла одна общая цель — строить социализм». Как отмечает Е Цю, новая школа была особенно важна для нас, т. к. до этого читать и писать умели лишь члены знатных семей и «шаманы дунба», теперь же образование открыто и для простых людей. Кроме того, рядом со школой ученики сами выращивали овощи и разводили свиней, которые затем поступали в столовую [125, с.40].

Е Цю отмечал необходимость сохранения таких предметов материальной культуры нас, как музыкальные инструменты, орудия труда, а также трактаты дунба. Е Цю был весьма осведомленным в области истории и культуры нас человеком. Он отмечал безвозвратную потерю большей части культурного наследия дунба в предшествующие периоды, когда (с его слов) от 4 до 5 тысяч экземпляров текстов дунба было вывезено за границу, в частности благодаря Дж. Року, передавшему эти трактаты в Национальную библиотеку США.

Описывая народ нас, Е Цю писал, что в то время, когда он посещал Лицзян (июнь 1960), на полях можно было увидеть множество женщин нас, которые работали, одетые в свои национальные одежды и головные уборы фасона военных времён освободительной войны. Женщины нас рассказали ему, что до войны они носили очень сложные, большие причёски и традиционные головные уборы, которые были неудобными. Эти шапки они увидели у женщин НОАК и они сильно полюбились своей простотой, в результате чего нас переняли этот предмет одежды. Кроме того, с тех пор многие нас также коротко стригли волосы, подражая китайским

военным женщинам [125, с.41]¹³¹.

Из традиционных особенностей жизни наси, дошедших до начала 1960-х гг., согласно описанием Е Цю, был семейный уклад жизни этого народа, в котором семья целиком опиралась на труд женщины. Каким образом в условиях тех лет мог продолжаться сохраняться данный уклад жизни, остаётся вопросом. Можно предположить, что мужчины наси старались просто избегать труда, принимать в работах меньшее участие, чем женщины — к сожалению, вышеперечисленные обстоятельства хотя и упоминаются Е Цю, но не описываются подробно. Тем не менее, подобное положение дел было запечатлено в его произведении, что говорит о том, что в том или ином виде традиционный уклад быта семьи наси существовал. Различные формы кросс-кузенного брака также продолжали существовать не смотря на их запрет Законом о браке 1950 г. Этот вид брака был преимущественно распространен в горных деревнях и практически отсутствовал в Лицзяне. Наиболее широко исследуемыми в те годы (впрочем, как и в наши дни) были семейные отношения и формы брака у мосо Юннина и района озера Лугу. Традиционная организация семьи и быта продолжала сохраняться у этой этнической группы, несмотря на становление новой формы общества и установления нового законодательства. Об этом свидетельствуют многочисленные работы отечественных, западных и китайских исследователей [73, с.31]. Подробные исследования китайских ученых тех лет также свидетельствуют о наличии большого количества «живого» материала, с которым можно было работать.

Погребальные обряды — важнейшая часть культуры народа наси. Можно сказать, что похороны являются тем событием, из которого берут

---

¹³¹ Сочетание народного костюма и описанного выше головного убора сохранилось в костюме наси по настоящее время. Если сравнить снимки, сделанные Е Цю в 1960 г. и снимки диссертанта 2010 г., то можно увидеть, что традиционная женская одежда наси сохранилась с тех пор в практически неизменном виде.

корни обоснование смысла жизни и духовного мировоззрения в верованиях дунба. Эти обряды важны как с точки зрения религиозных, так и родственных отношений. Погребальные церемонии были объектом исследований китайских этнографов, культурологов и историков в 1950-1960-е гг. до «культурной революции», а затем исследования в этой области были продолжены в 1980-е, что привлекло внимание западных ученых. Согласно работам Дж.Рока, верования дунба, шаманы дунба, погребальный обряд и связанные с ним ритуалы, были широко распространены в 1940-е гг., вплоть до установления новой власти. И хотя исследований культуры дунба и погребального обряда наси Лицзяна в 1950-1960-е гг. проводилось крайне мало, есть основания полагать, что до «культурной революции», эти традиции были всё ещё живы в обществе наси. Со второй половины XIX в. культура хань начала оказывать сильное влияние на обрядовую сторону жизни знати народа наси, в это время в погребальные обычаи наси приходит ингумация, которую проводили шаманы дунба. В 1950-1960-е гг. у наси, проживающих в городе Лицзян, присутствовали оба типа погребального обычая — захоронение усопшего в земле и кремация. Однако в горных районах Лицзяна, в деревнях, покойных преимущественно кремировали в гробах, в некоторых поселениях проводили захоронение праха в сосудах на кладбищах [168, с.200-204]. Материалы полевых исследований диссертанта, проведенные в деревне Байша в 2018 г., свидетельствуют об особой важности погребального обряда в культуре дунба, а опрошенные пожилые женщины (возраст 63-74 лет, 5 человек) в подробных деталях дали описание обрядом, проходивших на их памяти — в годы «большого скачка» и «культурной революции».

Особое внимание китайские и западные исследователи также уделяли погребальным церемониям народа мосо, осуществляемым шаманом даба. В середине 1960-х гг. тибетский буддизм стал доминирующей религией среди

мосо, и до «культурной революции» в Юннине существовало два монастыря — школы Желтошапочников гелук. Как отмечает М. Оппитц, до 1956 г. практически в каждой семье мосо был по меньшей мере один человек, служивший в качестве ламы. До «культурной революции» тибетский буддизм и верования даба мирно сосуществовали в районе проживания мосо. Соприкосновение этих двух религий у мосо мы видим на примере совершения погребального обряда 1950-1960-х гг. С момента приготовления тела усопшего и до самой кремации мосо приглашали в дом лам, которые совершали молитвы в специально отведенной для этого комнате. Однако, для проведения ритуалов, связанных с кремацией мосо приглашали исключительно шаманов даба, которые руководили всем этим процессом. В погребальном обряде у мосо ламы приглашались в качестве «представителей» души усопшего, тогда как даба являлись проводниками между этим и загробным миром, кроме того, могли входить в контакт с предками усопшего, таким образом, образуя связь со всем его родом, воссоединяя его умерших и живущих членов [82, с.105-107].

Согласно полевым исследованиям М.Оппитца, проводившимся в 1980-начале 1990-х гг., во время которых он брал интервью у большого числа пожилых наси и мосо¹³², религия играла важнейшую роль в жизни этих людей, а значение шаманов дунба и даба, их положение в обществе было практически неизменно высоким вплоть до «культурной революции». Основываясь на полевых исследованиях китайских и западных учёных, проводившихся после «культурной революции», а также научных работах 1950-1960-х гг. можно сказать, что горные районы, где проживали наси, а также Юннин, где проживали мосо, вплоть до периода деструкции сохранили традиционные погребальные обычаи, а роль религии и шаманов продол-

¹³² Сведения, собранные М.Оппитцем во время полевых исследований полностью совпадают с описанием погребального обряда у мосо Юннина в статье Сунь Линьчжао «Погребальные обычаи у мосо Юннина провинции Юньнань» 1964 г., за исключением того, что китайский исследователь не упоминал ни о читающих молитвы ламах, ни о проводящих сам обряд кремации даба.

жала оставаться в их обществе довольно высокой¹³³. Полевые материалы диссертанта, собранные в наше время с 2011 по 2018 г. в Юннине, также подтверждают данное заключение. Что касается Лицзяна, то, вероятно, в самом городе эти обычаи начали постепенно отмирать, что было связано не только с построением нового общества и политикой КПК, но также было вызвано долгими постоянными контактами с собственно китайской культурой. Можно предположить, что малое количество исследований погребальных и других обрядов наси в самом Лицзяне в 1950-1960-е гг. было связано с отсутствием «живого материала», который ученые находили в более отдаленных районах, например, в местах проживания мосо.

По свидетельствам немногочисленных источников, а также на основе полевых материалов китайских, западных исследователей, а также самого диссертанта, можно сделать вывод, что в годы «большого скачка» по религиозной жизни народа наси был нанесен большой удар. Во время движения «борьбы с правым уклоном» было закрыто или уничтожено физически множество буддийских и даосских храмов, некоторые из них стали использоваться в качестве школ, клубов и прочих заведений. В Лицзян-Насиском автономном уезде существовало 8 монастырей тибетского буддизма, большинством послушников которых были наси, во время «большого скачка» всех их постигла печальная участь [98, с.104].

Судьба традиционных верований дунба в период «большого скачка» также оказалась весьма тяжёлой — церемонии, проводимые шаманами дунба, были объявлены «правыми» и были запрещены, а на их исполнителей начались гонения. Несмотря на изменившуюся политику в отношении дунба, наси продолжали придерживаться своих традиционных верований, ис-

¹³³ В 1950 г. в Лицзяне состоялось первое заседание Совета народных представителей от каждого народа особого района Лицзяна (не путать с Советанием 1949 г. о котором шла речь в начале этой главы). Всего на этом заседании присутствовало 303 человека, из которых 17 были главами тусы, 16 лам, 10 даба и дунба, только один представитель от китайского буддизма. Эти цифры, как и само присутствие данных представителей религий, также свидетельствуют об их значимости в обществе всего Лицзяна [232, с.29].

полнять обряды. Особенно большой урон был нанесен духовной жизни наси в самом Лицзяне — активисты движения вырубали священные рощи, разрушали алтари [69, с.112].

Движение «большого скачка» затронуло в том числе и сферы народного творчества. Выше неоднократно говорилось об особой роли песенного, музыкального, танцевального народного творчества наси в 1950-е гг. В 1958-1960 гг. научные и популярные публикации на эту тему носили специфический характер. Ярким примером является статья под заголовком «Работа коррективовщиков тоже совершает прорыв» 1959 г., которая призывает сделать музыку «сильнейшим оружием в деле строительства коммунизма». Автор статьи предлагал сделать приведенную цитату лозунгом выступлений коллектива «Песенный кружок пожилых наси», о котором шла речь выше в этой главе выше [171, с.14]. Подобные лозунги выдвигались также в литературной сфере. В статье «Песен наси становится всё больше» 1960 г. Му Шалун и Хэ Цзиньюй (наси) был опубликован текст песни, призывающий к свершению трудовых подвигов на литературном и музыкальном поприще. Помимо этого в упомянутой песне высмеивались служители культа дунба, называемые бесполезными элементами общества, при этом одновременно прославлялась «забота партии» и «горячая любовь председателя Мао» [149, с.7-8]. Таким образом, «большой скачок» оказал существенное влияние на песенное и художественное (например, художник Чжоу Линь) творчество народа наси. Однако здесь можно задаться вопросом — в какой степени «народным», в смысле этническим, принадлежащим к традиционной культуре, являлись произведения этого творчества? Справедливо ли их именовать «народными» только лишь потому, что авторами их были сами наси? Полагаю, что данные произведения скорее являются примерами вступления народного творчества в новую реальность и трансформации этого творчества под её воздействием. В произведениях подобного рода

стираются народные, традиционные черты, одновременно лишая их авторов своей уникальной, этнической индивидуальности, от которой остаётся одно лишь название.

Как бы то ни было, в целом, традиционная культура наси, в 1949-1966 гг., претерпевая сильное влияние со стороны новой власти, трансформируясь в некоторых аспектах, продолжала своё существование. В те годы основными «хранителями» традиционной культуры наси оставались представители старшего поколения, а также жители отдаленных от городского центра Лицзяна регионов — свою «миссию» они пронесли и через тяжелейшие времена «культурной революции».

Наибольший урон материальной и духовной культуре наси в период «культурной революции» был нанесен действиями хунвэйбинов, в результате которых было уничтожено огромное количество традиционных предметов быта народа наси, пострадали и были утеряны многие культурные памятники, были репрессированы или убиты монахи буддийских и других храмов, на деятельность шаманов дунба и даба наложен запрет, большая часть священных мест — алтарей, рощ, — были уничтожены. К концу «культурной революции» из около 100 монастырей, находившихся в Лицзяне, осталось чуть более десяти [232, с.315]. Разрушение предметов и памятников традиционной материальной и духовной культуры наси было итогом кампании борьбы с «четырьмя пережитками», начавшейся осенью 1966 г.

Китайский историк Ян Фуцюань делит борьбу с «четырьмя пережитками» в Лицзяне на три этапа. Первый этап назывался «сменить старые имена», когда, в первую очередь менялись названия рабочих бригад¹³⁴, школ и других заведений. Этот этап также характеризовался повсеместной сменой внешнего облика — одежды и причёсок. Так, девушки наси в обязательном порядке должны были коротко стричь волосы, им запрещалось но-

¹³⁴ Новыми названиями бригад были такие, как «Красная звезда», «Красный мост» и т.п.

сить юбки, не говоря уже о традиционных костюмах. Не соблюдавших новые требования мужчин и женщин отлавливали и ставили на «стол позора» на больших перекрёстках в целях перевоспитания. Для второго этапа была характерна «борьба с нечистью», в результате которой были закрыты библиотеки и читальные залы Лицзяна, священные трактаты дунба были либо спрятаны в хранилища, либо просто уничтожались. Предметы религиозной жизни изымались у монастырей и храмов, после чего уничтожались. Сами заведения, как уже было сказано выше, либо меняли свой статус, либо сносились. То же самое происходило с традиционными предметами искусства, которые находили в правительственных учреждениях, школах, магазинах и частных домах. Наконец, третий этап был нацелен на полное уничтожение национальных предметов наси [232, с.320].

В годы «культурной революции» научные исследования в области истории, культуры, обычаев и быта народа наси также были прекращены на целое десятилетие. Многие исследователи наси были объявлены «антипартийными и антисоциалистическими элементами», сосланы на трудовое перевоспитание в деревни или даже убиты. Известный художник наси Чжоу Линь, упоминалось выше, был обвинён в поддержке и защите культуры дунба, объявлен зажиточным землевладельцем и сослан в горный район. Трудовому перевоспитанию подверглась также исполнительница народных песен наси Чжоу Жу, которая была объявлена «особенно опасным элементом» — она исполняла настоящие народные песни наси, тексты которых не были политически окрашены согласно идеологии КПК [139, с.870].

События «культурной революции» не могли не затронуть традиционные семейно-брачные отношения в культуре национальных меньшинств. Если к середине 1960-х гг. традиционная семья в Лицзяне уже практически прекратила своё существование, то в уезде Юннин, где проживали мосо, традиции оказались весьма устойчивыми. В течение всей «культурной ре-

волюции» велась борьба за установление «нормальных» семейно-брачных отношений у народа мосо. В 1966 г. матрилинейная организация семьи и форма визитного брака были объявлены «пережитками прошлого», тормозящими развитие общества и были запрещены. Вместе с ними под запрет попали деятельность даба, как и в других районах гонениям подверглись монахи монастырей тибетского буддизма. Хунвэйбины создавали отряды, задачей которых было следить за тем, чтобы браки заключались согласно «нормам» общественной морали. В уезде Нинлан был издан нормативный акт именуемый «Мирные и компромиссные способы осуществления демократической революции», 22 раздел пункт 4 которого запрещал матрилинейную организацию семьи, а также объявлял мужчину главой семьи. Вплоть до 1975 г. ревком этого уезда следил за тем, чтобы браки заключались согласно этому нормативному акту. Нарушивших постановление высылали из уезда [205, с.118-119]. Однако традиционная система семейно-брачных отношений мосо не была окончательно сломлена «культурной революцией», и сразу после её завершения все народные обычаи мосо и религиозные обряды вернулись к жизни, о чём свидетельствуют полевые исследования китайских и западных ученых 1980-х гг. Автор данной диссертационной работы проводил интервьюирование мосо в Юннине в 2018 г., в результате чего было выяснено, что как женщины, так и мужчины мосо не относились с полной серьёзностью к правительственным предписаниям заключать «нормальные браки», поскольку для них это был (а в некоторых горных деревнях и остаётся в настоящее время) совершенно чуждый элемент, противоречащий их национальным традициям и, как отмечали некоторые мосо, посягающим на их свободу.

События 1949-1976 гг. оказались самыми тяжелыми в истории народа наси. Никогда ранее их традиционному укладу жизни, материальной и духовной культуре не был нанесен такой сильный урон, как в 1958-1976 гг.

Культура дунба была практически полностью уничтожена, были истреблены практически все шаманы дунба и даба.

Кроме физического уничтожения элементов народной культуры наси в эти годы возникла угроза потери национальной самоидентификации наси, когда молодое поколение этого народа вступало в ряды хунвэйбинов и уничтожало традиции и наследие своего собственного народа. Число говорящих на родном языке в те годы начало сокращаться, многие народные праздники и обряды были забыты и сохранились только в очень отдаленных горных деревнях, ставших хранителями традиций и культурного наследия наси. Выходцы из этих деревень сыграли важную роль в восстановлении культуры и традиций своего народа в 1980-90-е гг. Однако политика «слияния национальностей» всё же нанесла непоправимый удар по психологическому состоянию наси, молодое поколение которых в будущем будет в первую очередь ассоциировать себя с Китайской Народной Республикой, и лишь потом со своим народом.

Глава 4. Положение наси в период реформ и открытости с 1979 по 2018

г.

В период реформ и открытости в КНР положение народа наси меняется на фоне трансформации государственной политики в отношении национальных меньшинств. В жизни наси после серьезных потрясений, пережитых этим народом в предыдущие десятилетия, появляются новые тенденции позитивных изменений.

После «культурной революции» теоретические основы национальной политики КНР претерпели значительные изменения. Начиная с конца 1970-х гг. возникли новые тенденции, которые в дальнейшем проявились в сфере преобразования административного округа Лицзяна, восстановления и сохранения традиционной культуры наси. Этот процесс продолжается и в настоящее время. В 1990-е гг. и последующие десятилетия эти преобразования начинают носить несколько иной характер: на государственном уровне все больше внимания уделяется сохранению, поддержанию и развитию культуры наси, сочетаясь с её одновременной популяризацией и коммерциализацией. В 2000-е гг. и в настоящее время тенденция к коммерциализации этнической культуры малочисленных народов Китая, в том числе и наси, выходит на новую ступень развития и приобретает государственные масштабы, в результате чего возникает проблема сохранения подлинной аутентичности национальных культур ряда нацменьшинств, в том числе и наси.

4.1. Трансформация теоретических и правовых основ национальной политики с началом периода реформ в КНР

Изменения идеологических подходов к решению национального во-

проса начали постепенно намечаться в 1978 г. На переломном этапе в истории страны происходил возврат к прежней политике государства в отношении национальных меньшинств, к принципам и положениям, декларированным в Конституции 1954 г. [41, с. 76-77]. Как отмечал отечественный китаевед А.А. Москалёв, «первые признаки выработки новой оценки места и роли национального вопроса в иерархии политических задач наметились на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва (1981 г.)» [50, с.22]. Происходило восстановление существовавших прежде и учреждение новых органов власти разных уровней, в ведении которых были дела национальных меньшинств. Первым в 1978 г. был восстановлен Госкомитет КНР по делам национальностей [245], учрежденный в октябре 1949 г., а затем упразднённый в июне 1970 г. в ходе «культурной революции»¹³⁵. В 1980 г. был учрежден Комитет по делам национальностей провинции Юньнань, а затем и его ведомство в Лицзяне.

После того, как были созданы основные органы власти, в ведении которых находились дела национальностей, наступило время принятия новых законодательных актов, определявших положение национальных меньшинств в КНР, в том числе, конечно, и наси. Хотя активизация процесса законотворчества в отношении народа наси, его материального и духовного культурного наследия особенно ярко проявилась в 1990-е и 2000-е гг., однако начало ему было положено именно в первое десятилетие политики реформ и открытости, когда появились новые законы и законодательные акты, о которых речь пойдёт ниже.

В начале 1980-х гг. лидеры страны разных уровней выступали с заявлениями, подчёркивающими важность строительства системы националь-

---

¹³⁵ Госкомитет КНР по делам национальностей реализует политику партии в отношении национальных меньшинств, осуществляет контроль в сфере строительства института национальной районной автономии, а также ведает вопросами отношений между национальными меньшинствами, их экономическим и культурным развитием, осуществлением образовательной и языковой политики, сохранением национальных традиций и обычаев малочисленных народов и т. д.

ных автономий и соблюдении их прав. В 1980 г. Дэн Сяопин¹³⁶ дал указание, в котором говорилось, чтобы «во всех местах компактного проживания национальных меньшинств проводилась подлинная районная национальная автономия» [124, с.339]. В том же 1980 г. заместитель председателя комитета ВСНП Нгапо Нгаванг Джигме (1910-2009)¹³⁷ в статье «Усиление законотворчества, гарантирующего равные права всех автономий национальных меньшинств» подчеркивал, что «усиление законотворчества, гарантирующего равные права всех автономий национальных меньшинств — это важнейший аспект укрепления социалистической демократии и социалистической законности» в Китае, а также «политическая основа упрочнения единства национальностей и единства всей страны» [161, с.13-17]. Таким образом, важность политики построения национальной автономии подчеркивалась китайским руководством, а её реализация была одной из первоочередных задач на новом историческом этапе развития Китая.

В первые десятилетия КНР правовой статус автономных образований регулировался Конституцией КНР 1954 г. и Законом КНР о районной национальной автономии 1964 г. В Конституцию 1975 г. не вошли статьи, отражавшие принципы государственной национальной политики, содержащиеся в предыдущей конституции [3], которые были восстановлены в Конституции 1978 г.[4] Общие положения по национальному вопросу ныне действующей Конституции КНР 1982 г.[5], гарантирующие законные права и интересы всех национальных меньшинств, отражены в статье 4, а в разделе 6 главы 3 (статьи 112-122) определяются цели и характер деятельности органов самоуправления в районах национальной автономии [42, с.51-53].
Статья 4 главы 1 Конституции 1982 г. гласит: «Все национальности в Ки-

¹³⁶ Следует вспомнить, что ранее Дэн Сяопин уже имел опыт в построении системы районной национальной автономии, когда был секретарём бюро ЦК КПК по Юго-Западному Китаю. См. Главу 3.

¹³⁷ Нгапо Нгаванг Джигме — кит. Апэй Аван Цзинмэй (阿沛·阿旺晋美). В 1951-1954 гг. являлся членом Комитета по делам национальностей при Госсовете КНР и членом НПКСК. Первый глава Тибетского автономного района (образован в 1965 г.). Нгапо Нгаванг Джигме представлял Тибет в Постоянном комитете ВСНП в 1954-1988 гг., в 1979-1993 гг. возглавлял Комитет ВСНП по делам национальностей.

тайской Народной Республике равноправны. Государство гарантирует законные права и интересы всех национальных меньшинств, охраняет и развивает отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи. Запрещается дискриминация и гнет в отношении любой национальности, подрыв сплоченности между национальностями и их раскол. Государство, учитывая особенности и нужды национальных меньшинств, помогает районам национальных меньшинств в ускорении темпов экономического и культурного развития. В районах компактного проживания национальных меньшинств осуществляется национальная автономия, создаются органы самоуправления, осуществляются автономные права. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики. Каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев» [42, с.24]. Как мы видим, данная статья представляет собой расширенную версию статьи 3 главы 1 Конституции КНР 1954 г. В частности, добавлены положения о том, что именно государство выступает гарантом равноправных отношений между национальностями, а также оказывает поддержку в экономическом и культурном развитии районов проживания национальных меньшинств. Кроме того, расширено положение об автономии в результате добавления указания о создании органов самоуправления и осуществлении автономных прав. Также следует обратить внимание на то, что в Конституции КНР 1982 г., когда речь идёт о правах и свободах национальностей, следом всегда следуют положения о сплоченности и единстве. В данном случае мы видим отражение идей «сплоченности национальностей как важной составной части концепции *чжунхуа миньцзу*, которая стала складываться в 1980-е годы [50, с.24]. Таким образом, мы видим, что Конституция 1982 г. отражает следующий, более продвинутый и тщательнее спланированный этап в национальной политике КНР.

Конституция КНР 1982 г. содержит несколько иное определение Китайской Народной республики, по сравнению с определением в Конституции 1954 г.: «Китайская Народная Республика является единым многонациональным государством, совместно построенном народом всех национальностей страны». В то время как в Конституции КНР 1954 г. Китайская Народная Республика определялась как «единое многонациональное государство». А.А.Москалёв отмечает существенную важность данного дополнения, поскольку оно «выбивает почву из-под утверждений, что-де Китай — это государство ханьцев» [50, с.25].

В сравнении с Конституцией КНР 1954 г. новый основной закон государства содержал некоторые нововведения касательно системы районной национальной автономии (раздел 6, статьи 112-122). Во-первых, Конституцией 1982 г. был введен порядок обязательного замещения постов председателя или заместителя председателя ПК СНП районов национальной автономии, а также постов председателя автономного района, начальников автономных округов и автономных уездах представителями национальных меньшинств данной автономной единицы. Во-вторых, в новой Конституции появилось положение о реализации органами самоуправления законодательства и политики государства с учетом реальной обстановки в данной автономной единице. Остальные права, отмеченные в Конституции 1982 г., оставались теми же, что были прописаны в Конституции 1954 г.

Следующим шагом в дальнейшей разработке 6 раздела Конституции КНР 1982 г. стал «Закон о национальной районной автономии» принятый 2-ой сессией Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 31 мая 1984 г. «Закон о национальной районной автономии» 1984 г. состоял из 7 статей и 67 пунктов. В данном законе освещаются принципы построения и права районов национальной автономии, их органы самоуправления и органы судебного производства. В этом законе подчёркивается, что

«органы самоуправления районов национальной автономии обязаны защищать единство страны» (п.5). Закон об автономии декларирует защиту интересов национальных меньшинств КНР, сохранение и развитие их духовной и материальной культуры, а также повышение уровня жизни в целом. Кроме того, в рамках данного закона регулируются отношения между национальным меньшинством, представляющим данную автономную единицу и другими народами, которые там проживают. Например, п. 50 гласит, что «органы самоуправления в национальных автономных районах оказывают содействие проживающим на данной территории остальным национальным меньшинствам, учреждают соответствующие места самоуправления или национальные волости. Местные органы самоуправления национального автономного района содействуют каждому народу, проживающему на данной территории, в сфере развития экономики, образования, науки, культуры, санитарии и физического воспитания» [20]. Кроме того, в Законе об автономии подчёркивается, что органы самоуправления районами национальной автономии должны прикладывать все усилия для проведения жизни социалистической модернизации (п.6)¹³⁸. Как справедливо отмечает А.А.Москалёв, Закон об автономии играет важнейшую роль в укреплении территориальной целостности страны, более того «впервые в истории Китая неханьским национальностям страны был предложен комплекс гарантий их пожизненных прав и интересов»[50, с.26]. Китайские исследователи также подчёркивают особую важность данного закона для сохранения единства и развития своей страны. Крупный исследователь законодательного творчества в сфере строительства системы районов национальной автономии Ма Шаохун также отмечает, что Закон об автономии является одним из основных законов страны и его реализация является залогом дальнейше-

---

¹³⁸ Аналогичные указания на важность осуществления строительства районов национальной автономии в рамках осуществления социалистической модернизации содержатся в вышеупомянутой статье Нгапо Нгаванг Джигме.

го успешного развития страны [150, с.7]. Однако, с другой стороны, как отмечает Т.В.Лазарева, из-за наличия жесткого контроля со стороны центра над районами проживания нацменьшинств, органы самоуправления фактически лишь исполняли приказы и распоряжения, поступающие сверху. Таким образом, в реальности малочисленные народы не стали в полной мере «хозяевами в собственном доме» [47, с.93].

После вступления в силу вышеупомянутого закона его основные положения начали конкретизироваться и дополняться в соответствующих актах, разработанных применительно к отдельным районам национальной автономии. В апреле 1986 г. в Лицзян-Насиском автономном уезде на 3-й сессии СНП 8-го созыва был утверждён проект «Положения об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда», в том же году в этот документ были внесены поправки. Окончательно положение вступило в силу в 1990 г. В разработке данного положения были учтены особенности политики, экономики и культуры данного района, о чём говорится в п.1, ст.1 документа. Что касается числа представителей народа наси среди общего количества членов собрания народных представителей автономного уезда, то их должно быть более половины, а председатель или заместитель председателя автономного уезда также должны быть из числа наси (п.16, ст.2). Во время работы департамент автономного уезда может использовать как китайский язык, так и язык наси или других нацменьшинств, однако все официальные документы должны издаваться на китайском языке (п.19, ст.2). Данное положение также уделяет много внимания сохранению и развитию духовной и материальной культуры народа наси. В 6 статье данного положения содержатся 60 пунктов об охране, исследовании и оказании помощи в продвижении развития и популяризации культуры наси. Например, п. 56 гласит, что «департамент автономии должен уделять пристальное внимание изучению и переводам ценного наследия культуры дунба, принадлежащему древней

культуре наси». В п.59 говорится о необходимости бережного отношения к традиционной медицине наси, а также важности развития исследований в этой области. В п.63, ст.7 прописаны проведение ежегодного традиционного праздника наси «Саньдо» и необходимость уважения народных традиций. Также в этом положении говорится о поддержке развития образования с учетом национальных особенностей малых народов, о чём пойдет речь ниже в данной главе [13]. Стоит подчеркнуть, что в этом же законе ряд статей указывают на неразрывность района национальной автономии с единым государством. Так, в ст.5 прописано, что «органы самоуправления района национальной автономии должны защищать единство государства», а также «ставить на первое место интересы всей страны».

Китайская наука рассматривает введение в законодательство данного положения не только в качестве большого шага в сторону уравнивания прав народа наси с ханьским населением, но и в качестве важнейшего фактора, укрепляющего самосознание наси в условиях современного времени. Китайский ученый Хуан Ша отмечает, что Закон об автономии оказал существенное влияние на социальные отношения внутри автономного района, где проживают наси, в результате чего этот народ не только получил гарантированные права на сохранение и развитие своих самобытных традиций и культуры, но, и это самое главное с точки зрения китайского исследователя, стал неотъемлемой частью «единого государства» [179, с.84-112]. Другой китайский исследователь Лэй Минь подчёркивает, что осуществление на практике института национальной автономии играет существенную роль в развитии межнациональных отношений по всей провинции Юньнань. Касательно «Положения об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда» Лэй Минь также подчёркивает, что приведение в жизнь данного законодательного акта есть гарантия улучшения отношений между национальными меньшинствами и хань, а также между другими малочисленными народами

ми, и только исполнение данного закона способно привести к развитию этого автономного национального района [142, с.12-15]. Таким образом можно сказать, что «Положение об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда» с одной стороны, даёт народу наси гарантии в защите своих прав, традиций и культуры, а с другой стороны, является механизмом, вплетающим жизнь этого народа в единую материю государства. Этот закон является второй ступенью в реализации национальной политики КНР после Закона об автономии и, действительно, справляется со своей задачей (в совокупности с положениями об автономии других национальных районов) создания «единого многонационального государства, совместно построенного народом всех национальностей страны».

С середины 1980-х гг. местное правительство начинает принимать меры по охране и развитию района Снежной горы Юйлун (Юйлун сюэ-шань), играющей центральную роль в культе природы, и с которой связаны многие мировоззренческие положения в религии дунба. Кроме того, гора Юйлун, покрытая древним ледником, – уникальный природный памятник, богатый разнообразными видами растений. В 1984 г. правительство провинции Юньнань объявило Снежную гору Юйлун природной охраняемой территорией провинциального уровня, а в 1988 г. Госсовет КНР присвоил ей статус важнейшей живописной местности государственного значения. Меры, предпринимаемые в 1980-е гг. для усиления защиты окружающей среды этого района, а также продвижение научных исследований Снежной горы Юйлун как природного, так и культурного памятника, являющегося частью жизни народа наси, в конечном итоге, привели к принятию в 1993 г. «Положения об управлении Снежной горой Юйлун Лицзян-Насиского автономного уезда». Согласно п.4, ст.1 учрежден комитет по управлению Снежной горой Юйлун Лицзян-Насиского автономного уезда, в обязанности которого входит контроль за охраной и бережным использованием ре-

сурсов данной территории, а также экономическое развитие на основе высокотехнологичного и экологического туризма в прилегающих к Снежной горе Юйлун национальных районах, в соответствии с государственным планированием [12]. В целом этот закон является примером реализации «Положения об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда», о котором говорилось выше. Первоочередное создание законодательного документа, направленного на защиту и развитие района Снежной горы Юйлун, о значении которой в культуре наси говорилось в первой главе, было несомненно верным шагом со стороны правительства данного автономного района. В будущем этот закон послужил основой для развития этнического и экологического туризма в данном регионе, а также сыграл немалую роль в его переходе от статуса «производящего древесину района» к «защищающему экологию».

В 1986 г. Госсоветом КНР Лицзян был объявлен знаменитым историко-культурным городом государственного значения. В 1992 г. было решено составить проект «Положения провинции Юньнань о сохранении и защите известного культурно-исторического города Лицзяна», который был принят окончательно в 1994 г. Данное положение касается охраны «Старого города Лицзяна», его исторических памятников архитектуры, а также народного искусства и древнего культурного наследия наси. В этом документе перечислены все памятники Старого города Лицзяна, начиная от храмов и дворца клана Му и заканчивая водными каналами, которые пересекают весь город. В каждой статье документа указывается, что все меры, направленные на охрану, сбережение, развитие и реконструкцию памятников, должны проводиться экологическими методами. Данный район признан ценным природным памятником. В этом документе, как и во всех предыдущих, указывается важность сохранения и развития культуры дунба [26].

Основные плоды, перечисленные выше законоположения, стали при-

носить, начиная с 1990-х гг. Реализация содержащихся в них задач во многом способствовала успешному восстановлению духовной и материальной культуры народа наси. «Положение об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда», давшее зелёный свет проведению более гибкой политики в отношении нацменьшинств, сыграло большую роль в построении современного самосознания наси, защите его традиционной культуры, одновременно выполняя функцию соединения наси с остальными нацменьшинствами и хань, способствуя воплощению доктрины *чжунхуа миньцзу*. «Положение об управлении Снежной горой Юйлун Лицзян-Насиского автономного уезда» и «Положение провинции Юньнань о сохранении и защите известного культурно-исторического города Лицзяна» в огромной степени способствовали не только сохранению традиционной культуры наси, но и развитию туризма как в Лицзяне, так и в провинции Юньнань в целом, что в дальнейшем положительно сказалось на экономическом развитии региона [23]. Таким образом, первый этап законотворчества в области национальной политики в Лицзяне был завершён к середине 1990-х гг., однако реализация положений этих законов продолжается и в наши дни. Следующий этап в этой сфере наступит в 2000-х годах и будет сопряжен с активным вовлечением Китая в международные и глобальные процессы, также оказавшие влияние на жизнь народа наси.

В рамках данной главы следует кратко упомянуть о том, что в связи с новыми тенденциями в национальной политике с конца 1980-х и начала 1990-х гг. в китайской науке происходит появление таких отдельных отраслей, как этноэкономика, этноправо, этнообразование и позже этноэкология. Возникновение этих отдельных специфических областей науки было связано с тем, что с 1980-х годов государство начало реализацию планов экономического развития, внедрения правовых норм и повышения уровня образования среди населения в национальных районах страны с учетом

местной специфики. Исследования в области этноэкологии появляются с 2000-х гг., когда Китай более активно начинает включаться в глобальную экономику, а также руководство страны пытается решать проблемы экологии.

С 1990-х гг. и по настоящее время (2018 г.) изменения в жизни народа нами являются результатом нового курса национальной политики, начатого в 1980-е гг. Начало 1990-х гг. — новый этап в жизни многих национальных меньшинств Китая, поскольку к этому времени в основном завершается процесс образования автономных единиц различных уровней. В 1998 г. районы национальной автономии занимали 63,90% территории Китая [118, с.26-27]. На 1990-е и 2000-е гг. приходится рост законодательства в сфере национальной автономии, появляется масса новых положений, конкретизирующих указания законов 1980-х гг., в частности Закона об автономии (1984). Однако, в настоящее время процесс создания системы районной национальной автономии ещё не завершился, происходит постоянное совершенствование и упорядочивание этой системы.

В 1990-е гг. уделяется большое внимание приведению в жизнь указаний Дэн Сяопина в области строительства системы районной национальной автономии. Как указывает А.А.Москалёв, наиболее важным и на рубеже XX-XXI веков остаётся указанием Дэн Сяопина о том, чтобы «во всех местах компактного проживания национальных меньшинств проводилась подлинная районная национальная автономия», что свидетельствует о том, что в указанный период система районной автономии находилась на стадии формирования. Одновременно, строительство районной автономии, как и национальная политика руководства страны 1990-2000-х гг. в целом, направлено на создание полиэтнического национализма или национализма всей китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) [50, с.103]. Задача эта очень сложная и процесс её решения продолжается по настоящее время.

В настоящее время курс на развитие системы национальной районной автономии продолжает играть важнейшую роль в национальной политике КПК. На XVIII съезде КПК 2012 г. Ху Цзиньтао выступил с докладом, в котором указал, что институт национальной районной автономии является одним из основных политических институтов социалистического строя с китайской спецификой [58]. В своём докладе Ху Цзиньтао также дал указания на необходимость оказания помощи в «наращивании динамики поддержки развития» национальных районов, в рамках выполнения задачи продвижения стратегического урегулирования экономической структуры. Следует подчеркнуть, что помимо гарантий прав, оказания помощи в экономическом и культурном развитии национальным меньшинствам, в своей речи Ху Цзиньтао уделяет большое внимание идее сплоченности и единства национальностей Китая, фактически, давая понять, что интеграция национальных меньшинств в политическую, социальную, экономическую и культурную сферы государства будет усилена¹³⁹. Таким образом, вероятно, в будущем времени Китай вступит на новую ступень развития доктрины *чжунхуа миньцзу*.

В 1990-2000-е гг. указания Закона об автономии получают конкретизацию и углубление в законотворчестве данного периода. Подобная ситуация имеет место и в жизни народа наси. Ниже будут описаны новые законодательные акты, имеющие отношение к жизни этого народа, появившиеся в это время.

В 1994 г. было принято «Положение провинции Юньнань о сохранении и защите известного культурно-исторического города Лицзяна», кото-

¹³⁹«Важно, целиком и правильно претворяя в жизнь национальную политику партии, продолжая сохранять и совершенствовать институт национальной районной автономии и крепко держась за главное - за то, чтобы все народы сплачивались на дружную борьбу и вместе шли по пути процветания и развития, развертывать вглубь воспитание в духе национальной сплоченности и прогресса, ускорять развитие нацрайонов, гарантировать законные права и интересы нацменьшинств, укреплять и развивать социалистические национальные отношения равноправия, сплоченности, взаимопомощи и гармонии и обеспечивать тем самым межнациональное согласие и взаимовыручку, гармоничное развитие всех национальностей» [53].

рое сыграло существенную роль в жизни Лицзяна и проживающих на его территории наси [23]. Следует также упомянуть, что годом ранее вышло «Положение о лесном хозяйстве Лицзян-Насиского автономного уезда провинции Юньнань». В жизни народа наси этот нормативный акт имеет значение, поскольку послужил законодательной базой для развития экотуризма, заложив основу для реализации государственных проектов по бережному использованию и охране окружающей среды в Лицзян-Насиском автономном уезде. «Положение о лесном хозяйстве» содержит указания о необходимости увеличения лесопосадок, соблюдения принципов экономии лесных растительных ресурсов, вовлечении населенных пунктов разных административных уровней к осуществлению плана по проведению повсеместного озеленения [25].

Несколько лет спустя выходят два законодательных акта, которые, так же как и «Положение о лесном хозяйстве» оказали влияние на улучшение экологической обстановки в Лицзян-Насиском автономном уезде, развитие туризма в этом районе и, в конечном итоге, на повышение материального благосостояния народа наси. В 1999 г. вступило в силу «Положение Лицзян-Насиского автономного уезда об охране облика города и чистоты окружающей среды» [26], а в 2003 г. начинает действовать «Положение об охране водно-болотных угодий и плато Лашихай» (его разработка началась в 1999 г.).

Следующий важный в жизни наси правовой акт был принят в 2001 г. и был специально посвящён охране культуры дунба. Документ носит название «Положение провинции Юньнань об охране культуры дунба Лицзян-Насиского автономного уезда» и является конкретизированным и углубленным продолжением статьи 56 «Положения об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда» 1986 года. В «Положении провинции Юньнань об охране культуры дунба Лицзян-Насиского автономного уез-

да» перечислены объекты культуры дунба: 1) письменность дунба, древние манускрипты дунба, музыка, изобразительное искусство, танцы, скульптура, одежда, памятники архитектуры и др.; 2) люди, передающие культуру дунба (в т.ч. «шаманы» дунба), а также знания и умения, связанные с этой культурой; 3) народные обычаи наси, связанные культуры дунба. В положении также указаны все музеи и академические организации, занимающиеся сохранением и научным исследованием культуры дунба, способы развития и защиты её духовной и материальной сфер [24].

С целью повышения эффективности мер по охране и развитию традиционной культуры наси, 1 апреля 2003 г. произошла территориально-административная реформа Лицзян-Насиского автономного уезда, который был преобразован в Юйлун-Насиский автономный уезд и район Старого города (Гучэн). В связи с данным событием вышел важный законодательный акт, повлиявший на судьбу наси в современное время, – «Положение об автономии Юйлун-Насиского автономного уезда провинции Юньнань» (принято в 2005 г.).

В этот период мы наблюдаем изменение численности населения в данном автономном уезде. В 2004 г. всё население Юйлун-Насиского автономного уезда составляло 210 506 человек¹⁴⁰, включающее в себя 10 народов наиболее многочисленных народов, из которых наси составили 118 928 человек, т.е. 57% от общего числа населения [232, с.14]. Однако совершенно другая ситуация складывается в городском округе Лицзян. Здесь, по данным переписи населения за 2010 год такие показатели: хань – 537 893 человека (43,21%); национальные меньшинства – 706 876 человек (56,79%), среди которых ицзу – 243 283 человека (19,54%); наси – 240 580 человек (19,33%); лису – 115 730 человек (9,3%). Общая численность народа наси в 2010 году составила 326 295 человек [8]. Прочие народы в

---

¹⁴⁰О численности населения наси подробнее см. в первой главе данного исследования.

докладе не упоминаются[8]. Обратим внимание, что если в 2010 г. городском округе Лицзян проживает 240 580 наси, то это означает, что в остальных регионах проживает менее 86 000 представителей этого народа, что гораздо меньше, по сравнению с показателями 2004 г. К сожалению, последних официальных данных по населению наси в Юйлун-Насиском автономном уезде за 2010 г. в открытых источниках нет, поэтому можно лишь предполагать, связано ли сильное снижение численности наси с территориально-административными преобразованиями в Лицзян-Насиском автономном уезде, или же с процессами миграции населения из деревни в город. К слову, если говорить об уровне урбанизации в Юйлун-Насиском автономном уезде, то по показателям за 2003 г., она довольно низкая – 92,9% населения проживают в сельской местности.

Все законодательные акты, описанные выше, были приняты ПК ВСНП провинции Юньнань. Положение об автономии Юйлун-Насиского автономного уезда провинции Юньнань» стало последним законодательным актом, касающимся жизни народа наси и Юйлун-Насиского автономного уезда, который был принят на провинциальном правительственном уровне до декабря 2018 г. включительно. В данной работе перечислены все без исключения нормативные акты, которые так или иначе связаны с курсом национальной политики КНР, проводимой в Лицзян-Насиском, а затем Юйлун-Насиском автономном уезде, оказавшие непосредственное влияние на положение и жизнь народа наси в этом регионе.

С 2005 г. и до настоящего времени (включая 2018 г.) мы наблюдаем законотворческие процессы только на уровне народного правительства города Лицзян. Среди них наиболее значимые, имеющие непосредственное влияние на жизнь наси и отражающие общий курс национальной политики:

- Постановление правительства города Лицзян №63 (2016) о поряд-

ке и регулировании погребений. Данный акт требует с уважением относиться к традициям национальных меньшинств, разрешая проводить захоронения в земле.

- Постановление №65 о развитии туристической индустрии в Лицзяне (2016), направленное на поддержание производства брендовых товаров народной культуры, а также развитие экотуризма в деревнях нацменьшинств. Данный документ обязует туристов уважать обычаи и привычки местных народов, их культурные традиции и верования (п.44).

4.2. Экономическое развитие населенных районов с 1980-х по 2018 г.

Благодаря углублению курса национальной политики, начатого в 1980-е гг., за последние три десятилетия народу наси, при поддержке правительства страны, удалось не только достичь позитивных результатов в сохранении и восстановлении своей национальной культуры, но и произошли качественные изменения в экономическом развитии районов и поселений, где проживают представители этого народа.

«План развития национальных районов на 12-ую пятилетку» (2011-2015) дал большой толчок экономическому развитию ряда районов компактного проживания национальных меньшинств, в том числе и наси. Подробного описание и анализ этого Плана приводит Т.В. Лазарева, которая отмечает, что среди различных задач, поставленных в этом документе, особенное значение играет воспитание национальных кадров, что является основой для изменения модели развития национальных районов в более позитивном русле. В связи с данной задачей ещё большую важность приобретает фактор развития среднего и высшего образования, в сектор которого правительство КНР делает большие инвестиции [46, с.224-235].

В настоящее время можно выделить несколько тенденций в современной жизни народа наси, которые связаны с экономическими факторами развития. Во-первых, продолжает существовать неравномерное экономическое развитие районов проживания наси и отдельных населённых пунктов. Уровни материального благосостояния представителей этого народа сильно различаются и продолжают усиливаться. Острая разница в экономическом развитии наблюдается между деревней и городом. Центром экономического и культурного развития наси в настоящее время продолжает быть городской округ Лицзян¹⁴¹, куда стекается всё большее количество наси. Согласно переписи 2010 г. около 75% всех наси Китая проживали на тот момент в этом районе. Одновременно, стоит отметить, что процент урбанизации наси хотя и постепенно увеличивается, но всё же продолжает оставаться довольно низким. По переписи 2010 г. сельское население составляет около 80% наси. Для сравнения: по переписи 1952 г. сельское население наси составляло 91,43%. Основным источником доходов наси, а также важнейшим сектором экономического развития городского округа Лицзян является этнический туризм. Данная отрасль продолжает активно развиваться в последние несколько лет и затрагивает всё более отдалённые районы проживания наси, в том числе и совсем небольшие сельские поселения, постепенно вовлекая жителей деревень в экономическую жизнь региона. По статистике средний доход в год на человека в таких деревнях в среднем вырос с 500 юаней в год до 2006 г. и до 5000 юаней в год в настоящее время (2012 г.)¹⁴².

Второй, заслуживающей внимание тенденцией, является популяризация исследований взаимоотношений человека с окружающей средой в традиционном мировоззрении наси в контексте экономического развития

¹⁴¹ Согласно переписи населения 2010 г. всё население Лицзяна составляет около 1,2 млн. человек. Среди них ханьцев 42,7 %, наси 20,51 %, и 18,68 % [7].

¹⁴² Деревня Хайцунь, Юйлун-Насиский автономный уезд. Данные из интервью исследователя Бу Вэньху (наси), полученные диссертантом в 2015 г.

районов, населенных этим народом. В этой сфере исследований можно выделить работы Чжоу Цзина, Хэ Кэчуня и Ян Фуцюаня. Общим положением этноэкологии наси в исследованиях данных китайских ученых является наличие экосознания у этого народа ещё с древних времен. По мнению исследователей, базой для национального экосознания наси служат верования и культура дунба [206, с.36-41]. Поскольку в основе культуры дунба лежат взаимоотношения человека и природы, то она может и должна стать стержнем развития нового общества в Юйлун-Насиском автономном уезде в современное время [236, с.38-40]. Исследователь Хэ Кэчунь, наси по происхождению, также предлагает и экотеорию языка своего народа. В своих работах Хэ Кэчунь указывает на необходимость сохранения языковой среды наси, которая находится в прямой зависимости от экосреды. Уничтожение экологической среды Лицзяна оказывает негативное влияние на сохранение и развитие языка наси, а значит и на самосознание этого народа, — говорит Хэ Кэчунь [181, с.27-30]. Реализация аспектов «этноэкологии» осуществляется путём создания правовой системы защиты окружающей среды, которая, в случае наси, неразрывно связана с традиционной материальной и духовной культурой этого народа. Положительную роль играет развитие сельского туризма, в основе которого также лежит идея о привлечении внимания к сохранению и развитию народных традиций и обычаев. Особенно заметно данная тенденция стала проявляться после XVIII съезда КПК в 2012 г., на котором была поднята проблема формирования экологической культуры. По итогам данного съезда в его документы было включено положение о продвижении «экоцивилизованного строительства» в соответствии с общим курсом на социализм с китайской спецификой¹⁴³. В настоящее время правительство Лиц-

¹⁴³В частности в Уставе КПК, принятого с частичными поправками 18-м Всекитайским съездом КПК, говорится: «Коммунистическая партия Китая ведёт за собой народ на создание экологической культуры социализма <...> Специально занимаясь созданием ресурсосберегающего общества, дружелюбного по отношению к окружающей среде, формирует ту пространственную конфигурацию, а также те

зяна активно способствует реализации данной установки в местах проживания наси.

В 2016 г. правительством городского округа Лицзян были подведены итоги 12-ой пятилетки. Полная версия официального документа «Отчёт по результатам 13-ой пятилетки городского округа Лицзян», в котором содержится вся информация об итогах социально-экономического развития за предшествующий период, отсутствует в свободном доступе. На основе сведений, предоставляемых правительством в китайских СМИ, можно сделать вывод о том, что в целом намеченные цели развития экономики и общества в 2011-2015 гг. были достигнуты. Так, внутренние инвестиции достигли 108 млрд. юаней, что на 176% больше, чем за предыдущую 11-ую пятилетку. Внешние инвестиции достигли 89,13 млн. долларов — с ростом на 95% соответственно. Совокупные инвестиции составили более 204 млрд. юаней [133]. В целях увеличения числа инвесторов в 2011-2015 гг. был сделан упор на привлечение известных иностранных брендов, в частности в сфере отельного бизнеса. Опираясь на доступную информацию о результатах 12-ой пятилетки в Лицзяне, можно с уверенностью сказать, что развитие туризма, действительно, является главным фактором экономического развития данного региона.

В настоящее время благодаря своему выгодному географическому положению и природным ресурсам Лицзян рассматривается как один из важнейших узлов развития юго-западных территорий страны в рамках реализации проекта «Один пояс, один путь», что является ещё одним важным фактором для привлечения инвестиций.

Примечателен тот факт, что, говоря о планировании развития исторического и культурного центра наси в Лицзяне, фактически не идёт речи производственные структуры, формы производства и образ жизни, которые позволяют экономить ресурсы и охранять окружающую среду, а тем самым создает для народа благоприятную производственно-бытовую среду и обеспечивает вечное развитие китайской нации». См. в: Полный текст Устава КПК, принятого с частичными поправками 18-м Всекитайским съездом КПК [18].

о привлечении средств в целях поддержания и сохранения аутентичной культуры этого и других малочисленных народов за исключением некоторых пунктов в «Плане развития культурной индустрии и культурного хозяйства Юйлун-Насиского автономного уезда на 12-ую пятилетку». В то время как идея об укреплении единства национальностей за счёт повышения всеобщего уровня благосостояния постоянно упоминается в документах, связанных с планированием в тех или иных отраслях по разным районам.

4.3. Изменения в области языковой и образовательной политики с началом периода реформ и открытости и по 2018 г.

Изменение отношения к национальному вопросу в 1980-е гг. не могло не отразиться на теоретических основах языковой политики в КНР. Национально-языковая политика, проводившаяся в 1960–1970-е гг., ухудшила отношения между национальными меньшинствами и хань, наси не были исключением. В период реформ языковая политика в Китае носит идеологический и политический характер, поскольку является одним из аспектов воплощения идей равноправия национальностей, а значит и их языков.

Особенности языковой политики государства в отношении национальных меньшинств характеризуют отношение власти к малым народам в целом, а также служат показателем уровня развития общества. Осуществляя политику реформ и открытости, государство сделало шаг навстречу национальным меньшинствам КНР, поддержав развитие и использование их родных языков.

Установка, господствовавшая в предыдущий исторический период и ориентированная на якобы начавшийся процесс стирания национальных

различий и практическую необходимость ускорения исчезновения языковых различий, в начале 1980-х годов постепенно меняет свой курс. В период реформ на первый план выходит новая стратегия языковой политики, направленная на поддержание и развитие языков национальных меньшинств. Как отмечают китайские языковеды Ма Сюэлян и Дай Цинся, необходимо совершенствовать и обогащать языки национальных меньшинств, для того, чтобы они «ещё лучше служили некитайским национальностям» [146, с.19].

Новая стратегия национально-языковой политики получила своё главное отражение в Конституции КНР 1982 г., где в статье 4 сказано: «Каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности»[42]. Как отмечает А.А.Москалев, для неханьских национальностей оба аспекта — указание на свободу использования и на свободу развития языков — очень важно. Свободное употребление национального языка означает его использование органами самоуправления, образовательными и информационными организациями, в то время как аспект развития даёт возможность для создания и усовершенствования письменности национальных меньшинств [49].

Своё дальнейшее развитие новая языковая политика получила в многократно упоминавшемся выше Законе об автономии 1984 г., в котором в ст. 10 говорится о том, что свободу употребления и развития всеми китайскими национальностями собственных языков и письменностей «обеспечивают органы самоуправления районов национальной автономии». Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в «Основных принципах осуществления районной национальной автономии в КНР» 1952 г., о котором было сказано в предыдущей главе, данная функция органов самоуправления в подобной формулировке отсутствует. В ст. 36 Закона об автономии также упоминается о том, что органы самоуправления районов националь-

ной автономии имеют право определять язык в образовательных учреждениях, а в соответствии со статьей 37 имеют право в этих учреждениях использовать учебные пособия на языках национальных меньшинств. Вместе с тем, в той же статье говорится об обязательном введении в китайских школах китайского языка. Таким образом, в Законе об автономии предпринята попытка воплощения сбалансированной языковой политики как защищающей языки национальных меньшинств, так и сохраняющей «объединяющий страну в единое целое» статус китайского языка.

В «Положении об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда» указания Закона об автономии 1984 г. касательно сохранения, развития и использования были конкретизированы. Всего данное положение содержит три статьи, которые касаются использованию языка на территории данного автономного уезда. Статья 11: «Органы самоуправления автономного уезда гарантируют каждой национальности данного автономного уезда свободу использования и развития своего языка и письменности». Статья 19: «Органы самоуправления автономного уезда во время исполнения своих служебных обязанностей могут использовать китайский язык, язык народа наси или язык других национальных меньшинств, для производства официальных документов использовать китайский язык». Статья 26: «Народный суд автономного уезда и народная прокуратура используют китайский язык для проведения судебных разбирательств и производства судебных дел, гарантируют гражданину каждой национальности право использовать свой родной язык и письменность в осуществлении права предъявления иска. Для стороны по судебному делу, не владеющей китайским языком и письменностью, должен быть предоставлен переводчик. Изготовление правовых документов осуществляется на китайском языке». Как мы видим, эти статьи в целом повторяют и конкретизируют указания об использовании языка в Законе об автономии. Все вышеперечисленные законодательные акты оказали

серьезное влияние на жизнь народа наси в последующие десятилетия. На основе этих законов в 1980-х гг. своё развитие получали средства массовой информации (пресса, радио и телевидение), а также образовательные организации, использующие язык наси.

Как говорилось в 3 главе настоящей диссертации, работа над исследованием языка наси началась в 1956 г., но затем была прервана событиями «большого скачка» и «культурной революции». В 1980-х гг. продолжились исследования в области использования письменности дунба и языка наси, а также возможности создания новой письменности. Работа над «Проектом письменности наси» вновь получила новое развитие только в 1981 г., когда комитет по делам национальных меньшинств провинции Юньнань совместно с комитетом по вопросам национальностей в районе Лицзян внесли в него поправки и окончательно утвердили. Как ни удивительно, но в общей тенденции сохранения и развития языков нацменьшинств всё же находились некоторые китайские исследователи, которые продолжали придерживаться старых теоретических основ. Например, в 1985 г. китайский социолог Фэй Сяотун высказал мысль о том, что для малочисленных, не имеющих своей письменности национальных меньшинств, возможно, нет необходимости создавать новую письменность, в то время как они могут использовать китайские иероглифы или письмо «братских народов», что принесёт им гораздо большую пользу [177, с.136]. Однако подобные взгляды на проблему не получили дальнейшего развития в научной и политической сферах Китая.

Так или иначе, с этого времени новая письменность наси начинает активно использоваться в повседневной жизни. С 1982 г. с помощью нового алфавита на языке наси издаётся газета «Лицзян жибао»¹⁴⁴, выпуск которой

---

¹⁴⁴Сайт «Лицзян жибао»: <http://www.ljrbw.com>

продолжался до 2003 г.¹⁴⁵. Сейчас существует электронная версия этой газеты, но уже на китайском языке. История этой газеты показывает, в каком трудном положении оказалась новая письменность: читателей произведений, опубликованных на языке наси, оказалось не так уж и много. В конечном счёте, содержание этой газеты свелось к общим статьям по рабочим вопросам и местным новостям.

С 1979 г. в Лицзяне получает распространение местное радиовещание. В начале 1980-х годов в этом районе потребность населения в радио была покрыта на 70%. Кроме политических и культурных программ, прогнозов о погоде, это местное радио также выпускало в эфир народные песни наси, которые исполнялись представителями этого народа на родном языке. С 1996 г. радиовещание Лицзяна запустило несколько новостных передач, которые выходили в эфир как на китайском языке, так и на языке наси. Аналогичная ситуация в эти годы наблюдалась в области телевидения. С 1988 г. Лицзян запускает в эфир местные телевизионные передачи, многие из которых дублировались на языке наси. Кроме того, с 1980-х гг. кинематограф начинает создавать фильмы на языке наси («Радость на пороге» (1981), «Наш уволенный в запас» (1985) и др.) [225, с.237-241].

В то же время языки национальных меньшинств вновь привлекают интерес в научных кругах, а исследования, начатые ещё в 1950-е гг., получают своё продолжение. В этот период проводятся исследования пиктограмм дунба, диалектов языка наси, а также пишутся работы в защиту использования родного языка национальными меньшинствами¹⁴⁶. В 1988 г. в

¹⁴⁵ С 1985 г. эта газета выпускалась не только на языке наси, но и на языке народа лису. Язык лису принадлежит к тибето-бирманской группе, так же как и язык наси. Численность лису согласно последней переписи населения (2010 г.) составляет более 800 тыс. человек, из них в Юньнани проживают более 628 тысяч, в Лицзяне – 126 734 человека. Общее количество лису в Юньнани приблизительно в 2 раза больше, чем наси. В Лицзяне же наоборот, наси в два раза больше, чем лису. Основная часть лису проживает в Нуцзян-Лисуском автономном округе на северо-западе Юньнани [7].

¹⁴⁶ Например, статья Хэ Цзижэнь (наси) и Чжоу Яовэнь «Обзор прошлых работ по языкам национальных меньшинств провинции Юньнань» (1980); Фэй Сяотун «О различных проблемах национальных меньшинств в стране» (1980).

Лицзяне в отделении исследований культуры дунба в Академии общественных наук провинции Юньнань состоялась «Научная конференция по языку и письменности народа наси», в которой приняли участие более 40 исследователей из разных городов КНР. На конференции обсуждались вопросы происхождения, особенностей языка и письменности наси, а также их взаимосвязь с языками и письменностью соседних народов [131, с.29].

Реализация языковой политики не может существовать отдельно от политики образовательной. Здесь мы можем выделить два типа проблем: во-первых, уровень грамотности населения в целом; во-вторых, использование родного языка национальных меньшинств в образовании. Первый тип проблем очень широкий и затрагивает не только ликвидацию неграмотности среди всех слоёв населения, но и повышение уровня культуры и жизни в целом, а также консолидацию многонационального общества, его сплочение в соответствии с доктриной китайской нации *чжунхуа миньцзу*. Второй тип проблем затрагивает вопрос сохранения этнической самобытности, самосознания и развития национального меньшинства в аспекте постоянного контакта с окружающей средой, которая зачастую является транслятором материальной и духовной культуры доминирующего большинства (титульной нации). Разумная языковая образовательная политика, направленная на поддержание использования и развития языков национальных меньшинств, способствует сохранению хрупкого баланса между государством, которое, как правило, представляет титульную нацию, и малыми народами, позволяет избежать напряженных отношений и конфликтных ситуаций между ними. Поэтому данный вопрос очень важен для любого многонационального государства, и КНР не является исключением¹⁴⁷.

¹⁴⁷ До 1949 г. население наси в своей массе было безграмотным: письменностью дунба владели только служители религии дунба, а пиктограммы не были предназначены для широкого пользования — ими велись только записи сакральных текстов дунба; китайским языком и письменностью владели, главным образом, представители верхушки общества наси, которые также являлись распространителями конфуцианской культуры в своей среде. В первые десятилетия после установления КНР образовательный процесс среди наси, особенно тех, которые проживали в труднодоступных горных районах, шёл очень

В 1980 г. основным языком для коммуникации между представителями этого народа был их родной язык. Наси, проживающие в районах с преобладанием других народов, говорили также и на других языках — тибетском, и, лису, бай. Китайским языком владели в основном люди молодого возраста, а также служащие в органах власти. Наси, проживающие в городе Лицзян, практически все владели китайским языком, многие умели писать. Более того китайский язык преподавался в средних школах, и, таким образом, молодое поколение впитывает его через учебную среду [190, с.59-73].

С начала 1980-х гг. правительство ведёт активную борьбу с неграмотностью, одновременно предпринимая шаги по популяризации письменности языков нацменьшинств. В период с 1984 по 1989 гг. в Лицзян-Насиском автономном уезде было мобилизовано 1221 преподавателей для ликвидации неграмотности среди нацменьшинств, говорящих на языке наси, мяо-яо и ицзу [232, с.207]. В 1981 г. начала действовать первая Национальная начальная школа в уезде Лицзян. В 1982 г. появляется Национальная неполная средняя школа, а в 1987 г. это учебное заведение было повышено до уровня средней школы. В 1988 г. эта школа по решению Госсовета КНР была удостоена звания «Передовой группы единства национальностей и прогресса» [232, с.220]. В начале 1990-х гг. наси составляли около 60% студентов данной школы, 20 из 23 преподавателей тоже были наси. С 1985 по 1991 гг. мальчики составляли 74,5% всех студентов, что являлось следствием политики «одна семья – один ребёнок», подорвавшей традиционную ценность многодетной семьи [72, с. 64-65].

В общеобразовательных школах стали появляться кружки культуры наси, которые охотно посещала молодёжь из самых отдалённых деревень

медленно, а в период «культурной революции» о повышении уровня грамотности среди национальных меньшинств Юньнани можно было забыть. В 1980-е гг., после объявления политики реформ и открытости образовательная политика начинает постепенно меняться.

Юньнани, относившаяся с уважением к традиционной культуре дунба. И хотя в местных школах не преподавалась история и культура народа, прибывавшие в города молодые люди из далёких поселений вызывали большое любопытство у местных жителей, что, в свою очередь, способствовало распространению интереса к почти забытой культуре дунба и в их среде. Эта молодёжь сыграла роль «хранителей» уникальных традиций своего народа, что в значительной мере помогло восстановлению культуры дунба [72, с.64-65].

В 1980-е гг. увеличивается финансирование школьного образования малых народов в провинции Юньнань. Так, в 1980 г. правительством было выделено 5,5 млн. юаней на развитие начальных и средних школ. За один год было построено 40 средних школ с общежитиями, а далее темпы строительства школ постоянно росли: в 1984 г. была построено всего 1027 младших и средних школ, в 1985 г. — 1034, а к 1987 г. в совокупности было построено 4148 школ всех ступеней. В 1986 финансирование образования для детей национальных меньшинств Юньнани существенно увеличилось — в тот год было выделено 21 млн. юаней [159, с.27]. В 1980 г. вновь появляются стипендии: 18 юаней в год на каждого ученика старшей школы и 7,2 юаня в год на каждого ученика средней школы. Для представителей национальных меньшинств, которые являлись учениками средних школ, проживавших в приграничных территориях провинции Юньнань, выделялись «вспомогательные средства на нужды» в размере 100 юаней на человека в год [129, с.141-144].

За первое десятилетие политики реформ и открытости для детей наси было открыто 619 младших школ, что стало довольно высоким показателем, учитывая, что в провинции Юньнань проживает 25 народов. В 1985 г. ученики наси младших и средних школ составляли 17,14% среди прочих народов в провинции Юньнань [232, с.219].

В эти годы выпускаются учебные пособия на латинизированном языке наси, в некоторых школах начинают преподавать на двух языках, однако эта практика станет более распространенной в 1990-е гг.

Одним из важных показателей уровня развития общества является процент людей с высшим образованием. В 2008 г. Институт исследований провинции Юньнань в Куньмине проводил сбор и анализ данных о высшем образовании среди национальных меньшинств провинции Юньнань с 1952 по 2006 г. Спустя два года результаты этой работы были опубликованы в журнале «Frontiers of Education in China». Согласно результатам этих исследований, в начале 1950-х гг. представители национальных меньшинств составляли лишь 0,29% от всех учащихся ВУЗов провинции, и эта цифра существенно не менялась вплоть до 1980-х годов. С 1983 гг. начинается постепенный рост количества лиц, имеющих высшее образование, что приходится как раз на те годы, когда правительство стало принимать конкретные шаги, способствовавшие улучшению положения национальных меньшинств. В 1980-е гг. тенденция увеличения числа выпускников ВУЗов среди наси в целом соответствовала общим показателям по провинции Юньнань, в 1985 гг. среди всех народов, проживавших в Юньнани, включая хань, имеющих высшее образование, наси составляли 0,6%¹⁴⁸. В 2010 г. наси входили в десятку наименьшинств Юньнани, представители которых окончили ВУЗы, в основном это молодые люди, проживающие в Лицзяне. Наименьшее число наси, как и других малых народов Юньнани, имеющих высшее образование, — это выходцы из деревень, проблема доступа к об-

---

¹⁴⁸ Значительные изменения стали происходить после 1997 г., когда Лицзян был объявлен памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО после сильнейшего землетрясения 1996 г., нанесшего огромный ущерб старому городу. Это событие заставило правительство обратить внимание на проблемы культуры дунба и народ наси в целом. С конца 1990-х гг. строится много новых школ, в том числе и в деревнях, где преподавание велось как на китайском, так и на языке наси. Однако, не смотря на все меры популяризации культуры и традиций наси в учебных заведениях всех возрастных категорий, всё меньшее число молодежи наси владеют родным языком — умение говорить на путунхуа очень престижно, по мнению представителей народа наси, а также открывает несравненно большее число перспектив в будущем.

разованию в отдалённых районах по-прежнему остаётся актуальной [71, с. 290-300].

Несмотря на все трудности, образовательная политика государства в отношении национальных меньшинств в 1980-е г. дала свои плоды: в 1990 г. 66,03% насси уже обладали тем или иным уровнем образования. Например, среди населения получившие образование насси в том же году составляли 1,21%, среди учеников школ старшей ступени — 6,32%, средней — 19,34%, младшей — 39,6% [232, с.230]. Что касается использования родного языка, то к концу 1980-х гг. 68% насси, проживавших в Лицзяне, в возрасте от 15 до 64 лет продолжали использовать его для общения дома и с представителями своего народа, однако дети насси в возрасте до 14 лет в качестве основного языка стали использовать путунхуа или «лицзянский диалект китайского», и только 7,5% насси старше 65 лет владели исключительно родным языком [112, с.42-43].

С 2000-х гг. можно выделить некоторые новые тенденции в сфере развития традиционной материальной и духовной культуры народа насси. Сюда мы можем отнести не только задачи по сохранению фольклорных, религиозных и прочих памятников культуры дунба, но и вопросы языка и образования. В первую очередь местное правительство и общественные организации продолжают активно способствовать популяризации изучения родного языка среди насси не только в общеобразовательных учреждениях, но и в ВУЗах.

С 1999 г. Лицзян-Насиский автономный уезд начал принимать участие в экспериментальной программе по популяризации в школах культур нацменьшинств провинции Юньнань. В этот проект вовлечены в основном школы начальной ступени. Учителя и студенты занимаются сбором народных сказаний, изучением манускриптов дунба, разучивают национальную музыку и танцы насси. Таким образом, проект ставит перед со-

бою цель передачи и сохранения культурного наследия, стараясь вызвать интерес к традициям своего народа у подрастающего поколения [197].

В 2002 г. в Юньнаньском Университете Национальностей состоялся первый набор студентов на спецкурс языка наси, который ежегодно финансируется правительством городского округа Лицзяна. Однако, несмотря на все усилия, количество молодых наси, владеющих родным языком, продолжает сокращаться [103].

О проблемах исчезновения диалектов китайского языка и языков национальных меньшинств пишет отечественный исследователь О.И. Завьялова в своей статье «Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР», отмечая встревоженность китайской общественности реальным постоянно ухудшающимся положением языков малочисленных народов. В программе развития языка и письменности в 2012 — 2020 гг. придается большое значение языковому единству страны, в результате чего официальный язык стремительно вытесняет из использования диалекты и языки нацменьшинств [37, с.207-215]. Ярким примером, отражающим языковую ситуацию, описанную О.И.Завьяловой, служит народ наси.

4.4. Положение традиционной культуры дунба с началом политики реформ и открытости и по 2018 г.

Вместе с новой образовательной и языковой политикой, правительство КНР в 1980-е гг. также пересмотрело прежнее отношение к религии и традициям национальных меньшинств. С конца 1970-х и до начала 1990-х годов политика КПК в отношении религии становится относительно умеренной. Новые тенденции в религиозной политике нашли своё отражение в законодательных актах. Статья 36, главы 2 Конституции КНР говорит о том,

что «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания», а также «государство охраняет нормальное отправление религиозной деятельности» [42]. В Уголовном кодексе КНР 1979 г. также сказано о том, что «государственные служащие за незаконное лишение граждан свободны религиозных верований <...> при отягчающих обстоятельствах подвергаются наказанию в виде лишения свободы на срок до двух лет» [42]. В 1980-е гг. начинается реабилитация духовенства, репрессированного в предыдущие периоды, возобновляется деятельность религиозных организаций, восстанавливаются старые и открываются новые храмы, монастыри. В свете проведения новой религиозной политики руководством страны, в религиозной сфере жизни народа нами стали происходить позитивные изменения, о которых будет сказано ниже.

В апреле 1979 г. ЦК КПК принял решение о восстановлении деятельности Управления по делам религий при Госсовете КНР (в 1998 г. было переименовано в Государственное управление по делам религий). Вслед за этим началось образование его органов на местах. В июне 1980 г. было учреждено Бюро по управлению религиозными делами района Лицзян провинции Юньнань. В его ведении находятся не только религиозные и национальные дела, но и охрана, развитие культуры местных нацменьшинств, а также вопросы образования [249]. Деятельность этой организации сыграла немалую роль в восстановлении традиций нами, связанных с их народными верованиями.

В контексте смены курса национальной и религиозной политики в период реформ в жизни нами стали происходить позитивные перемены. Прежде всего, после двух десятилетий гонений служители культа дунба получили право на осуществление религиозных действий. Духовная и материальная культура нами вновь обратила на себя внимание китайского научного сообщества. Исследования истории, культуры и религии народа нами полу-

чили поддержку государства. В это время начинается работа по восстановлению, сохранению и изучению текстов дунба. С началом политики реформ и открытости стали организовываться группы, занимавшиеся переводом манускриптов дунба с насиского на китайский язык, а июне 1980 г. был учреждён Комитет по упорядочиванию перевода трактатов «Дунба цзин» в Лицзяне [232, с.168]. В 1981 г. с целью изучения исконных верований наси и сохранения их культуры было учреждено отделение исследований культуры дунба в Академии общественных наук провинции Юньнань, которая, в свою очередь, была образована по указанию провинциального партийного комитета КПК провинции Юньнань ещё в 1980 г. и была подведомственна отделу пропаганды и агитации этого комитета [190, с.59-73].

В 1983 г. в уезде Лицзян состоялась «Конференция дунба и даба¹⁴⁹», на которой присутствовали 61 человек как из самого Лицзяна, так и из уездов Нинлан, Чжундянь (с 2001 г. — уезд Шангри-ла) и Юншэн, а также более 30 человек из Пекина и Куньмина. Эта конференция дала толчок к популяризации научных исследований в области религии дунба [221, с.118].

В том же 1983 г. впервые после объявления политики реформ и открытости Лицзян начинают посещать иностранные исследователи. Первым из них стал Клаус Людвиг Янерт из Кёльнского университета, который занимался изучением культуры языка народа наси [234]. В Кёльнском университете он познакомился с крупным в настоящее время китайским исследователем наси Ян Фуцюанем, с которым они вели совместные исследования литературных памятников наси в течение четырёх лет¹⁵⁰.

Одним из важнейших событий в сфере восстановления и защиты

¹⁴⁹ Даба – тождественное дунба название культуры и религии народа мосо, официально включаемой правительством КНР в состав наси.

¹⁵⁰ Первая работа Ян Фуцюаня «Грамматический анализ и перевод современных рукописей народа наси» вышла в свет в Бонне в 1988 г. под редакцией К.Л.Янерта. В настоящее время Ян Фуцюань является автором более 30 трудов посвященных главным образом исследованию религии дунба и литературы наси, одной из наиболее известных его работ является «Исследование исторической связи народа наси и тибетцев» (Куньмин, 2006).

культуры и религии дунба стало открытие в 1984 г. «Музея культуры дунба» в Лицзяне¹⁵¹. Уже за первые 6 лет работы этого музея там было собрано более 6000 памятников культуры народа наси. В музее представлены многочисленные предметы религиозного культа дунба, демонстрирующие значение и историю обрядов. Сотрудники музея занимаются не только исследованиями религии и культуры дунба, но также принимают активное участие в поддержке и организации значимых религиозных мероприятий наси, таких как церемонии поклонения Небу, поклонения Ветру и богу Шу, олицетворяющему силы природы.

В 1989 г. в отделении исследований культуры дунба в Академии общественных наук провинции Юньнань состоялась «Научная конференция по вопросам традиционной религии народа наси и общественной мысли», в которой приняли участие более 40 человек [160,с.94]. На этой конференции обсуждались такие вопросы как происхождение религии дунба и её особенности, проблемы мифической биографии предка религии дунба — Динба-Шило, истоки и значение народных обычаев наси, также освещение получили вопросы философии и мировоззренческие установки культуры дунба¹⁵². Многочисленные проблемы культуры и религии дунба получили ши-

¹⁵¹ Диссертант посещала данный музей в 2011, 2015 и 2018 годах.

¹⁵² В ходе конференции учёные пришли к единому мнению о том, что религия дунба не является в строгом смысле «первобытной (отсталой)» или «искусственной (цивилизированной)», а скорее представляет собой некую «особую форму народной религии», являющейся переходной между этими двумя типами. Вопрос об истоках религии дунба обсуждался с точки зрения происхождения самих наси, но здесь мнения участников конференции разделились: некоторые ученые, как и раньше, продолжали считать древних цян предками наси, другие же склонялись к той точки зрения, что истоки религии дунба, так же как и самих наси, надо искать в истории народа мао (髡), населявшего юго-западные территории Китая (долины рек Даду, Цзиньша, Улян и Ялунцзян). Об основателе религии дунба Динба-Шило учёные, принимавшие участие в этой конференции, конкретных комментариев не дали. После исследований тибетского языка и взаимосвязей наси с тибетцами, ученые выдвинули предположение о том, что Динба-Шило является персонажем, пришедшем в религию дунба из религии бон в VII-VIII вв., однако его окончательное закрепление в пантеоне дунба произошло только в XIII-XIV вв. В целом, проблема происхождения религии дунба остаётся открытой и по настоящее время. В качестве основных обрядов дунба, повлиявших на складывание и характер народных обычаев, были выделены поклонение Небу и поклонение Дракону. В этих обрядах, по мнению исследователей, отражается особое отношение человека к природе, а также они несут функцию поддержания гармоничного сосуществования человека с окружающей средой. Это положение в ходе конференции плавно перетекло в обсуждение вопросов философии дунба, которая представляет из себя довольно сложную систему мировоззрения, содержащей в себе идеи о наличии души у всего сущего, необходимости почитания природы и своих предков, вечном развитии вселенной,

рокое рассмотрение на этой конференции, что помогло выделить основные пути развития исследований в этой области на десятилетия вперёд. Современные труды как китайских, так и западных исследователей по сей день посвящаются их изучению.

Важной частью предпринимаемых государством мер в отношении сохранения и исследования религии и культуры наси в первое десятилетие после начала политики реформ и открытости стало восстановление института служителей культа дунба, которым в период «культурной революции» было запрещено заниматься религиозными практиками, а также передавать свои знания ученикам [232, с.149]. В 1980-е гг. отношение государства к культуре и религии дунба меняется, начинается постепенное восстановление традиции передачи знаний от жреца к ученику, снова начинают проводиться религиозные обряды. Как удалось автору данного исследования выяснить из личной беседы с профессором Хэ Госяном, работающим «Музее культуры дунба» в Лицзяне, к 1980-м гг. осталось менее 10 старых служителей религии дунба. Таким образом, процесс восстановления религиозной жизни народа наси происходил довольно медленно. Тем не менее, церемонии дунба, как и тесно связанные с ними народные праздники, потихоньку возвращаются к жизни. Прежде всего, снова начинают проводиться такие важные церемонии как поклонение Небу и богу Шу, которые имеют большое значение в культуре народа наси.

Одновременно с оживлением религиозной деятельности, в 1980-е гг. вновь начинают проводиться народные праздники наси, которые являются значимой частью культуры дунба. Например, сандо — один из главных праздников народа наси, впервые после «культурной революции» был проведён в Куньмине в 1984 г. [235]. В 1986 г. постановлением 8-ой сессией ПК ВСНП праздник сандо был официально признан на государственном уров-

---

существованием загробного мира и т. д. [154, с.94]

не, а его проведение установлено на 2 месяц 8 число по лунному календарю [235]¹⁵³. В этот день люди собираются в храме Саньдо¹⁵⁴ в посёлке Байша уезда Юйлун, где приносят в жертву свинью, барана, курицу и рыбу, воздавая почтение божеству-хранителю народа наси. В 1982 г. правительство Лицзяна объявило данный храм первым объектом охраны памятников материальной культуры уездного уровня [202]. Само храмовое сооружение, пострадавшее во время «культурной революции», было отреставрировано в 1986 г.

Другие праздники народа наси тоже начинают вновь отмечаться в эти годы. Праздник факелов (хуоба цзе) в наше время является наиболее ярким и популярным из восстановленных празднеств. Однако, следует отметить, что корни праздника хуоба цзе уходят в религиозную культуру народа и, в традициях которого приурочен к новому году. Праздник факелов получил своё распространение среди ряда народов Юго-Западного Китая: наси, бай, лаху и дино и др. Хуоба цзе отмечается 6 месяца 24 или 25 числа (в некоторых селениях наси с 25 по 27 число) по лунному календарю, и представляет собой красочный фестиваль, проходящий, главным образом, в провинции Юньнань, а также в Сычуани и Гуйчжоу¹⁵⁵. В культуре наси значение этого

¹⁵³ Саньдо является религиозным праздником, уходящему своими корнями к древнейшему культу Белого камня народа наси. Культ Белого камня объединяет культуру наси с культурой древних цянгов и представляет собой элемент древнейшего слоя культуры этого народа. Праздник проводится в память о мифическом предке наси Саньдо, который, согласно преданиям дунба, укротил злых демонов.

¹⁵⁴ Наличие храмовых сооружений не характерно для религии дунба. Первоначально на месте данного храма находился алтарь, с установленным белым камнем, символизирующим одновременно тело Саньдо и духа горы Юйлун. Строительство храма началось в эпоху династии Тан, но здание перестраивалось 9 раз, поэтому его первоначальный вид не сохранился. На территории храма раньше располагалась роща священных кипарисов, из которых в настоящее время (2011, посещение храма диссертантом) уцелело одно дерево. В целом архитектура храма испытала на себе китайское влияние. Вероятно, что и строительство храма на месте алтаря было вызвано влиянием всё более доминирующей ханьской культуры.

¹⁵⁵ Диссертант присутствовала на празднике факелов в 2011 и 2018 гг. в Лицзяне. Праздник действительно представляет собой великолепное торжество. Факелы устанавливаются не только у входов в дома, но и просто на улицах города. Также рядом с факелами обычно ставят дощечки с текстами из манускриптов дунба, повествующих о происхождении этого праздника. Все приготовления осуществляются обычно пожилыми женщинами наси, по словам которых молодёжь не спешит перенимать народные обычаи. В настоящее время праздник факелов является одним из важнейших событий года в Лицзяне, привлекающим большие потоки туристов, способствуя распространению знания о культуре дунба и народе наси за пределами провинции Юньнань.

праздника уходит своими корнями в сказания дунба¹⁵⁶, а потому играет огромную роль в религиозной жизни этого народа.

В 1980-е гг. стало появляться много исследовательских групп, объединивших специалистов, которые сами являлись представителями народа наси. Цель работы этих групп состояла в сборе, записи и публикации традиционных сказаний народа наси, сказок, поэм и песен. В 1984 г. в Лицзяне было основано поэтическое общество «Яшмовый родник», деятельность которого в указанной выше области получила известность. В этом обществе работали такие известные современные исследователи наси как Гэ Агань, Ян Шигуан, Ван Пичжен [225, с.216-217].

Традиционная медицина дунба, являющаяся неотъемлемой частью культуры наси, также получает толчок для дальнейшего развития в условиях политики открытости и реформ.

Медицина народа наси не является обособленной областью знаний, а тесно вплетена в культуру дунба. Главный письменный памятник наси

Материалы, собранные в ходе полевые исследований диссертанта с 2011 по 2018 гг., свидетельствуют о том, что в разных селениях наси и соседних народов праздник хуоба цзе отмечается разными способами, в разные даты (следующими друг за другом) и на протяжении разного количества дней (от 1 до 3). Наиболее крупные празднования происходят в деревнях народа и, где огромный костер на главной площади селения является обязательным атрибутом хуоба цзе. Вокруг костра в течение 3 дней проводятся танцы (прежде всего хороводы) и песни. Жители жгут костры у врат своих домов. Что касается наси, то здесь мы наблюдаем следующую картину: в Лицзяне и других туристических городах праздник отмечается также широко, как и у народа и; в селениях со смешанным населением — костры и праздничные обеды обязательны; в далеких горных деревнях с преобладающим населением наси (90% и более) ограничиваются праздничным ужином дома, а также разведением костра и чтением текстов дунба — при наличии в деревне священной роши и служителя культа дунба. Кроме того, многие наси в день хуоба цзе проводят сжигание красной нити, которую носят в течение года на запястье правой руки, что символизирует избавление от всего старого и тяжёлого. После хуоба цзе повязывают новую красную нить и носят в течение года до следующего праздника факелов.

¹⁵⁶ Одно из сказаний дунба гласит, что однажды небесный бог Цзылао-апу стал завидовать счастливой жизни людей, и решил послать на них огонь с неба, для чего отправил на землю одного старого небесного воина. Однако тот воин увидел идущего по дороге молодого мужчину, который нёс на спине ребёнка, и спросил его, что это за дитя. Мужчина ответил, что мать ребёнка умерла, поэтому он должен заботиться о племяннике. Старый воин был растроган отношением этого человека к ребёнку, поэтому решил, что не хорошо будет истреблять таких добрых людей. Он предупредил мужчину о том, что 25 числа 6 месяца Цзылао-апу намерен послать людям бедствие, поэтому вечером того дня все люди должны выставить горящие факелы у входов в свои дома. Люди послушались старого воина и сделали всё, как он велел. Когда Цзылао-апу посмотрел на землю, то увидел множество огней и, решив, что человечество погибло, спокойно лёг спать. С тех пор каждый год 24 или 25 числа 6 месяца наси отмечают праздник факелов. (История записана диссертантом со слов служителя культа дунба в деревне Байша близ Лицзяна в 2015 г.)

«Дунба цзин» содержит записи о названиях лекарственных растений и методах врачевания уже с эпохи династии Тан (618-907), а в эпоху династии Цин (1644-1911) был создан манускрипт дунба «Травник Юйлун», который представляет собой настоящую энциклопедию целебных трав. Первые исследования традиционной медицины наси начались ещё в середине 1940-х гг., тогда же «Травник Юйлун» выдержал несколько изданий (в 1945, 1946 и 1947 гг.), однако позже исследования были приостановлены. Возродить их удалось в 1985 г., когда в деревне Байша уезда Лицзян была открыта клиника «Травник Юйлун в Лицзяне», которая пользуется большой популярностью не только среди граждан КНР, но и среди иностранцев [232, с.224]. В 1986 г. правительство Лицзян-Насиского автономного уезда объявило о начале исследований традиционной медицины местных национальных меньшинств, в результате которых было выявлено, что народ наси обладает глубокими знаниями в области врачевания различных заболеваний, пользуется многочисленными методами лечения (например, такими как кровопускание, точечный массаж, ингаляция с помощью целебных трав и др.), в целях врачевания использует несколько сотен лечебных растений [154, с.76-77]. Исследования медицины дунба не прошли даром: в 1980-х гг. был исследован гипокриллин, применяющийся в традиционной медицине дунба и на языке наси называющийся «мэньба». В медицине дунба гипокреллин использовался для нейтрализации ядов, уменьшения разного рода воспалительных процессов и т. д. Сегодня гипокреллин применяется для лечения ревматического артрита, желудочных болей, гинекологических болезней, продолжается дальнейшее исследование его свойств [198, с.184-188].

Таким образом, новая политика государства в отношении национальных меньшинств способствовала проведению исследований в самых различных сферах жизни малых народов, что привело к позитивным, обоюдновыгодным результатам, на данном примере в медицине: традиционная ме-

дицина наси, вплетенная в культуру дунба, привлекая к себе внимание исследователей, неизбежно оказывает позитивное влияние на «имидж» культуры народа наси; одновременно медицина дунба вносит вклад в развитие медицины государства в целом [203,с.4].

4.5. Проблема этнической самоидентификации наси в XXI веке

Сегодня, прогуливаясь по улицам Старого города Лицзяна, мы можем видеть довольно много наси, одетых в традиционные одежды. Эти люди, как правило, пожилые женщины наси, среди которых мало тех, кто может говорить на путунхуа. Основная масса жителей Лицзяна, задействованных в торговле и туризме, это местные и приезжие хань. В ходе интервью, полученных в результате полевых исследований, несколько представителей торговли и сферы туризма сообщили, что настоящих наси в самом городе практически не осталось. Они говорят, что тому, кто хочет увидеть подлинных наси, услышать их настоящий язык, необходимо уезжать из Лицзяна на север и северо-запад в более отдалённые горные районы.

Действительно, жители более далёких от городских центров деревень на сегодняшний день являются уникальными хранителями исконной культуры народа наси. Конечно, роль тех мер, которые принимаются правительством КНР для охраны и развития традиций дунба, огромна, но нельзя забывать, что с развитием новых технологий, туризма, усиливающих процессы интеграции и глобализации, появляются не только новые позитивные, но и отрицательные перемены в жизни наси.

Позитивные перемены заключаются в ускорении коммуникационного обмена между представителями титульной нации и нацменьшинств, что способствует распространению интереса к традиционной жизни наси,

культуре дунба, а значит, влияет на сохранение самобытности этого народа. В то же самое время, в этих процессах кроется и отрицательные факторы влияния, связанные с тем, что те же самые средства и механизмы глобальной коммуникации способствуют процессам «космополитической» модернизации пространства в самом широком смысле этого слова. Так что с этой точки зрения, данные процессы несут разрушительные действия для традиционной культуры наси.

В 2009 г. сотрудниками Пекинского университета почты и телекоммуникаций, а также Школы гуманитарных наук, права и экономики был проведён опрос среди молодёжи наси. Результаты опроса показали, что хотя все опрашиваемые владеют устным родным языком, однако пользуются им только внутри своей семьи, и меньше чем 1/3 говорят на языке наси в учебных заведениях или на работе. В ходе этого опроса также был задан вопрос, по каким критериям можно ассоциировать культурную идентичность наси. Большинство молодых людей наси выбрали традиционную одежду в качестве критерия идентификации народа – 30 человек, второе место делят образ жизни и религия дунба – по 25 человек, далее следуют язык – 23, традиционные праздники – 19, музыка и живопись – 18 человек [179, с.7-9]. Как объясняют китайские исследователи, результат данного опроса связан, вероятно, с отношением в Китае к национальному костюму: одежда – это наиболее типичный способ, используя который национальные меньшинства могут показать свою культуру внешнему миру, в том числе и хань.

На сегодняшний день проблема культурной идентичности наси и ассимиляции их ханьской культурой остаётся открытой и требует проведения множества исследований. На эту тему пишет американская исследовательница С. Уайт, которая указывает, что наси среди вышеперечисленных критериев идентичности также называют традиционную пищу, медицину

и проблему женского труда в обществе. Любопытно, что по критерию «пища» сами наси идентифицируют китайцев как «поедателей собачьего мяса», а свою кухню связывают с традиционным жареным хлебом – баба, и традиционным чаем, заправляемым молоком и маслом яка. На вопрос, насколько сильно они отличаются от ханьцев, некоторые наси отвечали, что они практически такие же, как китайцы. По словам многих из них, изначально они были китайцами, которые мигрировали в Лицзян при династии Мин или Цин, и постепенно ассимилировались там, став «наси». Существует мнение, что именно этот процесс во многом повлиял на установление патриархальной неолокальной формы семьи в этом районе Лицзяна, который сильно отличается от организации семейной жизни у тех же мосо [95, 310-311].

Если говорить о проблеме самосознания и самоопределения национальных меньшинств Китая, то здесь нельзя не упомянуть об учреждении в 2008 г. в Куньмине Центра исследований народа мосо. Кроме того, в том же году было основано движение «за сохранение последнего матриархального королевства человечества» [232, с.302]. Это событие является важным, поскольку с 1950-х гг. этническая группа мосо официально включена в состав наси, и об обособленном отношении к их культуре и традициям на государственном уровне ранее не шло речи. Вопрос о том, станет ли учреждение данного центра шагом к признанию мосо отдельным от наси народом в настоящее время не обсуждается.

В последние три десятилетия традиционная культура наси привлекла большое внимания как китайских, так и зарубежных исследователей. С 1980-х гг. местное правительство приложило ряд усилий по восстановлению уникальной культуры дунба, сильно пострадавший во время «культурной революции». Однако, практический аспект поддержания обычаев и традиций духовной культуры наси стал набирать силу лишь в

последние несколько лет: широкая организация традиционных празднований, а также проведение религиозных обрядов дунба десять лет назад были всё ещё очень редки. Например, в 2015 г. в деревне Чжулинь городского округа Лицзян впервые была проведена крупнейшая церемония почитания Неба, являющаяся важнейшей частью празднования Нового года в культуре дунба.

Следует также добавить, что материальная культура наси в настоящее время имеет тенденцию не только к сохранению и восстановлению своих традиций, но и приобретает новые формы. Данный процесс связан не только с очевидной коммерциализацией народного творчества наси в связи с развитием экономики и туризма, но и с повышением общего уровня образования среди наси — в настоящее время известен ряд художников, писателей и представителей прочих творческих профессий среди этого народа, которые, опираясь на народные мотивы, создают совершенно новые произведения, продвигая, тем самым, национальное искусство наси на новый уровень. Одним из примеров данной тенденции можно назвать насиского художника Хэ Сяндуну (和向东), чья выставка (живопись маслом) была проведена в Германии в 2014 г.

Изменение курса национальной политики в отношении наси в 1980-е гг. не могло не сказаться на демографических показателях этого народа, поэтому для завершения полной картины о положении наси в тот период следует привести данные об изменении структуры населения за описываемое десятилетие.

Согласно третьей переписи населения, количество наси в 1982 г.¹⁵⁷ составило 245154 человека, а по четвёртой переписи 1990 г. — 278009 чело-

¹⁵⁷ Первая перепись населения была проведена в КНР в 1953 г.. В районе Лицзян на тот момент проживало 117895 наси, в уезде Лицзян 105818 человек, в уезде Нинлан 8806, Юннин — 3208, Хуапин — 243 человека. Перепись показала, что во всей стране количество наси в 1953 г. составляло 134398 человек (0,02% всего населения КНР). Подробнее о демографической ситуации населения наси в тот период см. главу 3 данного исследования.

век [246]. С 1982 по 1990 гг. средний прирост населения наси составил 12,39%, что является самым низким показателем среди всех народов провинции Юньнань за аналогичный период. Китайские исследователи считают, что эти цифры свидетельствуют о том, что политика рождаемости оказала на наси сильное влияние; также это связано с тем, что около половины наси проживают в городе Лицзян, культура и экономика которого стали усиленно развиваться в 1980-е гг. О постепенном росте уровня продолжительности жизни также свидетельствуют показатели изменения возраста населения с 1953 по 1990 гг.: с одной стороны, это постепенное старение населения — люди в возрасте старше 61 года в 1953 гг. составляли 6,98% наси, тогда как в 1990 г. — 9,86%; в то же время уменьшилось число людей в возрасте до 15 лет — с 36,37% до 24,68% за аналогичный период [129, с.137]. Что касается пропорций сельского и городского населения, то в 1953 г. жители деревень составляли 91,43% против 6,55% горожан, а в 1990 г. — 84,15% против 15,85% [129, с.137]. Изменение этих пропорций обуславливается развитием города Лицзяна в 1980-е г., и переходом части населения на другие виды деятельности — в частности обслуживание в туристической сфере. Однако в 1980-е гг. этот процесс находился только на начальной стадии, настоящий туристический бум произойдет в последующие два десятилетия. Здесь стоит сделать оговорку: сфера туризма стала заполняться в основном приезжими ханьцами, в том числе и из других провинций и крупных городов (Пекин, Шанхай) — они же положили начало развитию производства всевозможной этнической продукции народа наси, известной, уже в наше время, далеко за пределами Лицзяна. Что же касается наси, то как сказала одна женщина из этого народа, участвующая в интервью с диссертантом в 2011 г.: «Если вы хотите увидеть настоящих наси, то езжайте в далёкие горные деревни — здесь их практически не осталось. Девушки мосо и наси, которых вы видите здесь, в основном — ряженые ханьцы».

4.6. Влияние глобализации на жизнь народа наси в XXI веке

Как отдельный аспект жизни наси в современное время следует выделить те новые явления, которые стали происходить, во-первых, после сильнейшего землетрясения в Лицзяне в 1996 г., во-вторых, в контексте включения Китая в поток глобализационных процессов в 2000-х гг.

В современном мире малые народы, так же как и титульные нации, сталкиваются с вызовами глобализации, которые наряду с положительными тенденциями несут массу угроз небольшим по численности этническим группам, проживающим в разных уголках планеты. В подобных условиях мирового развития государство может сыграть решающую роль в защите и поддержке или, наоборот, в разрушении самобытного общества и традиционной культуры своих малочисленных народов, усиливая или ослабляя негативные и позитивные эффекты глобализации.

Правительством КНР в 1980-2000-е гг. было проведено ряд реформ, направленных на сохранение и поддержание разных аспектов традиционной культуры, верований и языка народа наси, кроме того, с этого времени начал постепенно развиваться туризм, способствовавший росту интереса китайской общественности к различным сферам жизни этого народа. Судьбоносным событием в жизни наси стало сильнейшее землетрясение 1996 г., в результате которого был практически полностью разрушен Лицзян — исторический и культурный центр этого народа. Однако данное бедствие способствовало тому, что на Лицзян и культуру наси было обращено внимание международного сообщества. Вскоре после землетрясения этот город был признан ЮНЕСКО в качестве объекта Всемирного наследия, а Всемирный банк оказал поддержку местному правительству в восстановлении традиционных улиц, мостов, жилищ и прочих разрушенных сооружений в Лицзяне. На пороге XXI в. верования и традиции наси, а также город Лиц-

зян и некоторые другие населенные пункты, связанные с историей и культурой этого народа, уже привлекли огромное количество не только китайских, но и западных исследователей. Некогда труднодоступный район страны оказался открытым для множества туристов, приезжающих сюда не только из других провинций Китая, но и из-за рубежа.

Проблемы, с которыми начали сталкиваться малочисленные этнические группы в XXI в., стали предметом научных исследований и общественных споров в разных странах мира. Проблема воздействия глобализации на малые народы, вопрос сопоставления глобальных и традиционных ценностей нацменьшинств, а также национальная политика государств в данном контексте стала предметом научных исследований ещё в 1980-е годы, однако в настоящее время данная тема приобретает всё большую актуальность.

В настоящее время в западной, отечественной и китайской науке существует немало исследований, посвященных проблемам национальных меньшинств, которые затрагивают самые разные аспекты бытия народов. Анализ положения того или иного малочисленного народа в современное время в контексте глобализации представляет собой многогранную задачу, которую необходимо рассматривать с самых разных точек зрения. Подробнее о западных, китайских и отечественных исследованиях на данную тему было сказано в вводной главе данной работы.

Центром экономического и культурного развития наси в настоящее время продолжает быть городской округ Лицзян, куда стекается всё большее количество наси. Городской округ Лицзян является одним из примеров того, как вектор глобализации, совпадая с современными направлениями национальной политики государства, приводит к изменениям в жизни малочисленного народа. В современном мире, чтобы добиться высокого развития туристической отрасли в том или ином регионе необходимо уча-

стие международных организаций, ТНК, а также СМИ. Более того, историко-культурный туризм, который присущ Лицзяну, не представляет собой чисто экономическую отрасль, и растёт за счёт поддержания и развития местных особенностей. В данном случае мы имеем дело с этнической основой туризма — именно уникальная культура и образ жизни народа наси являются ядром развития туризма в Лицзяне. С другой стороны, вопрос привлечения внимания международного сообщества и борьба за получение статуса всемирного культурного наследия теми или иными достопримечательностями страны пересекается с интересами государства в области национальной политики. Поэтому, в рамках реализации национальной политики, а также в осуществлении задачи о вхождении Китая в глобальный мир, правительство страны всячески способствует развитию этнотуризма в данном регионе. Наконец, становление Лицзяна в качестве объекта всемирного культурного наследия оказывает прямое воздействие на жизнь народа наси. Как уже говорилось выше, развитие внутреннего и международного туризма в этом регионе прямо влияет на структуру занятости и владение языками среди молодого поколения наси, а также меняет их отношение к своей традиционной культуре.

Для более глубокого понимания степени вовлечения Лицзяна в историко-культурный мировой туризм, следует проанализировать, какие же структуры играют в этой сфере доминирующие роли. Все решения в области туризма принимает секретарь КПК в Лицзяне, назначаемый на прямую комитетом КПК в провинции Юньнань в Куньмине, который, в свою очередь, подчиняется ЦК КПК в Пекине. Именно он контролирует деятельность властей, несущих ответственность за планирование туризма и сохранение наследия в Лицзяне, включая многие государственные органы управления, отвечающие за реализацию рекомендаций Пекина. Помимо местных властей в туристической сфере Лицзяна задействованы такие организации

как Всемирный банк, ЮНЕСКО, Lonely Planet, многие ТНК международного уровня, а также Госсовет в Пекине, правительство провинции Юньнань в Куньмине и местные туристические корпорации государственного уровня.

Одним из средств привлечения внимания и поддержки международных организаций к Лицзяну является популяризация этого места в качестве сердца уникальной дошедшей до наших дней культуры народа наси. Однако, у данного инструмента есть обратная сторона. Фактически, бурное развитие туризма привело к масштабной коммерциализации культуры дунба, в результате чего существование аутентичной культуры наси в Лицзяне оказалось под угрозой. Так, местный житель Лицзяна Сюань Кэ, борющийся за сохранение традиционной музыки наси, пишет о том, что «древний город Лицзян — мёртв». В противовес его мнению местное правительство заявляет об успехах в деле сохранения аутентичной культуры наси, выражающихся, к примеру, в проведении большого количества концертов пения и музыки наси для приезжих китайских и зарубежных туристов [136, с.16].

Китайский исследователь Юань Сююнь, занимающийся вопросами влияния туризма и глобальных процессов на жизни наси, выделяет как позитивные, так и негативные последствия. Как утверждает этот исследователь, 70% построек в историческом центре Лицзяна имеют туристическое предназначение и не являются жилыми домами. Коренные жители Лицзяна в больших количествах покидают этот город, поскольку новые условия и ритм жизни не позволяют вести привычный образ жизни, характерный для коренных наси Лицзяна. Согласно статистике, в 1996 г. в старом городе Лицзян проживало около 30 тысяч наси, тогда как в 2005 г. всего 6000 человек [224, с.19-20], среди которых в основном очень пожилые люди. Однако позитивными последствиями происходящих процессов Юань Сююнь считает «воскрешение» традиционной культуры наси, а также рост национальной самоидентификации этого народа [224, с.19-20].

Диссертантом в 2010 г. были опрошены несколько жителей Лицзяна, которые рассказали о том, что настоящих наси в этом городе практически не осталось, а аутентичная культура наси сохранилась лишь в отдалённых деревнях, обычно не посещаемых туристами. Причинами данной ситуации опрашиваемые назвали высокие цены за аренду помещений и высокая себестоимость ведения бизнеса в Лицзяне, которая изначально была более доступна приезжим коммерсантам из крупных городов — Куньмина, Пекина и даже Шанхая. Как показали опросы, среди этих людей практически не встречаются настоящие наси, хотя традиционный образ этого народа, а также его подгруппы мосо, активно используется коммерсантами для привлечения туристов.

О негативном влиянии процессов глобализации на жизнь наси бьют тревогу такие китайские исследователи, как Цзин Кэ и Лю Цзяньхуа. В своей совместной статье «Исследование структуры массовой культуры наси» (2013) они пишут о том, что не смотря на все попытки поддержать традиционную культуру наси правительством Китая, в своей массе наси ведут жизнь на основе ханьских или даже западных культурных традиций. Основной причиной этого явления Цзин Кэ и Лю Цзяньхуа считают исчезновение естественной природной и социальной среды, которая была основой традиционного образа жизни и культуры наси. В связи с этим невольно вспоминаются положения доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК о том, что «важно всемерно воспевать национальный дух и дух эпохи, разворачивать вглубь воспитание в плане патриотизма, коллективизма и социализма, обогащать духовный мир народа, укреплять его духовные силы» [58], а также нижеследующее высказывание о том, что необходимо «распространять и нормативно использовать общие для всей страны язык и письменность. Обеспечивать процветание и развитие культуры нацменьшинств». В тексте данного доклада Ху Цзиньтао бросается в глаза то, что больше всего внима-

ния уделяется сплоченности, консолидации и единства китайской нации, тогда как о правах и свободах национальных меньшинств хотя и было сказано несколько раз, но всё же средства и методы реализации этих прав и свобод описаны совсем не так подробно, как если это касается единства и сплоченности всей китайской нации. В частности, если в докладе говорится о важности распространения и использования «общего для всей страны языка и письменности», под которым, очевидно, понимается китайский язык, то о языках национальных меньшинств в этом докладе не было сказано ни слова¹⁵⁸. По всей видимости, поднятие экономического уровня развития национальных районов и повышение их культурного уровня всё же будет сопровождаться вымыванием традиционных культур национальных меньшинств, по крайней мере, в их аутентичном виде.

18 октября 2017 г. Си Цзиньпин выступил с докладом на 19-м съезде КПК, на котором руководство КНР определило главные приоритеты развития страны на ближайшие годы. Национальная политика стала одной из важных тем выступления председателя. Основной идеей национальной политики КПК в настоящее время является борьба «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (чжунхуа миньцзу), о чём Си Цзиньпин неоднократно повторил в своём докладе [56].

Стоит отметить, что Си Цзиньпин в своём выступлении на 19-м съезде КПК, говоря о задачах национальной политики КНР, не упомянул о соблюдении и защите прав национальных меньшинств (шаошу миньцзу), а также о необходимости сохранения и поддержания их традиций и культуры. Наоборот, в докладе многократно повторяется идея о создании китайской нации, как едином, монолитном организме: «Следует целиком и полностью претворять в жизнь национальную политику партии, углублять воспитательную работу в области национальной сплоченности и прогресса, укреп-

---

¹⁵⁸ Этот факт также отмечает О.И.Завьялова О.И [36, с.460-462].

лять сознание общности китайской нации, укреплять межнациональные контакты, обмены и связи, способствовать такому тесному сплочению всех национальностей Китая, как у вплотную прилегающих друг к другу зернышек граната, чтобы совместно сплоченно бороться, совместно развиваться и процветать» [56].

Как бы то ни было, в настоящее время доходы Лицзяна от туризма достигают огромных размеров. Согласно статистике Бюро туризма городского округа Лицзян с 1996 г. доход от въездного туризма в этом регионе вырос с 9,66 млн. долларов США до 119 млн. в 2007 г [90, с.96]. В последующие годы развитие культурно-исторического и этнографического туризма продолжало существенный рост. В «Докладе о работе правительства городского округа Лицзян за 2015 г.» говорится о том, что «туризм и культурная индустрия перешли на качественно новый уровень слияния». В 2015 г. Лицзян посетили более 30,1 млн. китайских и иностранных туристов, а общий доход от туризма составил 44,32 млрд. юаней [8].

Повсеместное использование атрибутов традиционной культуры наси, так легко бросающейся в глаза приезжему, также реализует национальную политику КПК в отношении малых народов страны, демонстрируя построение гармоничных отношений между титульной нацией хань и народом наси. Таким образом, поддерживая сохранение и развитие традиционной культуры наси, правительство выполняет сразу две задачи — реализует положение национальной политики о «гармоничном развитии всех национальностей» [58], а также вовлекается в сферу глобального туризма, приносящего не только массу экономических выгод, но и поднимающего престиж страны на международной арене. Что же касается влияния этих процессов на самих наси, то здесь мы можем наблюдать как позитивные, так и негативные тенденции. С одной стороны, вовлечение в глобальный туризм одновременно с усилиями правительства способствует сохранению культуры

этого народа, а также открывает новые возможности молодому поколению наси. С другой стороны, под давлением этих же процессов традиционная культура размывается и теряет свою истинную аутентичность. Примером может служить использование пиктограмм дунба за пределами их реального исторически сложившегося предназначения, о котором говорилось выше.

В результате национальной политики правительства Китая в период «большого скачка» и «культурной революции», а также ввиду дальнейших интеграционных и глобализационных процессов в настоящее по некоторым данным лишь около 20% наси возрастом от 5 до 20 лет владеют родным языком.

Вовлечение в глобальную индустрию туризма одновременно привлекает внимание общества к проблемам сохранения аутентичной культуры наси, но в тоже время усугубляет некоторые из них. Приспосабливаясь к новым условиям жизни, молодое поколение наси всё больший упор делает на изучение путунхуа, а также английского языка, в особенности, если речь идёт о Лицзяне. Например, среди обеспеченных наси в настоящее время принято отдавать детей в двуязычные детские сады¹⁵⁹, где их обучают путунхуа и английскому языку, тогда как в основной массе школ преподавание также ведётся на путунхуа. Кроме того, в связи с изменением структуры общества и семьи в настоящее время регистрируется всё большее количество межэтнических браков между нацменьшинствами и хань, и, таким образом, среда, в которой возможно использование родного языка наси, получает естественное ограничение. Кроме того, модернизация многих сфер жизни приводит к возникновению новых лексических единиц, которые зачастую просто не находят своего выражения в языках малочисленных народов. Данная проблема находит отражение в цифрах. Статистика по языку наси

---

¹⁵⁹ Один из таких детских садов находится в деревне Байша в городском округе Лицзян. Детский сад был открыт в 2003 г. и принимает учеников из 15 близлежащих деревень.

говорит о том, что, например, из 103 названий предметов ежедневного обихода, 42 невозможно выразить на языке наси, а остальные являются в основной части устаревшими, которые почти не распознаются молодыми людьми 12-20 лет [103].

О.И.Завьялова, говоря о современном положении китайского языка, его диалектах и языках национальных меньшинств, отмечает, что всестороннее распространение китайского языка (путунхуа) связано с одной из задач новой программы развития языка и письменности - «защищать официальный язык от мощного внешнего влияния» [36, с.460-462]. Таким образом, стараясь уберечь язык титульной нации от влияния глобализации, правительство КНР принимает меры по распространению путунхуа в самых отдаленных уголках страны, тем самым, в свою очередь, нанося серьёзный удар по языкам национальных меньшинств — негативные эффекты новой языковой политики прослеживаются на примере наси.

Данная ситуация не может не волновать старшее поколение наси, в особенности имеющих высшее образование людей, которые предпринимают попытки по восстановлению популярности родного языка и традиционной культуры среди своего народа. В 1999 г. профессор Го Дале, сам являющийся наси, положил начало ведению уроков языка и культуры дунба в средней школе в Хуаншань. На занятиях в этой школе Го Дале обучает детей чтению и написанию пиктограмм дунба, сами уроки проводятся на языке наси. Как отмечает другой преподаватель культуры Дунба Хэ Шанхуа, эти занятия посещают не только наси, но и хань, среди которых около 60% в той или иной степени владеют языком наси. Стоит заметить, что в этой школе также проходят обучение интересующиеся культурной наси иностранные студенты, большее число которых из Японии и США [99, с.98]. Таким образом, мы видим, что процессы глобализации не обходят стороной и сферу этнообразования, делая свой вклад, в данном случае положитель-

ный, в сохранение и развитие культуры и языка наси.

Вместе с тем, в связи с указанием Ху Цзиньтао о том, что необходимо «всемерно стимулировать беспристрастность обучения, рационально размещать образовательные ресурсы, делая крен в сторону села, отдаленных, бедных и национальных районов» [58], следует ожидать ещё большего сужения среды использования родного языка среди наси, поскольку процент двуязычных образовательных учреждений на данный момент ещё слишком мал и сосредоточен в основном в тех населенных пунктах, которые связаны с этническим туризмом, а значит, знание языка и культуры наси может принести прямую экономическую выгоду. В самых отдаленных районах, горных деревнях, которые до настоящего времени остаются последними хранителями аутентичной культуры наси, по всей вероятности следует ожидать усиление влияния «культуры единой китайской нации» (очевидно, ханьской)¹⁶⁰.

Другой стороной вовлечения народа наси в процессы глобализации является в то же время получение «высокотехнологичных благ», которые служат делу сохранения и распространению сведений о таком важнейшем элементе культуры этого народа, как письменность дунба. Примером тому служит появление в 2000-е годы программы Edongba¹⁶¹, которая используется для печати пиктограмм дунба на персональных компьютерах и доступна по всему миру. Однако, следует отметить, что данная программа не является бесплатной: стоимость Edongba в Китае составляет 68 юаней, а за рубе-

¹⁶⁰ Автор данного диссертационного исследования был проведен опрос среди жителей труднодоступной горной деревни Шигучэн (石古城) в августе 2018 г. Этнический состав населения деревни — 96% наси. Среди опрошенных жителей (25 человек) все наси владели родным языком, респонденты возрастной категории до 50 лет владели местным диалектом путунхуа, среди которых те, что были заняты в коммерции — говорили на путунхуа довольно чисто. Респонденты возрастом от 50 лет в большинстве владели только языком наси, от 70 лет — исключительно языком наси. Опрошенные жители данной деревни имели устойчивую этническую самоидентификацию и отмечали чёткое разделение между хань и наси. Как отметил один из опрошенных: «Хань постоянно куда-то лезут и стремятся расширить свои границы».

¹⁶¹ Программа принадлежит частной компании «Цзямуния» в Чэнду пров. Сычуань, специализирующейся на создании программного обеспечения для больниц, отелей, ресторанов и т. п.

жом колеблется от 30 до 50 долл. США (2016). В настоящее время при поддержке Государственного фонда естественных наук КНР и Госкомитета по вопросам национальностей разрабатывается программное обеспечение для ввода пиктограмм дунба на основе латинизированного алфавита для ПК на платформе Windows [110, с.165-166].

Повышенное внимание к проблеме сохранения пиктограмм дунба обусловлено в том числе и включением в 2005 г. данной письменности в Список объектов наследия проекта «Память мира» Азии и Тихоокеанского региона ЮНЕСКО [244]. После этого события Лицзяну было предложено принять делегацию ЮНЕСКО с организацией встреч и конференций соответствующего уровня. В последний день данного мероприятия власти Лицзяна просили членов делегации ЮНЕСКО о консультации в сфере использования текстов и письменности дунба в целях экономического развития. Делегаты ЮНЕСКО восприняли данный вопрос с неодобрением, подчеркнув, что финансирование проекта «Память мира» направлено на сохранение и оцифровку письменных памятников, а не на использование последний в целях получения финансовой прибыли [65, с.184].

Включение письменности дунба в проект «Память мира» ЮНЕСКО положило начало новому этапу в деле о сохранении культуры дунба народа наси. Данное событие является ярким примером того, каким образом процессы глобализации могут оказывать позитивное влияние на сохранение культуры малочисленных народов. С другой стороны, следует помнить, что меры по сохранению и развитию культуры наси не строятся на исключительно альтруистических мотивах, а в том числе и являются примером реализации национальной политики КПК в стране, направленной на стабилизацию взаимоотношений титульной нации с нацменьшинствами, а также носят коммерческий характер. Тем не менее, благодаря вышеупомянутому событию начался новый этап в деле о сохранении наследия культуры наро-

да наси. В 2008 г. был учреждён «Медиа-центр уезда Юйлун по защите и оцифровыванию наследия культуры дунба», спонсированием которого стало заниматься правительство Австрии. В группу руководителей данного центра вошли 14 человек, 7 из которых являются представителями народа наси [243]. Данный центр занимается закупкой «передового оборудования» в целях содействия сохранению и развитию культурного наследия дунба, а также практическим применением современных информационных технологий для достижения этих целей. В официальном описании данного проекта также сказано и то, что он «оказывает услуги исходя из интересов общества, [а также] создаёт определённую экономическую выгоду» [243]. Таким образом, в данном документе мы находим фактическое отражение коммерческой стороны мероприятий по сохранению и поддержке традиционной культуры народа наси, о которой говорилось выше. Реализация данного проекта основывается на шести правовых документах, пять из которых подтверждают правомерность использования иностранных государственных кредитов, в данном случае от Австрии. Совокупные капиталовложения в данный проект составили 59,5 млн. юаней, из которых 60,56% составляют инвестиции Австрии (3,9 млн. евро)¹⁶².

Следует отметить, что реализация данного проекта помимо защиты культуры дунба, получения экономической выгоды, также направлена на решение такой проблемы как занятость населения уезда Юйлун, где доля урбанизации довольно низка — около 20% (2010 г.).

В 2014 г. в Пекине состоялся международный симпозиум «Технологии информатизации сохранения культурного наследия». В этом мероприятии приняли участие представители Пекинского университета науки и информационных технологий, Академии общественных наук Юньнани, а также Пекинской ассоциации содействия культуре дунба и Лицзянского иссле-

---

¹⁶²Расчёт по курсу на 19.05.2009 г.: 1 юань = 9,24 евро.

довательского института культуры дунба. На симпозиуме также присутствовали крупнейшие насиведы Германии и Франции [244]. В результате данного мероприятия были вновь подтверждены и закреплены прежние договоренности по сохранению и оцифровке культуры дунба¹⁶³, реализуемые на основе международного сотрудничества между крупнейшими научными китайскими и западными организациями.

Под влиянием процессов глобализации в жизни малых народов происходит множество изменений, которые сложно охватить одним взглядом и которые требуют проведения большого числа исследований в разных научных областях. Положение народа наси в свете данных процессов весьма не однозначно и требует разностороннего и тщательного рассмотрения, целью данной статьи было обозначить общее направление будущих исследований данной темы. В целом, можно выделить следующие аспекты данной проблемы:

— влияние глобальных процессов на различные сферы жизни наси через воздействие и взаимодействие с различного рода международными сообществами и организациями;

— положение наси в контексте реализации национальной политики КПК, в том числе и с помощью глобальных, международных механизмов;

— выделение позитивных и негативных последствий, вызванных влиянием двух предыдущих факторов.

Соответственно, в связи с вышеуказанными аспектами мы можем выделить два основных уровня взаимодействия нацменьшинства, в данном случае наси, с окружающей политической, экономической, социальной и культурной средой (действительностью): 1) взаимодействие глобального уровня; 2) взаимодействие с титульной нацией страны, будучи объектом на-

---

¹⁶³Речь идёт не только о письменных памятниках дунба, но и о записи на цифровые носители составляющих нематериального наследия: танцев, песен, обрядов, празднеств народа наси.

циональной политики государства¹⁶⁴. Все уровни представляют собой открытые системы, оказывающие влияние друг на друга и, конечно, на состояние самого объекта — малочисленного народа. Культура народа наси, в свою очередь, также оказывает некоторое влияние на «вышестоящие уровни», например, посредством «вливания» наиболее ярких элементов своей материальной культуры в культурную среду надэтнического уровня. Так, в последние пять лет в Китае очень популярны предметы быта и гардероба, а также украшения, носящие символику культуры дунба. Кроме того в Европе и США проводятся выставки традиционного и современного искусства наси, знакомя общество с культурой этого народа. Однако, конечно, влияние глобальных процессов и национальной политики страны несравнимо сильнее, а потому способно оказывать позитивное или негативное влияние на жизнь и традиционную культуру народа наси.

Стоит добавить, что данная тема представляет собой обширное поле для проведения исследований в различных научных областях, затрагивающих культурную, социальную, экономическую и другие сферы бытия малочисленных народов Китая.

В целом, следует отметить, что тенденции, имеющие место в жизни наси в последние несколько лет являются, с одной стороны, продолжением развития направления национальной государственной политики, берущей начало в 1980-х годах, и, с другой стороны, эти тенденции являются реакцией на изменения и вызовы современного времени, с которыми сталкиваются большинство малых народов не только Китая, но и других стран.

Подводя итог, мы можем сказать, что в целом преобразования государственной политики в отношении национальных меньшинств, на примере народа наси, в 1980-е гг. носили разносторонний и постепенный харак-

¹⁶⁴ Третьим уровнем можно выделить взаимоотношения между близкими, соседствующими друг с другом малыми народами, но данный уровень взаимоотношений (в случае с наси) в современное время отходит на задний план, т.к. не имеет существенного влияния на качественные изменения в жизни и традиционной культуре данного народа.

тер. Очень важно, что по сравнению с предшествующим десятилетием медленно и болезненно, но происходило изменение отношения к религии, традициям и обычаям наси, осознавалось богатство и уникальность этого народа. Новое отношение государства к материальной и духовной культуре дунба было закреплено на законодательном уровне. В первое десятилетие реформ и открытости отношение к наси выработывалось в соответствии с политикой в национальном вопросе: она направлена на борьбу с неграмотностью, поднятием материального и культурного уровня жизни. И хотя многие проблемы ещё не были решены (например, восстановление традиции передачи знаний дунба в религиозной среде, а также реабилитация национальной культуры в глазах молодого поколения наси), тем не менее в 1980-е гг. положение народа наси стало меняться в лучшую сторону, кроме того, в рассматриваемое десятилетие была создана надежная основа для продолжения нового курса политики государства в отношении этого народа. Постепенная трансформация с 1980-х гг. политики по отношению к национальным меньшинствам является примером того, как власти корректируют ошибки предыдущих лет, нанесших колоссальный урон материальной и духовной культуре малых народов, восстанавливая хрупкий баланс взаимоотношений между титульной нацией и национальным меньшинством.

Заключение

В данном диссертационном исследовании предпринят анализ положения народа наси в китайском обществе в историческом контексте. История существования народа наси рассмотрена в связи с взаимодействием с титульной нацией хань, проанализированы различные аспекты влияния китайского общества и культуры на жизнь наси. В соответствии с выделенными хронологическими этапами становления взаимоотношений наси и государства, определена специфика трансформации бытия этого народа с течением времени и в связи с изменением характеристики этих отношений.

В диссертации были выделены шесть хронологических этапов, соответствующих первому и второму положениям, выносимых на защиту:

1. С 1-2 вв. н.э до падения династии Цин (1911) — этногенез народа наси, образование национальной материальной и духовной культуры дунба. Положение наси в период имперского Китая: самостоятельное социальное, экономическое и культурное развитие наси; слабое влияние ханьской культуры — в пределах правящего класса наси.

Историческое развитие народа наси в контексте взаимодействия с китайским государством делится на данном этапе на три периода: 1) с 1-2 вв. н.э до эпохи династии Юань; 2) эпохи династий Юань и Мин; 3) эпоха династии Цин.

В первом периоде идёт формирование этногенеза предков наси, складываются основы культуры и верований дунба, появляется письменность. В основу сложного комплекса культуры наси входит её самый древний слой — культура древних цянов. Её следы мы можем видеть как в религиозной сфере (обряды и церемонии дунба, культ поклонения Небу, культ коня и белого камня и др.), так и в бытовой (например, элементы национального костюма). Второй «слой» — влияние, оказанное соседними автохтонными

народами тех территорий, которые будучи предками нами стали заселяться в Сычуани и Юньнани. Влияние соседних народов отразилось в древнем пласте верований дунба у нами и даба у мосо – в гадательных практиках и музыкальном сопровождении религиозных церемоний. Третий «слой» — тибетская культура и тибетский буддизм, оказавшие влияние на становление религии дунба, а также образ жизни нами. Народ нами, известный в китайских хрониках под названиями «мосе» на протяжении этого периода имел отношения с хань прежде всего через торговые контакты, а их земли были включены в территориально-административную систему Китая, однако сильного политического, экономического или культурного влияния нами Лицзяна со стороны центра не испытывали и продолжали развиваться своим самостоятельным путём.

Эпохи правления династий Юань и Мин в жизни нами связаны с установлением системы правления тусы и возвышением клана Му. Возрастает классовое расслоение общества нами, вместе с тем усиливается экономическое и социальное развитие, происходит окончательный переход к оседлому образу жизни, а возделывание сельскохозяйственных культур начинает постепенно преобладать над скотоводством. Этот этап характеризуется стабильностью экономической жизни и расцветом верований дунба. При династии Мин китайская культура начинает проникать в Лицзян посредством строительства даоских и буддийских монастырей, в конце правления Мин также появляются конфуцианские школы, однако о повсеместном и всестороннем влиянии ханьской культуры в этот период говорить всё ещё не приходится.

В правление династии Цин происходит активное проникновение культуры хань в жизнь нами. Распространение конфуцианских школ, смена системы тусы на гуйлю, внедрение ханьских чиновников в территориально-административные органы власти на местах — всё это оказало сильное воз-

действие на жизнь народа наси. Проводником чуждой наси культуры стали члены клана Му, которые умели говорить на китайском языке, носили китайские одежды, совершали свадебные и погребальные обряды согласно ханьским обычаям. В тоже время простые наси, не имевшие прямых контактов с хань продолжали придерживаться традиционных верований, культуры и образа жизни. В этот период религиозная деятельность дунба переживает второй и самый мощный расцвет — такова была реакция общества наси на появление китайской культуры в их жизни.

Остальные пять этапов эволюции положения народа наси после падения Цин соответствуют хронологическим этапам развития государства в Китае в XX-XXI вв.:

2. 1911-1949 гг. — положение народа наси в республиканском Китае: национальный вопрос в концепциях Сунь Ятсена, национальная политика Гоминьдана; исследование общества, истории и культуры народа наси западными учёными и миссионерами; расцвет экономической жизни Лицзяна.

3. 1949-1958 гг. — положение народа наси на раннем этапе становления КНР: формирование национальной политики КНР и её трансформация; первые изменения в традиционном укладе жизни народа наси и его культуре.

4. а) 1958-1960 гг. — положение народа наси в период «большого скачка»: начало ломки хозяйственной и социальной жизни этого народа в соответствии с новыми теоретическими установками КПК — коллективизация, коммунизация, милитаризация, погоня за рекордами в индустриальном и сельскохозяйственном секторах; истощение человеческих ресурсов, первый этап разрушения материальной и духовной культуры наси, особенности её адаптации к новым условиям.

б) 1966-1976 гг. — положение народа наси в период «культурной ре-

волюции»: окончательная ломка духовных традиций этого народа; уничтожение верований дунба.

5. С конца 1970-х по 1996 г. — положение наси в после «культурной революции», в период реформ до землетрясения в Лицзяне: возрождение материальной и духовной культуры наси под воздействием новых установок национальной политики КПК; развитие отношений хань и наси на новом уровне, строящиеся с учётом соблюдения прав и интересов нацменьшинств.

6. С 1996 г. по настоящее время — положение наси в период продолжения реформ, а также включение этого народа в глобализационные процессы: коммерциализация традиционной материальной и духовной культуры наси; появление новых проблем этнической самоидентификации этого народа; углубление позитивных взаимоотношений между государством и наси.

На основе проведенного анализа, базирующегося на широком круге источников и литературы, диссертант приходит к следующим выводам.

Теоретические основы национальной политики государства в разные исторические периоды играли важную роль в формировании взаимоотношений наси и хань. Так, в республиканский период (1911-1949) развитие общества наси вписывается в контекст истории республиканского Китая. Специфика теоретических основ национальной политики первой половины истории республиканского периода Китая (1911-1927) связана с поиском новых основ построения государства, а вопросы о проблемах национальных меньшинств ещё не получили своего развития. В доктрине Сунь Ятсена о «трёх народных принципах», малочисленные народы Китая упоминаются только в качестве «иностранцев», не рассматриваются в качестве важного элемента построения единой китайской нации, соответственно, предпосылок о расширении прав и поддержке малочисленных народов Китая

в это время быть не могло. Во второй половине республиканского периода Китая (1927-1949) Чай Кайши, вслед за Сунь Ятсеном, считает что в основу китайской нации входят хань, маньчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане, не упоминая остальные народы. Соответственно, в этот период наси не испытывают прямого вмешательства в свой уклад жизни, сохраняя его традиционным во всех аспектах. Наси Лицзяна вели самостоятельную экономическую и общественную жизнь, не испытывая притеснений со стороны хань.

После образования КНР в 1949 г. началось государственное регулирование национальной ситуации в Китае, формировалась политика Коммунистической партии Китая, проводимая органами государственной исполнительной, законодательной и судебной власти в отношении национальных меньшинств страны. С 1949 г. положение народа наси начинает меняться. Наси теряют самостоятельный путь развития общества и культуры, включаются в универсальную социальную и политическую структуру страны посредством образования ряда органов власти КПК на местах. Эти органы власти служили проводниками теоретических идей новой власти в массы, которые оказывали существенное влияние на различные аспекты жизни наси. Новая власть ставила перед собой задачу объединения страны в соответствии с идеей строительства коммунизма, что обусловило специфическое понимание национального вопроса. Хотя права нацменьшинств были отражены в «Основные принципы осуществления местной национальной автономии в КНР» 1952 г., а также Конституции 1954 г., тем не менее, эти законы не обеспечили реальную защиту интересов малочисленных народов, например, наси. Уже после 1949 г. начинается преследование религии дунба, в процессе чего был утерян большой пласт культуры народа наси – ведь дунба не является организованным институтом, не имеет специальных школ, а передаётся только посредством изучения священных текстов, напи-

санных пиктограммами, и передачи знания от священника дунба к сыну.

В годы «большого скачка» народ наси переживает процессы коммунизации, коллективизации и милитаризации. В этот период положение этого народа ничем не отличается от миллионов других сограждан различных национальностей. Язык, духовная и материальная культура подвергались гонениям и разрушению, но наибольший удар в результате ненормированного труда и плохого питания был нанесен человеческим ресурсам.

Во время «культурной революции» гонения на традиции наси, местные религиозные верования достигли своего пика. Национальные праздники наси, проведение обрядов и церемоний были запрещены, шаманов и монахов преследовали как людей, занимавшихся распространением «феодалных суеверных пережитков». С 1966 г. в Лицзяне начались массовые разрушения храмов, сжигались манускрипты дунба, со стен зданий стирались традиционные росписи, уничтожались даже национальные музыкальные инструменты. Самое тяжёлое для многих наси старшего поколения было то, что в этом движении активно участвовали представители своего же народа. Как сказала одна женщина наси, у которой в 1980-х гг. брал интервью М.Х.Хансен: «Среди молодёжи, которые приходили ко мне в дом выламывать деревянную резьбу, было очень много наси. Это куда легче было бы терпеть, если бы они все были ханьцами пришедшими не из Лицзяна».

Периоды «большого скачка» и «культурной революции» – самые тяжелые времена в истории народа наси. Произошла полная и всесторонняя интеграция этого народа в китайское общество, которая проводилась путём уничтожения традиционного образа жизни насию. Основной задачей национальной политики того периода (хотя в годы «культурной революции» существование национального вопроса не признавалось) было стирание этнических особенностей, намеренное уничтожение этнической самоидентификации национальных меньшинств страны, переплавка их в

единую массу, которая, по сути руководимая ханьским большинством, инкорпорировалась в строительство государства нового типа.

С окончанием «культурной революции» и началом периода реформ и открытости политика в отношении нацменьшинств стала меняться. Начиная с 1980-х гг. возникают новые тенденции в сфере преобразования административного округа Лицзяна, восстановления и сохранения традиционной культуры наси, которые продолжают и в настоящее время. В период реформ закладываются правовые основы, защищающие интересы народа наси и других национальных меньшинств, что отражает Конституция КНР 1982 г. В первое десятилетие периода реформ создаются черновые варианты нормативно-правовых актов местного назначения, которые вошли в силу в 1990-х гг. Среди них наиболее значимыми были «Положение об автономии Лицзян-Насиского автономного уезда» (1990 г.), «Положение об управлении Снежной горой Юйлун Лицзян-Насиского автономного уезда» (1993 г.), «Положение провинции Юньнань о сохранении и защите известного культурно-исторического города Лицзяна» (1994 г.) и др.

Таким образом, мы видим, что практические методы реализации национальной политики КПК на населенных наси территориях оказывали сильное влияние на разные аспекты жизни этого народа. Практические методы были обусловлены теоретическими основами соответствующего периода, носили свою специфику, имели отрицательный и положительный результат. В XXI веке курс национальной политики начатый в период реформ, получил развитие и наси продолжают находиться под воздействием практической реализации национальной политики, как и другие нацменьшинства Китая.

Национальная политика в сфере образования и языка, наряду с экономическим развитием районов проживания нацменьшинств, — важный теоретический и практический инструмент формирования взаимоотношений

хань и наси, одновременно является фактором, влияющим на сохранение и развитие традиционной культуры и образа жизни малочисленных народов Китая, в том числе наси. Например, В 1955 г. юньнаньский Комитет по культуре и образованию издал указ, согласно которому необходимо в срочном порядке усилить «патриотическое» образование в этой провинции. В нём подчёркивалось, что данная задача во многом обусловлена тем, что большинство детей нацменьшинств имеют очень развитое «чувство родины», но при этом даже не знают о том, что они принадлежат КНР. Особенно активно китайское правительство проводило интегрирование наси через язык. Начиная с 1950-х гг., в качестве учителей активно выступали кадровые работники, а в 1962 г. в школах Лицзяна было запрещено проведение уроков на местном языке, которое трактовалось как пропаганда «местного национализма». Местное правительство активно использовало в целях пропаганды такие элементы народной культуры наси как песни и танцы, чтобы «достучаться до сердец братского народа» и вызвать чувство веры в существование единой «семьи народов», строящей коммунистическое будущее. Изучая публикации 1950-1960-х гг., автор данного исследования отметил тот факт, что хотя публиковавшиеся в общегосударственных и местных газетах песни наси именовались «народными», однако их тексты печатались исключительно на китайском языке (при том, что в 1957 г. была разработана письменность наси на латинице), а их содержание носило политизированный и идеологизированный характер без каких-либо отличительных этнических особенностей. В период «большого скачка» и «культурной революции» подобное отношение к языкам малочисленных народов и образованию сохранялось, о чём свидетельствует пример наси.

В период реформ и открытости национальная политика в сфере образования и языка меняется, что сыграло важнейшую роль в изменении положения народа наси. В общеобразовательных школах появляются кружки

культуры наси, куда охотно входила молодёжь из самых отдалённых деревень Юньнани, которая всё ещё помнила и уважала традиционную культуру дунба. Эта молодёжь сыграла роль «хранителей» уникальных традиций своего народа, что в значительной мере помогло восстановлению культуры дунба.

В послереволюционный период правительство начинает вести активную борьбу с неграмотностью, для чего принимает шаги по популяризации письменности языков нацменьшинств. В период с 1984 по 1989 гг. в Лицзян-Насиском автономном уезде было привлечено к работе 1221 преподавателей для ликвидации неграмотности среди нацменьшинств, говорящих на языке наси, мяо-яо и ицзу. В эти годы начинают издаваться учебные пособия на языке наси, а также выпускаются местные газеты и журналы.

С середины 1980-х гг. увеличивается исследовательский интерес к народу наси и его культуре. В это время появляются первые научные работы, переводятся и издаются традиционные сказания наси, в том числе и «Трактат дунба». Китайские научные работы того времени освещают различные аспекты жизни наси, в том числе и верования дунба, спектр исследований существенно расширяется и перестаёт носить исключительно политизированный характер, а также преследовать пропагандистские цели. В 1984 г. в Лицзяне было основано поэтическое общество Юй цюань («Яшмовый родник»), которое занималось изданием народных песен, поэм и рассказов народа наси. В этом обществе вели свою деятельность такие известные современные исследователи наси как Гэ Агань, Ян Шигуан, Ван Пичжэн.

В первое десятилетие реформ создается ряд важнейших организаций, способствовавших сохранению и возрождению культуры наси, среди них отделение исследований культуры дунба в Академии общественных наук провинции Юньнань (1981 г.), Музей культуры дунба в Лицзяне (1984 г.) и др. В научной и просветительской деятельности этих учреждений активно

участвуют исследователи из народа наси.

Вышеперечисленные процессы свидетельствуют о том, что с началом политики реформ и открытости в связи со сменой курса национальной политики государства отношения хань и наси начинают развиваться на качественно новом уровне, с учётом соблюдения прав и интересов наименьшинств. Государство принимает меры по восстановлению национальной культуры наси.

Судьбоносную роль в истории народа наси сыграло землетрясение 1996 г., в результате которого был практически полностью разрушен Лицзян. Данное бедствие способствовало тому, что на Лицзян и культуру наси было обращено более пристальное внимание не только китайских властей, но и международного сообщества, в связи с чем в скором после восстановления города времени Лицзян стал переживать ускоренное развитие внутреннего и внешнего туризма.

С середины 1990-х гг. и по настоящее время (2018 г.) в обществе наси происходят существенные изменения. Важную роль в исследовании положения этого народа в последние 6 лет сыграли материалы, собранные диссертантом в ходе полевых исследований Лицзяна и других регионов проживания наси с 2011 по 2018 гг. В результате собранных сведений, а также изучения множества китайских и западных научных работ, периодики и публицистики, были выделены следующие тенденции в современной жизни наси, которые связаны как с национальной политикой государства, так и с общими процессами глобализации в мире. Во-первых, это возрастание роли туризма в жизни народа наси, который оказывает прямое влияние на структуру занятости и владение языками среди молодого поколения наси, а также меняет их отношение к своей традиционной культуре. В настоящее время происходит коммерциализация культуры наси, которая буквально ставится на «производственный поток» и теряет свою аутентичность. Во-

вторых, при всей видимой поддержке правительством использования родного языка наси, на деле мы видим стремительный рост количества молодёжи, владеющей китайским, а иногда и английским языком, но не знающей свой родной язык. Важным фактором, влияющим на уменьшение пользователей родным языком наси, является существенное сокращение среды его применения, которая часто сохраняется лишь как средство коммуникации с пожилыми членами семьи. Что касается верований дунба, то они также в настоящее время являются в большинстве случаев костюмированными представлениями, привлекающими туристов в Лицзян. Фактически народ наси в основной массе перестаёт придерживаться каких-либо религиозных воззрений, что способствует отмиранию традиционной культуры и образа жизни.

Положение народа наси в контексте глобализационных процессов весьма неоднозначно. С одной стороны, правительство Китая предпринимает меры по защите интересов этого народа, с другой стороны, эти же меры, в совокупности с глобальными процессами дают ряд негативных эффектов. Можно выделить позитивные эффекты (рост экономического благосостояния, распространение информации и сведений о наси и культуре дунба внутри страны и за рубежом) и негативные (угроза исчезновения языка, коммерциализация культуры, потеря её аутентичности). Одним из существенных факторов, оказывающих влияние на жизнь наси, как и других нацменьшинств КНР, в настоящее время является ханизация. Seriously стоит и проблема национальной самоидентификации среди молодёжи наси, которая в первую очередь определяет свою принадлежность к «единой китайской нации» (чжунхуа миныйцу), и лишь во вторую очередь — к наси.

Список использованной литературы

Источники

Документы государственных и партийных органов власти.

На русском языке

1. Временная Конституция, 1912. <https://worldconstitutions.ru/?p=569> (1.02.2019)
2. Конституция Китайской Народной Республики. Изд-во литературы на иностранных языках. Пекин, 1954.
3. Конституция Китайской Народной Республики, 1975 г. // Конституционные акты Китая. Хрестомантия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 101-106
4. Конституция Китайской Народной Республики, 1978 г. // Конституционные акты Китая. Хрестомантия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 106-115
5. Конституция Китайской Народной Республики, 1982 г. <https://chinahelp.me/information/konstitutsiya-knr-1982-g-s-izm-1988-1993-1999-2004-gg> (1.02.2019)
6. Конституционная программа Китайской Советской Республики. I ССРКСП, 1934. // Конституционные акты Китая. Хрестомантия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск, 2014. С. 44-55.

На китайском языке

7. 2010 нянь Лицзянши ди лю цы цюаньго жэнькоу пуча чжуюо шуцзюй гунбао. (Статистический бюллетень Всекитайской шестой переписи населения 2010 г. по городу Лицзян. 2010) / <https://wenku.baidu.com/view/81dc0b681eb91a37f1115ca7.html> (1.02.2019)
8. 2015 нянь Лицзян ши чжэнфу гунцзо баогао цюаньвэнь. 2015 年丽江市政府工作报告全文 (Полный текст доклада о работе правительства города Лицзяна в 2015 г.). <http://www.gkstk.com/article/1425249947277.html>
9. Ди и цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао. 1953. 第一次全国人口普查公报 (Официальный бюллетень первой всеобщей переписи Китая. 1953.) http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/200204/t20020404_30316.html (1.02.2019)
10. Ди лю цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао. 2010. 第一次全国人口普查公报 (Официальный бюллетень шестой всеобщей переписи Китая. 2010) <http://www.stats.gov.cn/ztjc/zdtjgz/zgrkpc/dlcrkpc/> (1.02.2019)
11. Ди сань цы цюаньго жэнькоу пуча гунбао. 1982. 第三次全国人口普查公报 (Официальный бюллетень первой всеобщей (Официальный бюллетень третьей всеобщей переписи Китая. 1982.) http://www.stats.gov.cn/tjsj/tjgb/rkpcgb/qgrkpcgb/200204/t20020404_30318.html (1.02.2019)
12. Лицзян насицзу цзычжисянь Юйлун сюэшань гуаньли тяоли 丽江纳西族自治县玉龙雪山管理条例 (Положение об управлении Юйлун сюэшань Лицзян-Насиского автономного уезда. 1993) <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%BD%E6%B1%9F%E7%BA%B3%E8%A5%BF%E6%97%8F%E8%87%AA>

- <https://baike.baidu.com/item/%E6%B2%BB%E5%8E%BF%E7%8E%89%E9%BE%99%E9%9B%AA%E5%B1%B1%E7%AE%A1%E7%90%86%E6%9D%A1%E4%BE%8B/1392305?fr=aladdin> (1.02.2019)
13. Лицзянь насицзу цзычжисянь цзычжи тяоли 丽江纳西族自治县自治条例(Положение об автономии Лицзянь-Насиского автономного уезда. 1990). <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%BD%E6%B1%9F%E7%BA%B3%E8%A5%BF%E6%97%8F%E8%87%AA%E6%B2%BB%E5%8E%BF%E8%87%AA%E6%B2%BB%E6%9D%A1%E4%BE%8B/18579345?fr=aladdin> (1.02.2019)
  14. Лицзянь цю гэ миньцзу дайбяо хуэйи цзунцзе баогао 丽江区各民族代表會議總結報告(Сводный отчёт о совещании представителей всех народов района Лицзянь) // Юньнань чжэнбао, 1950. №6, С.10
  15. Миньцзу чжэнцэ вэньцзянь хуэйбянь 民族政策文件汇编(Сборник директивных документов национальной политики). Жэньминь чубаньшэ, Пекин, 1958. Кн.1
  16. Чжунго гунчаньдан ди эр цы цюаньго дайбяохуэй сюаньянь 中国共产党第二次全国代表大会宣言(Декларация второго съезда КПК). <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AC%AC%E4%BA%8C%E6%AC%A1%E5%85%A8%E5%9B%BD%E4%BB%A3%E8%A1%A8%E5%A4%A7%E4%BC%9A%E5%AE%A3%E8%A8%80/6149281?fr=aladdin> (1.02.2019)
  17. Чжунго гунчаньдан лиши сюэси цанькао цзяляо. 中国共产党历史学习参考加料(Справочные материалы по изучению истории КПК). Пекин, 1961. Кн.1.
  18. Чжунго гунчаньдан чжанчэн. 中国共产党章程(Устав КПК). http://www.qstheory.cn/llqikan/2017-12/03/c_1122049483.htm (1.02.2019)
  19. Чжунгун лю чжун цюаньхуэй цзюэи хэ сюаньянь. 中共六中全会决议和宣言(Постановления и декларации 6-го пленума ЦК КПК) // Синхуа жибао гуань, Пекин, 1938. С.42
  20. Чжунхуа жэньминь гун хэ го миньцзу цюйюй цзычжи фа (1984 няньбань). 中华人民共和国民族区域自治法(Закон о национальной автономии КНР). (1984) <http://www.hebmtz.gov.cn/html/flfg/20181207/877.html> (1.02.2019)
  21. Чжунхуа жэньминь гун хэ го миньцзу цюйюй цзычжи шиши ганяо (1952). 中华人民共和国民族区域自治实施纲要. (Основные принципы осуществления местной национальной автономии в КНР (1952) // Сицзян чжэн бао, 1952. №8. С.11
  22. Юйлун насицзу цзычжисянь жэньминь чжэнфу гуаньюй тяочжэн чунши юйлун сянь наси дунба вэньхуа шуцзыхуа баоху чуаньмэй чжунсинь сяньму линдао сяоцзу дэ тунчжи. 玉龙纳西族自治县人民政府关于调整充实玉龙县纳西东巴文化数字化保护传媒中心项目领导小组的通知(Сообщение Народного правительства Юйлун-Насиского автономного уезда о регулировании содержания сообщения группы руководителей проекта медиа-центра уезда Юйлун по защите и оцифровыванию наследия культуры дунба). (2008) <http://www.yulong.gov.cn/Item/8632.aspx> (1.02.2019)
  23. Юньнаньшэн Лицзянь лиши вэньхуа минчэн баоху гуаньли тяоли. 云南省丽江历史文化名城保护管理条例(Положение провинции Юньнань о сохранении и защите известного культурно-исторического города Лицзянь. <http://www.chinaacc.com/new/63/74/117/2006/1/li364019403619160025488-0.htm> (1.02.2019)
  24. Юньнаньшэн Лицзянь-Насицзу цзы чжи сянь дунба вэньхуа баоху тяоли 云南省丽

- 江纳西族自治县东巴文化保护条例 (Положение провинции Юньнань об охране культуры дунба Лицзян-Насиского автономного уезда. 2001). <http://www.chinalawedu.com/falvfagui/fg22598/145674.shtml> (1.02.2019)
25. Юньнаньшэн Лицзян-Насицзу цзы чжи сянь линье гуаньли тяо ли 云南省丽江纳西族自治县林业管理条例 (Положение о лесном хозяйстве Лицзян-Насиского автономного уезда провинции Юньнань). 1993. <http://www.chinacourt.org/law/detail/1993/04/id/73152.shtml> (1.02.2019)
26. Юньнаньшэн Лицзян-Насицзу цзы чжи сянь чэнши шижун хэ хуаньцзинвэйшэн гуаньли тяоле 云南省丽江纳西族自治县城市市容和环境卫生管理条例 (Положение Лицзян-Насиского автономного уезда об охране облика города и чистоты окружающей среды). 1999. http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=34176 (1.02.2019)

Литература

На русском языке

27. Богословский В.А., Москалёв А.А. «Национальный вопрос в Китае (1911-1949)».
28. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР. Изд. Политической литературы, 1975
29. Воскресенский Д.Н. «В краю Дунба». – Журнал «Восточная коллекция», #3, 2001, с.84-103
30. Грачева Ю.А. Особенности семейно-брачных отношений народа наси и этнической группы мосо // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. – [1031] стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 18 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 281-284.
31. Грачева Ю.А. Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. – [1031] стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 18 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 285-305.
32. Грачева Ю.А. Прошлое и настоящее народа наси. Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. – 900 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 15 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 146-164.
33. Грачева Ю.А. Положение народа наси в КНР в первое десятилетие реформ и открытости // "Проблемы Дальнего Востока", №6, 2015. С.102-115
34. Грачева Ю.А. Три жемчужины «Дунба цзин» // "The ninth European Conference on Languages, Literature and Linguistics". 23th November, 2015. Austria, Vienna. С.79-86
35. Гулларт П. Забытое королевство. М, 2012. <https://www.libfox.ru/463397-petrgulyar-zabytoe-korolevstvo.html> (1.02.2019)
36. Завьялова О.И. Языковая политика в современном Китае: защищенное единство в условиях глобализации // Китай в эпицентре глобальных проблем АТР. Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивили-

- зация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 16–18 октября 2013 г.). М., 2013. С. 460–462.
37. Завьялова О.И. Официальные и неофициальные составляющие языковой ситуации в КНР // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. М.: ИД «Форум», 2014. С. 207–215.
  38. Итс Р.Ф. «Этническая история юга Восточной Азии». Л., 1972
  39. Казанин М.И. Национальный состав Китая. // Проблемы Китая №11. Партиздат, 1933.
  40. Кара-Мурза Г. К постановке национального вопросы в Китае. // Проблемы Китая. № 13, Партиздат, 1934.
  41. Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика. Идеология. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». М., 1980. С. 76–77)
  42. КНР. Конституция и законодательные акты. Пер. с китайск.- М. Прогресс, 1984
  43. Кузнецов Д.В. Конституционные акты Китая. Хрестоматия. Благовещенск, 2014. http://kuznetsov.ucoz.org/books/konstitucionnye_aktu_kitaja.pdf (1.02.2019)
  44. Кычанов Е.И. «Сычуаньские цянны». - Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
  45. Кычанов Е.И. «История Тибета с древнейших времен до наших дней». М., 2005
  46. Лазарева Т.В. Национальная политика в свете «Плана развития национальных районов Китая на 12-ю пятилетку» // Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М.Л. Титаренко. — М.: ИД «ФОРУМ», 2014. С. 224–235
  47. Лазарева Т.В. Национальная политика Китая // Доклады ИДВ РАН. 2010. М., ИДВ, 2011. С. 93–201.
  48. Махмутходжаев М.Х. Национальная политика гоминьдана (1927–1937). М., 1986. С. 42
  49. Москалев А.А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). Москва, 1992.
  50. Москалев А.А.. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М., Памятники исторической мысли, 2001.
  51. Наш человек в Китае, 1997. – Наш человек в Китае. - National Geography, #1, 1997, - <http://www.hi-braa.spb.ru/articles/article.php?num=1&color1=%3Cfont%20color=ffcc00%3E> . - 2009 (1.02.2019)
  52. Непомнин, 2005 – Непомнин О.Е. «История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века». М., 2005
  53. Островская-младшая Е.А. Тибетский буддизм. Спб, 2002.
  54. Решетов, 1964 – Решетов А.М. «Матрилинейная организация у наси/мосо». – VII международный конгресс антропологических и этнографических наук, 1964, с. 1–8.
  55. Серебрякова Ю.А. «Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры» // Вестник Бурятского государственного университета, №6, 2012.
  56. Си Цзиньпин. Доклад на 19-м Всекитайском съезде КПК. http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (1.02.2019)
  57. Сунь Ятсен. Избранные произведения. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985.
  58. Ху Цзиньтао. Доклад на 18-м Всекитайском съезде КПК. <http://russian.people.com.cn/31521/8023957.html> (1.02.2019)

На английском языке

59. Ancient Naxi Dongba Literature Manuscripts. <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/flagship-project-activities/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-1/ancient-naxi-dongba-literature-manuscripts/> (1.02.2019)
60. Albert Terrien de Lacouperie, 2004. <http://www.umass.edu/wsp/sinology/persons/lacouperie.html> (1.02.2019)
61. Bockman, 1989. – Bockman H. «The Typology of the Naxi Tomba Script». - Chien Chao & Tapp, Nicholas (eds). Ethnicity and Ethnic Groups in China. = New Asia Academic Bulletin VIII, Chinese University of Hong Kong, 2008, pp.149-156
62. Bradley, 1997. - D. Bradley. Tibeto-Burman languages and classification. In D. Bradley (Ed.), Papers in South East Asian linguistics: Tibeto-Burman languages of the Himalayas. No. 14, pp. 1–71. Canberra: Pacific Linguistics.
63. Cordier, 1908 - H.Cordier. «Les Mo-sos». Leiden, 1908
64. H.R.Davies. Yunnan. 1909. Cambridge University Press, 2010.
65. Dobbins Peggy Powell, Dobbins Michael A., Hu Ying. Transference and Creation of Naxi Traditional Culture through Modern and Global Processes. A Presentation to the Naxi Panel of the 16th World Anthropology and Ethnology Meetings in Kunming, Yunnan, PRC. June, 2009. <http://www.peggydobbins.net/naxitraditionalculture/1guogaohu.html>
66. Goullart, 1957 – Goullart P. «Forgotten Kingdom». London, 1957. - http://pratyeka.org/books/forgotten_kingdom/
67. Ember, Ember, 2004 - Carol R.Ember, Melvin Ember «Encyclopedia of sex and gender: men and women in the world's cultures», Vol.1. NY., 2004.
68. Kai-Shek, 1947 - Chang Kai-Shek. China's destiny and Chinese economic theory. New York, 1947.
69. Chao, 2013 – E. Chao. Lijiang Stories: Shamans, Taxi Drivers, and Runaway Brides in Reform-Era China. University of Washington Press, 2013.
70. Fisher, 1978 - James F. Fisher «Himalayan anthropology: the Indo-Tibetan interface». Mouton, 1978
71. Jianxin Zhang, Jef C. Verhoeven. Access to Higher Education of 25 Ethnic Minorities in Yunnan Province, SW, China. // Frontiers of Education in China, Beijing, Higher Education Press and Springer, 2010, 5(2). P. 290-308
72. Halskov Hansen, 1999 – Halskov Hansen M. «Lessons in being Chinese. Minority education and Ethnic Identity in Southwest China». Hong Kong, 1999
73. Hua Cai, 2001- Hua Cai. «A Society without Fathers or Husbands: The Na of China». NY, 2001
74. Laufer, 1916 – B.Laufer. The Nichols Mo-so Manuscript. // Geographical Review, Vol.1, No.4 (Apr., 1916), pp.274-285.
75. Legerton, Rawson, 2009 – Legerton C., Rawson J. «Invisible China: a journey through the ethnic borderlands». Chicago, 2009.
76. Lidz, 2006 – A.Lidz.A Synopsis of Yongning Na (Mosuo). The 39th International Conference on Sino-Tibetan Languages and Linguistics University of Washington, Seattle September 15-17, 2006.
77. Mao-ji, 1983 - Mao-ji Fu. «La famille matriarcale et les termes de parente chez les

- Naxi de Yongning (district Ninglang, Yunnan, Chine)». - Cahiers de linguistique - Asie orientale, vol. 12, #1, 1983. pp. 23-42.
78. Michailovsky, Michaud, 2006 — B. Michailovsky, A. Michaud. Syllabic inventory of a Western Naxi dialect, and correspondence with Joseph F. Rock's transcriptions. - Cahiers de linguistique - Asie Orientale. V.35, issue 1, pp.3-21
  79. Milnor, 2006 – Milnor S.J. «A Comparison Between the Development of the Chinese Writing System and Dongba Pictographs». - University of Washington Working Papers in Linguistics, vol. 24 (2005), eds. Daniel J. Jinguji and Steven Moran, pp 30-45
  80. Mueggler, 1991 – Mueggler E. «Money, the Mountain, and State Power in a Naxi Village». - Modern China, Vol.17, #2, 1991, pp.188-226
  81. Naxi and the Net, 2009 - «Naxi and the Net: “Modernization” and Digital Culture in Minority Frame». - 7th Chinese Internet Research Conference.-University of Pennsylvania, Philadelphia, PA. May 27-28, 2009.
  82. Oppitz, 1998 – M. Oppitz. «Naxi and Moso Ethnography», Zurich, 1998
  83. Olson, 1998 – F. Olson. «An ethnohistorical dictionary». Westport, 1998
  84. Ramsey, 1987 - S. Robert Ramsey. «The languages of China». Princeton, 1987
  85. Rock, 1937.- J.F.Rock. «Studies in Na-khi literature». - Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient, Vol, 37, 1937, pp. 1-120.
  86. Rock, 1939. - J.F.Rock. «The Romance of K'a-ma-gyu-mi-gkyi». - Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient, Vol. 39, 1939, pp. 1-152.
  87. Rossabi, 1970 - M. Rossabi. The tea and horse trade with Inner Asia during the Ming // Journal of Asian History. 1970. Vol. 4, No. 2, Pp. 136-168
  88. Solinger, 1976 - J.C.Solinger. The Yunnan Provincial Faction 1927-1937. Australian National University, 1976.
  89. Solinger, 1977 - D.J.Solinger. Regional government and political integration in Southwest China, 1949-1954. University of California Press, 1977.
  90. Stockwell, 2003 - Stockwell F. «Westerners in China: a history of exploration and trade, ancient times through the Present». London, 2003
  91. Science in China, 2004 - The origin of Mosuo people as revealed by mtDNA and Y chromosome variation», Science in China Ser. C Life Sciences 2004 Vol.47 No.1 1-10
  92. «The botanist», NY., #16, 2004, c.4-6
  93. Tiedemann, 2009 - R. G. Tiedemann. Reference Guide to Christian Missionary Societies in China. M.E. Sharpe, 2009. P.232.
  94. Vassal, 1922 - G.M.Vassal. In, round Yunnan fou. London, 1922. Pp.50-51.
  95. White, 1997 - Sydney D. White. «Fame and Sacrifice the Gendered Construction of Naxi Identities». - Modern China, Vol.23, #3, 1997, pp 298-327
  96. Ma, Menzies, 2008 - Wonsuk Ma, Robert P. Menzies. Pentecostalism in Context: Essays in Honor of William W. Menzies. Wipf and Stock Publishers, 2008 г. Pp.344-345
  97. Xiaobo, Teo, 2009 - Xiaobo Su, Peggy Teo. The Politics of Heritage Tourism in China: A View from Lijiang. Routledge, 2009. P.96
  98. Xiao, 2008 - Xiao Linguo. State and Ethnicity in China's Southwest. Brill, 2008. P.144
  99. Xu Ying, 2007 – Xu Ying. «Ethnic minorities of China». Пекин, 2007
  100. Yunnan Naxi language teaching. <http://www.austrosinoartsprogram.org/blog/yunnan-naxi-language-teaching>

На кита́йском языке

101. Бао Эрхань. Цзай чжунго гунчаньдан дэлиндао ся цзяцянь миньцзунинцзюли. (Укреплять дружбу и сплоченность всех национальностей под руководством КПК) 在中国共产党的领导下加强民族凝聚力// Юньнань чжэнбао, 1951. №6, С.11
102. Бо Маосюнь. (Проект фонетической транскрипции китайского языка ускорил развитие культур братских народов) 汉语拼音方案促进了兄弟民族文化的发展// Юйвэнь узьяньшэ, 1962. №2, с. 15
103. Бянь Цзичжи. Чуанчжи хэ гайцзинь дэ миньцзу вэньцзы шаошу миньцзу вэньцзы чуанчжи дэ у юаньцзэ (5 принципов создания разработки и улучшения национальной письменности национальных меньшинств). 创制和改进的民族文字少数民族民族文字创制的五原则. <http://www.qqxiuzi.cn/wz/zixun/1153.htm> (1.02.2019)
104. Ван Вэйчжоу. Синань цюй миньцзу гунцзо дэ баогао (Рабочий доклад о народах Юго-Западного района) 西南区民族工作的报告 // Юньнань чжэнбао, 195. №8. С. 19-21.
105. Ван Гуан. Лицзян дицю шифань сюэсяо сяоши.. (История педагогических училищ района Лицзяна (1956-1990)) 丽江地区师范学校校史 (1956-1990). Куньмин, 1991.
106. Ван Фа. Наси юй чжуанье цзинь гаосяо. (Специальность язык наси входит в ВУЗы) 纳西语专业进高校 // Юньнань жибао, 2.06.2006. <http://news.sina.com.cn/s/2006-06-02/10179100906s.shtml> (1.02.2019)
107. Ван Жуйпин. Циндай гайту гуйлю чжэнцэ дуй насицзу дэ инсян (Влияние политики реформ гайлю на народ наси в эпоху династии Цин) 清代改土归流政策对纳西族的影响 // Шанцю шифан сюэюань сюэбао, 2004 №4. С.77
108. Ван Ичжун. Юньнань миньцзу ганьбу цзай цюньчжун юньдун чжун чэнчжан (Национальные кадры Юньнани формируются в процессе народного движения) 云南民族干部在群众运动中成长// Чжунго миньцзу, 1959. №06, С.23
109. Ван Ниншэн. Наси цзу фангу са у нянь. (Имитация древних связок в восемьдесят раковин-каури у наси). 纳西族仿古卅五年 // Шаньдун хуабао, 1997. №3, С.20
110. Ван Яофэнь, Хэ Юэ. Наси цзу шиюн сяньчжуан цзици вэйху. (Сохранение и существующее положение использования языка наси) 纳西族使用现状及其维护// Кэцзи чуансинь даобао, Пекин, 2008. №20, С.165-166
111. Во го шаошу миньцзу юйянь вэньцзы (Язык и письменность малочисленных народов Китая) 我国少数民族语言文字// Чжунго миньцзу, 1958 № 2. С. 7
112. Гао Хунин. Лицзян Даянь чжэнь насицзу юйянь вэньхуа баоху сяньчжуан (Текущее положение охраны языка и культуры народа наси в посёлке Даянь в Лицзяне) 丽江大研镇纳西族语言文化保护现状// Дагуань чжоукань. Куньмин, 2012 (41). С. 42-43
113. Го Хай, Гао Цзиньшань, Чжао Цзинин. Наси сянсинвэнь ладин пиньинь шужу фанань шэцзи цзи шисянь (Реализация концептуального проекта по вводу пиктограмм наси на основе латинского пиньиня) 纳西象形文拉丁拼音输入方案设计及实现// Цзисуаньцзи инюн юй жуаньцзянь. Шанхай, 2009, 26(5). С. 50-52
114. Го Цинци. Шисянь лян, чжу вэй чжунсинь дэ нуне шэнчань цзмсюй юэцзинь (Реализация ядра сельскохозяйственного производства — зерновых и свинины — продолжает продвигаться вперёд) 实现粮、猪为中心的农业生产继续跃进 // Чу-

- анцзао (Creation), 1960 №1. С.6-7
115. Го Цзучжао. Юньнань Лицзян дифан чань ма гайкуан (Сведения о положении коневодства в Лицзяне провинции Юньнань) 云南丽江地方产马概况 // Юньнань шэн нунлитин чу му шияньчань. Куньмин, 1954, №3. С. 106-107
116. Гэ Чэнянь. Лунь миньго шици Лицзян наси цзю дэ сюэсяо цзяюй (К вопросу о школьном образовании народа наси в республиканский период) 论民国时期丽江纳西族的学校教育 // Юньнань дасюэ. 2015. С.12-13
117. Гу ханьюй чан юн цзы цзыдянь (Словарь часто употребляемых иероглифов древнего китайского языка) 古汉语常用字字典. Пекин, 2010.
118. Дай Сяомин. Синь Чжунго миньцзу фачжи цзяньшэ: шици чжи цзяо дэ хуэйгу юй цяньчжань. (Этноправовое строительство в Новом Китае: ретроспективный взгляд и перспективы на рубеже столетий) 新中国民族法制建设:世纪之交的回顾与前瞻 // Миньцзу яньцзю, 1999. №5. С.26-27.
119. Дай Яньчунь. 20 шици 80 няндай илай Юньнань шаошу миньцзу цзяюй юхуэй чжэнцэ цзяньшу. (Краткое изложение льготной образовательной политики в отношении национальных меньшинств в провинции Юньнань с 80-х годов XX века). 20 世纪 80 年代以来云南少数民族教育优惠政策简述 // Сюэшу таньсо, Куньмин, 2013, №9, С. 141-144.
120. Дицин цзанцзу цзычжичжоу чжи (Описание Дечен-Тибетского автономного округа) 迪庆藏族自治州志. Юньнань миньцзу чубаньшэ, Куньмин, 2001.
121. Дин Липин. Насицзу дэ чуаньтун инюн цзишу (шан) (Традиционные прикладные технологии народа наси) 纳西族传统引用技术 (上) // Юньнань миньцзусюэюань бао, 1993 №4 С. 49-53
122. Дуань Сунтин. Миньго чуци дэ Лицзян сянь шиэ гайко (Общие сведения о торгово-промышленной деятельности в уезде Лицзян в начале Республиканского периода) 民国初期的丽江市事业概况 // Лицзян вэньши цайляо. Лицзян. 1988 (6), С.93
123. Дунба вэньхуа дэ шэньци ицай. (Божественный свет культуры дунба) 东巴文化的神奇异彩. http://www.china.com.cn/aboutchina/zhuanti/2009-07/28/content_18222827.htm (1.02.2019)
124. Дэн Сяопин вэньсюань. 邓小平文选. (Избранные сочинения Дэн Сяопина). Т.2. Пекин, 1994.
125. Е Цю. Лицзян син (Путешествие в Лицзян) 丽江行 // Вэнь у, 1961. №02, С.40
126. Жэнь Найцян. Цянцзу юаньлю таньсо. (Исследование происхождения народа цян) 羌族源流探索. Чунцин, 1984.
127. Куан Хаолин, Ян Лицзю. Цзиньдай во го шаошу миньцзу дицзюй дэ япьянь духай вэньти (Проблемы опиумных отравлений в новое время среди малочисленных народов Китая) 近代我国少数民族地区的鸦片毒害问题 // Чжунго цзинцзи ши яньцзю. 1986, №4. С.133-134.
128. Ли Дэчжу. Юйлун наси цзу цзычжи сянь гай куан (Положение Юйлун-Насиского автономного уезда) 玉龙纳西族自治县概况. Пекин, 2008.
129. Ли Жумин. Лицзян наси цзу цзычжи сянь (Лицзян-Насиский автономный уезд) 丽江纳西族自治县. Куньмин, 2001.
130. Ли Цзин. Юньнань чжи (Очерк о Юньнани) 云南志. 2015. <http://wenxian.fanren8.com/06/05/15.htm> (1.02.2019)
131. Ли Цзиншэн. Наси цзу дунба юйянь вэньцзы вэньцзысюэ сюэшу таолунь хуэй

- цзай Лицзян цзюйсин.(В Лицзяне проведена научная конференция по речи и письму дунба народа наси) 纳西族东巴语言文字学学术讨论会在丽江举行// Миньцзуюйвэнь, Пекин, 1988, №3, С. 29.
132. Ли Цзиншэн. Насицзу дунба вэньцзы гайлунь (Общий обзор письменности дунба народа наси) 纳西族东巴文字盖伦. Куньмин, 2009
133. Лицзян жибао. «Ши эр у» ци цзянь Лицзян ши чжаошан инцзы чэнцзю хуэйхуан. “十二五”期间丽江市招商引资成就辉煌 (Успешные достижения в области привлечения инвесторов в г. Лицзяне в период 12-ой пятилетки). http://lijiang.yunnan.cn/html/2015-12/16/content_4069331.htm (1.02.2019)
134. Ли Цянкэ. Миньгэ (наси цзу) (Народная песня (наси)) 民歌 (纳西族) // Юньнань цзяо юй. 1959, 02. С.28
135. Лин Шэнь. Ци и, цян, наси цзу дэ «ян гу бу» (Древнее гадание на бараньих костях у и, цян и наси) 记彝、羌、纳西族的“羊骨卜”// Каогу сюе. Пекин, 1963, №3, С.162-166
136. Лицзян гучэн минюнь. 丽江古城命运. (Судьба древнего города Лицзяна) // Лицзян жибао. 丽江日报. (Ежедневная газета Лицзян). 22.05.2004. С.16
137. Лицзян и чжунсяо чжи (Описание средней школы в Лицзяне) 丽江一中校志 Куньмин, Юньнань миньцзу чубаньшэ, 2005.
138. Лицзян наси цзу цзычжи сянь чжи (Описание Лицзян-Насийского автономного уезда) 丽江纳西族自治县志. Юньнань миньцзу чубаньшэ, Куньмин, 2001.
139. Лицзян сянь гэмин ши (История революции в Лицзяне) 丽江县革命史. Куньмин, Юньнань женьминь чубаньшэ, 1999.
140. Лицзян чжуаньшу чэнли илай дэ гунцзо цзунцзе баогао 丽江专属成立以来的工作总结报告 (Сводный рабочий отчёт за время образования правительства Лицзяна) // Юньнань чжэн бао, 1950. №6. с.83-88.
141. Ли Цзе. Лицзян насицзу вэньхуа дэ фачжань бяньцзянь (Эволюция развития культуры наси в Лицзяне) 丽江纳西族文化的发展变迁. Пекин, 2007
142. Лэй Минь. Гайгэ кайфан илай юньнань миньцзу гуаньси фачжань дуй шаошу миньцзу вэньхуа дэ инсфн — и юньнань лицзян наси цзу вэйле (Влияние развития межэтнических отношений в провинции Юньнань в период реформ и открытости на культуру нацменьшинств) 改革开放以来云南民族关系发展对少数民族文化的影响 ——以云南丽江纳西族为例. Сибэй миньцзу дасюэ, 2009.
143. Лю Цзи. Цзиду цзунцзю цзай Лицзян дэ чуаньбо яньцзю. (Исследование распространения христианской религии в Лицзяне) 基督宗教在丽江的传播研究// Дачжун вэньи. 2010 №9. С.13-14.
144. Люй Доу. Насицзу дэ “Цилао гэхуэй”. («Песенный ансамбль стариков» народа наси) 纳西族的“耆老歌会”// Жэньминь иньюэ. Пекин, 15.12.1958, С.30
145. Лян Шуан. Муши тусы яньцзю. (Исследование тусы клана Му). 木氏土司研究. Чэнду, 2012.
146. Ма Сюэлян, Дай Цинся. Шихуэйчжуи шици ши миньцзу фаньжун фачжань дэ лиши шици. (Период социализма — эпоха развития и расцвета национальных языков). Миньцзу юйвэнь. 社会主义时期是民族语文繁荣发展的历史时期.1980, №2. С.17
147. Ма Сяо-и, Чжу Линь. Наси цзу синь чуан вэньцзы яньцзю цзуншу. (Обзор исследований новой созданной письменности народа наси) 纳西族新创文字研究综述// Хубэй миньцзу сюэюань сюэбао, 2009, №5, С.97-102.

148. Ма Чжиминь. Чжунго гунчандан юньнань миньцзу гунцзо яньцзю. (Рабочее исследование КПК национальностей Юньнани) 中国共产党云南民族工作研究 . Чжунян миньцзу дасюэ, 2006. С.107-112
149. Му Шалун, Хэ Цзиньюй. Нацси цзу жэнь дэ ге юэ чан юэ до (Всё больше и больше исполняется песен народа нами) 纳西人的歌越唱越 // Жэньминь вэньсюэ. 1960-10-27. С.7-8
150. Ма Шаохун. Минцзк дицю чисюй фачжан дэ фачжи цзичу яньцзю (Базовое исследование верховенства права устойчивого развития национальных районов) 民族地区可持续发展的法治基础研究 // Юньнань дасюэ сюэбао фасюэ бань. Куньмин, 2010. С.7
151. Мао Цзедун. Сюаньцзи. Избранные произведения) 选集. Т.4, М.,1953.
152. Мао Цзедун. Сюаньцзи. (Избранные произведения) 选集 . Т4, Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках. 1969.
153. Мао Цзедун. Сюаньцзи. (Избранные произведения) 选集 . Т5, Пекин, Изд-во литературы на иностранных языках. 1977.
154. Насицзу. 纳西族 (Народ нами). Урумчи, 2009
155. Наси цзу дунба цзиндянь минцзюй хуань шан (Анализ классических сказаний нами – дунба) 纳西东巴经典名句欣赏. Куньмин, 2003.
156. Наси цзу вэньхуа дагуань. (Большой обзор культуры народа нами) 纳西族文化大观. Куньмин, 1999
157. Наси цзу хуацзя Чжоу Линь цзай цзин цзюйсин хуачжан (Насиский художник Чжоу Линь провёл выставку картин в столице) 纳西族画家周霖在京举行画展 // Мэйшу. 1963. №5. С.21
158. Наси цзу цзяньши. (Краткая история народа нами) 纳西族简史. Комитет по исследованию национальностей Китайской академии наук. Пекин, 1962.
159. Наси цзу шэхуэй лиши дяоча. (Справочные материалы по обществу и истории народа нами) 纳西族社会历史调查 . Кн. 2. Миньцзу чубаньшэ, Пекин, 2009,
160. Наси цзу юаньши цзунцзяо цзи шэхуэй сысян сюэшу таолунь хуэй цзуншу. (Научная конференция по исконной религии народа нами и общественной мысли) 纳西族原始宗教及社会思想学术讨论会综述 // Сысян чжаньсянь, Куньмин, 1990, №1, С.94
161. Нгапо Нгаванг Джигме. Цзяцян лифа гунцзо баосянь гэ шаошу миньцзю дэ пиндэн цзычжи цюаньли. (Усиление законотворчества, гарантирующего равные права всех автономий национальных меньшинств) 加强立法工作保障各少数民族的平等自治权利 // Чжунго миньцзу. 1980 №3, С.13-17
162. Нинлан ицзу цзячжи сяньчжи. (Описание Нинлан-Ийского автономного уезда) 宁蒍彝族自治县志 . Куньмин, Юньнань миньцзу чубаньшэ, 1993.
163. Нинлан. (Нинлан) 宁蒍 . Юньнаньшэн бяньцзицзу, 1988.
164. Оу Гэнь. Миньцзу вэньхуа гунцзо бисюй юй данцянь дэ чжэнчжи, шэнчан доучжэн мице цзехэ. (Этнокультурная работа должна быть тесно связана с текущей политической, производственной борьбой) 民族文化工作必须与当前的政治、生产斗争密切结合 // Миньцзу яньцзю, Ethno-national Studies, 1959. №1. С.7-13
165. Рок Дж. Чжун го синань гу нами цзу ванго. (Древнее государство нами в Юго-Западном Китае) 中国西南古纳西族王国. Куньмин, 1999.
166. Сандэ Нова. Дунба иньюэ. (Музыка дунба). 东巴音乐. Пекин, 2010

167. Сун Энъчан. Наси цзу дэ муси цзятин. (Матриархальная система народа наси) 纳西族的母系家庭// Чжунго миньцзу. Пекин, 1962№8, С.32-39.
168. Сун Чжаолинъ. Юньнань Юннин наси цзу дэ цзансу (Погребальные традиции народа наси Юннина провинции Юньнань) 云南永宁纳西族的葬俗// Каогу, 1964. №4. С.200-204
169. Сюй Цзешунь, У Чжэнфу. Юньнань шэн цзяоюй чжэнцэ каоча баогао. (Доклад об исследовании национальной образовательной политики в провинции Юньнань) 云南省教育政策考察报告. // Гуанси миньцзу сюэюань сюэбао (Чжэ шэ бань), 2007, №.27, Р. 12-16.
170. Сюй Юньнань тунчжи чанбянь. (Географическое описание провинции Юньнань). Юньнань шэн чжи бянь гунвэй юаньхуэй баньгун гунши бяньин, 2017.
171. Сяо дуй гунцзо е инлай игэ юэцзинь 校对工作也应来一个跃进(Работа корректоров тоже совершает прорыв) 续云南通志长编// Жэньминь иньюэ, 1959. №1. С.14
172. Ту. Наси цзу сясин вэньцзы (Пиктографическое письмо наси). 纳西象形文字 // Вэньцзы гайгэ. Пекин, 1962, №8. С.1
173. Тянь Лицзюнь. Миньцзу, шэхуэй юй гоцзя — миньго шици дэ бяньцзян юй шехуэй яньцзю. (Народы, общество и государств - «Исследование приграничных территорий и общества в Республиканский период (1911-1949)» обзор научной конференции) 民族、社会与国家——“民国时期的边疆与社会研究(1911-1949)” 学术研讨会综述// Миньго данань. Чэнду, 2014 №4. С.137-141.
174. У Цзэлинь. Мосо жэнь чжи шэхуэй цзучжи.(Структура общества мосо) 摩梭人之社会组织// Бяньчжэн гунлун. 1945, №4.
175. Фу Маоцзи. Банчжу шаошу миньцзу гэли, гайчжунь хэ гайгэ вэньцзы гунцзо дэ цинкуан хэ цзяньти (Положение и вопросы касательно помощи меньшинствам в подготовке и проведении реформы письменности) .帮助少数民族割立,改准和改革文字工作的情况和简题. // Кэсюэ тунбао, Пекин. 1956. С. 20
176. Фу Маоцзи. Ханьюй пиньинь фанань цуцзинь лэ сунди миньцзу вэньхуа дэ фачжань (Проект пиньиня китайского языка способствует развитию культуры братских народов) 汉语拼音方案促进了兄弟民族文化的发展 // Юйвэнь цзяньшэ, Пекин, 1962№2, С.2.
177. Фэй Сяотун. Гуаньюй во го миньцзу дэ шибе вэньти. (О различных проблемах национальных меньшинств в стране) 关于我国民族的识别问题. Чжунго шэхуэй кесюэ, Пекин, 1980.
178. Фэн Му. Мосо жэнь дэ цзясян. (Родина народа мосо). 摩梭人的家乡// Жэньминь вэньсюэ. Пекин, 1963№6, С.40-45.
179. Хуан Ша. Насицзу гоцзя жэньтун дэ лиши юй сяньчжуан. (Национальное самосознание наси — история и современное положение). 纳西族国家认同的历史与现状. Юньнань хиньчжэн сэюань сюэбао, 2014
180. Хэ Баолин. Юаньгу люлай дэ шэнцюань – дунба вэньхуа юй насицзу. (Святыни древности: культура дунба и народ наси) 远古留来的神权 – 东巴文化与纳西族. Куньмин, 2004
181. Хэ Кэчунь. Шоуху наси цзу юйянь шэнтайлунь (К вопросу о сохранении среды языка наси) 守护纳西族语言生态论// Лицзян шифань гао дэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао, 2015. №2, С. 27-30

182. Хэ Сян-у. Юйлун сянь саньдо цзе ходун аньпай фэнфу доцай. (Богатая и разнообразная организация праздника саньдо в уезде Юйлун) 玉龙县三朵节活动安排丰富多彩. http://www.ljs.gov.cn/news/article/2014-02/19/content_123047.htm (1.02.2019)
183. Хэ Цзижэнь, Чжоу Яовэнь. Юньнань шэн шаошу миньцзу юйянь ицяндэ яньцзю дагуань. (Обзор прошлых работ по языкам национальных меньшинств провинции Юньнань) 云南省少数民族语言以前研究大观. Куньмин, 1980.
184. Хэ Чжиу. Цзиньдай наси цзу дэ лиши фачжань. (Развитие истории наси в новое время) 近代纳西族的历史发展 // Лицзян вэньхуа цзыляо. Лицзян, 1984. №7. С.34
185. Хэ Шихуа. Насицзу дэ цянйи юй жунхэ. (Миграция и соединение народа наси). 纳西族的迁移与融合. Куньмин, 2007
186. Хэйбай чжи чжань. («Война чёрных и белых»). 黑白之战. Куньмин, 1999.
187. Цзинь шэнь чжи лу — наси цзу дунба шэнь лу ту. 近神之路 - 纳西族东巴神路途 (Дорога на Небеса) народа наси – текст дунба). Куньмин, 2001.
188. Цзю си бао чжи. 剧戏报纸. (Газета «Театр»). Пекин, с.1956, №7, с.42
189. Цзян Инлян. Кан чжань дэ синань миньцзу вэньти (Проблемы юго-западных национальностей в период войны сопротивления) 抗战的西南民族问题. Чунцин, 1938.
190. Цзян Чжуи. Наси юй гайкуан. (Обзор языка наси) 纳西语概况 // Миньцзу юйвэнь, Пекин, 1980, №3, С. 59-73
191. Цзяньшэ хэ фачжань дэ цзибэнь цинкуан. (Основные положения строительства и развития) 建设和发展的基本情况. <http://www.sky.yn.gov.cn/bygk/fzls/6103323644549308602> (1.02.2019)
192. Цюнь Хуэй. Во го шаошу миньцзу дэ цзунцзю синьян. (Религиозные верования малочисленных народов Китая). 我国少数民族的宗教信仰 // Чжунго миньцзу. 1962. №4. С.11
193. Цянцзу. (Народ цян) 羌族.. Урумчи, 2009.
194. Чжань Минган. Насицзу чуаньгун вэньхуа дэ сюэсяо цзяоюй чуаньчэн (Передача будущим поколениям традиционной культуры наси в школьном образовании. 2008) 纳西族传统文化的学校教育传承. <http://epc.swu.edu.cn/article.php?aid=3816&rid=4>
195. Чжан Цзянь, Ма Лань. Чжу хун цзюньсу яньцзю дэ фачжань. (Развитие исследований гипокреллина) 朱红菌素研究的发展 // Юньнань дасюэ сюэбао (цзыжань кэсюэ бань), Куньмин, 2003, №25, С.184-188.
196. Чжан Цзюньфан. Люэтань насицзу миньцзянь вэньсюэ (Краткое обсуждение народной литературы наси) 略谈纳西族民间文学 // Сысян чжаньсянь, Пекин, 1978 №5, С.31
197. Чжан Чжэнжун, Ху Этао. Миньсу вэньхуа юй Лицзян гучэн люйю кайфа (Туристическое развитие фольклорной культуры и древнего города Лицзяна) 民俗文化 与丽江古城旅游开发. // Чжунго цзити цзинцзи. Пекин, 2008 (19), С.139-140.
198. Чжан Чэнсуй. Нинлан наси цзу дэ муси цзятин (Матриархальная семья народов наси Юннина) 永宁纳西族的母系家庭. // Шесюэ юэгань, 1965 №7, С. 30-38
199. Чжань Минган. Насицзу чуаньгун вэньхуа дэ сюэсяо цзяоюй чуаньчэн. (Передача будущим поколениям традиционной культуры наси в школьном образовании). 纳西族传统文化的学校教育传承. Пекин, 2008.
200. Чжао Интан. Юйлун цзюхуа синьбянь. (Новая редакция старинных рассказов

- Юйлун) 玉龙旧话新编 (Новая редакция старинных рассказов Юйлун). Куньмин, 1984.
201. Чжао Синьюй. Насицзу юй цзанцзу лиши гуаньси янюцзю (Исследование истории отношений народа наси и тибетцев). 纳西族与藏族历史关系研究 Сычуань дасюэ, 2003.
202. Чжао Сяомэй. Юйлун сянь цзян дуй Бэйюэ мяо шиши баоху вэйсю. (Уезд Юйлун возьмёт под охрану и отреставрирует храм Бэйюэ). 玉龙县将对北岳庙实施保护维修 <http://www.ljta.gov.cn/news/11984.html> (1.02.2019)
203. Чжао Тяньмин, Чжао Синь. Люэлунь наси цзу дунба ияо дэ тэдянь. Коротко об особенностях медицины дунба народа наси) 略论纳西族东巴医药的特点 // Чжунго миньязу ияо цзачжи, Хух-Хото, 1999, №1, С.4
204. Чжоу И. Наси цзу цзяюй ши жэньу тань. (Беседы о деятелях в истории образования народа наси) 纳西族教育史人物谈 // Синань цзяюй луныцун. Куньмин. 2000, №6. С.36
205. Чжоу Хуашань. У фу у фу дэ году и чуннань бу цинной дэ муси мосо. (Страна без отцов и мужей — матриархальная семья мосо) 无父无夫的国度 — 重男不轻女的母系摩梭. Пекин, Гуанмин жибао чубаньшэ. 2001.
206. Чжоу Цзин. Наси цзу чуаньтун шэнтай сяньцзай сяндай шэнтай вэньмин цзяньши чжун дэ цзици цзююн. (Позитивное значение традиционных экологических взглядов народа наси в деле строительства экоцивилизации). 纳西族传统生态观在现代生态文明建设中的积极作用 // Лицзян шифань гао дэн чжуань кэсюэ сясюэ бао, 2015. №2. С.36-41
207. Чжоу Цзюньхуа. Му ши тусы шици наси цзу чжэнчжи вэньхуа дэ тэчжэн цзици лиши цзююн. 木氏土司时期纳西族政治文化的特征及其历史作用(Специфика политической культуры народа наси в период правления клана Му, а также его историческая роль) // Сюэшу таньсо. Куньмин, 2007, №1. С.119-124
208. Чжоу Чжишэн. Миньго шици лицзян шанши дэ насицзу саонюй (Женщины наси в торговле в Лицзяне Республиканского периода). 民国时期丽江商界的纳西族妇女 // Сысян чжаньсянь, 1998№12. С. 85
209. Чжоу Юань. Шилунь насицзу байши чунбай. (По поводу поклонения наси белому камню). 诗论纳西族白石崇拜 // Юньнань шифань сюэюань. 2001, №3, С.80-81.
210. Чжунго гэ миньцзу юаньши цзунцзю. (Традиционные верования народов Китая). 中国各民族原始宗教 Шанхай, 1993.
211. Чжунго гунчаньдан лиши сюэси цанькао цзыляо (Справочные материалы по изучению истории КПК) 中国共产党历史学系参考资料. Пекин, 1961. Кн.1.
212. Чжунго жэнькоу чжи фэньбу — чу тунцзибао юй мидуту. (Распределение населения Китая — статистические таблицы и диаграммы плотности) 中国人口值分布 - 出统计包与密度图 // Dili хуэбао. 1935. Вып. 2. С. 51-64.
213. Чжунго синань миньцзу ши (История юго-западных народов Китая). 中国西南民族史 Юньнань чубаньшэ, 1985.
214. Чжунго юйвэнь. (Языки Китая). 中国语文 // Юйянь цзяньшэ, 1952. №1. С.4
215. Чжунхуа жэньмин гун хэ го миньцзу цюйюй цзычжи шиши ганяо (План реализации районной автономии в КНР) 中华人民共和国民族区域自治实施纲要 // Цзянси чжэнбао, 1952(8).

216. Чжунго кэсюэюань миньцзу яньцзюсо юньнань шаошу миньцзу шэхуэй лиши дяоча цзу наси цзу цзяньши цзяньчжи (Исследовательский институт общества и истории нацменьшинств Юньнани КАН: краткий очерк истории и описание народа наси) 中国科学院民族研究所云南少数民族社会历史调查组纳西族简史简志. Чжунго кэсюэюань миньцзу яньцзюсо, 1963.
217. Чжундянь сянь чжи. (Описание уезда Чжундянь). 中甸县地方志. Куньмин, 1997
218. Чэн Сянцзюнь. Юньнань цайфэн сяо цзи (Небольшие заметки о народных обычаях Юньнани) 云南采风小记 // Жэньминь иньюэ, 1961№12, С. 29-30
219. Чэнь Нань. Туфань юй Наньчжао цзи Эрхэ чжумань гуаньси цункао Собрание исследований отношений Тибета и Наньчжао с варварами Эрхая) 吐蕃与南诏及洱河诸蛮关系丛考 // Цзан ши сункао, 1998
220. Чуаншици. (Сотворение мира). 创世纪. Куньмин, 1978.
221. Ши Чжихоу. Дунба даба цзотаньхуй цзай Лицзян цзокай (В Лицзяне состоялась конференция дунба и даба) 东巴大巴座谈会在丽江做开// Юньнань шэхуй кэсюэ, Куньмин, 1983, №3, С.118
222. Ши Цзяньцзюнь. Хубиле юй Юньнань. (Хубилай и Юньнань). 忽必烈与云南 Куньмин, 2005.
223. Ю Чжун. Юньнань миньцзу ши. (История народов Юньнани). 云南民族史 Куньмин, 2009.
224. Юань Сююнь. Люйюкайфа дуй чуаньтун миньцзу вэньхуа дэ инсян — и наси цзу вэй ле. (Влияние развития туризма на традиционную народную культуру — на примере народа наси) 旅游开发对传统民族文化的影响——以纳西族为例 // Ганао цзинци. Гуандун, 2014(23). С. 19-20
225. Юйлун наси цзу цзычжи сянь гай куан. (Сведения о Юйлун-Насиском автономном уезде) 玉龙纳西族自治县概况. Пекин, 2008.
226. Юнь Гуй цюйюй шичан яньцзю. (Изучение регионального рынка Юньнани и Гуйчжоу (1889-1945)) 云贵区域市场研究 (1889-1945). Сямэнь, 2007.
227. Юньнань шэн жэньминь чжэнфу тунбао (Информационный бюллетень народного правительства провинции Юньнань) 云南省人民政府通报 // Юньнань чжэн бао, Куньмин, 1950, №6, С.110
228. Юньнань шэн жэньминь чжэнфу дуэй цинли сыцзю нянь гунлян вэйцян дэ цзайсы чжиши (Очередные указания Народного правительства провинции Юньнань о наведении порядка в отношении недоимков зерна в 1949 г.) 云南省人民政府對清理四九年公粮尾欠的再次指示// Юньнань чжэн бао, 1950. №6, с.118-119
229. Ян Линьцзюнь. Мин чжи Миньго шици наси цзу вэньхуа дили яньцзю. (Исследование культуры и географии народа наси с эпохи Мин до Республиканского периода). 明至民国时期纳西族文化地理研究. Чунцин, 2013.
230. Ян Линьцзюнь. Мин чжи Миньго шици наси цзу дицюй нун цзо ву чуаньжу цзици инсян. (Проникновение и влияние сельскохозяйственный культур в районы проживания народа наси с эпохи Мин до Республиканского периода) 明至民国时期纳西族地区农作物传入及其影响 // Нуне каогу. 2014. №6. С.32
231. Ян Фуцюань. Наси цзу юй цзанцзу лиши гуаньси яньцзю. (Исследование исторической связи народа наси и тибетцев). 纳西族与藏族历史关系研究. Куньмин, 2006
232. Ян Фуцюань. Дандай Юньнань наси цзу цзянь ши. (Краткая современная история народа наси Юньнани). 当代纳西族简史 Куньмин, 2012.

233. Ян Фуцюань. До юань вэньхуа юй наси шэхуэй. (Культурное многообразие и общество наси). 多元文化与纳西社会 Куньмин, 1998.
234. Ян Фуцюань. Хоуцзи.(Послесловие).后记
http://blog.sina.com.cn/s/blog_48a464120102dwpf.html (1.02.2019)
235. Ян Фуцюань. Хуэйи саньдо цзе, ицянь гэ наси жо ми ю ицянь чжун цзинцай. (Воспоминания о празднике саньдо, тысяча тайн наси — тысяча впечатлений). 多元文化与纳西社会 <http://www.vccoo.com/v/010668>
236. Ян Фуцюань. 略论纳西族的生态伦理观 (Рассуждения о теории народа наси на окружающую среду) // Юньнань миньцзу дасюэ сюэбао. 2008. №1. С.38-40
237. Ян Чжэнвэнь. Цзуйхоу дэ юаньши цзунбай – Байди дунба вэньхуа (Последняя первобытная религия – культура дунба Байди) 最后的原始宗拜 - 白堤东巴文化. Куньмин, 1999
238. Ян Шигуан. Лицзян шихуа. (Историческое описание Лицзяна). 丽江史话 Куньмин, 2010.
239. Ян Юйцай. Юньнань гэ миньцзу цзинцзи фачжань ши.(Экономическое развитие малочисленных народов Юньнани) . 云南各民族经济发展史. Куньмин, Юньнань миньцзу чубаньшэ. 1989.
240. Ю Чжун. Юань мин цин шици дэ наси цзу хэ лисуцзу (Народ наси и лису в эпохи Юань, Мин и Цин) 元明清时期的纳西族和傈僳族 (Народ наси и лису в эпохи Юань, Мин и Цин)// Юньнань шэхуэй кэсюэ, 1986 №3. С. 62,63
241. Ю Чжун. Юньнань миньцзу ши (История народов Юньнани) 云南民族史. Куньмин, 2009.
242. Юйлун наси цзу цзычжи сянь гайкуан. (Общие сведения о Юйлун-Насийском автономном уезде) 玉龙纳西族自治县概况. Пекин, 2008.
243. Юйлун сянь наси дунба вэньхуа шуцзыхуа баоху чуаньмэй чжунсинь (Медиа-центр уезда Юйлун по защите и оцифровыванию наследия культуры дунба).. 玉龙县纳西东巴文化数字化保护传媒中心 (2011).
<http://www.yulong.gov.cn/item/5451.aspx> (1.02.19)
244. Юн кэцзи синьсихуа цзишу чуаньчэн “шицзе цзии ичань” дунба вэньхуа. (Использование технологий научно-технической информатизации для передачи «Наследия памяти мира» культуры дунба) 用科技信息化技术传承“世界记忆遗产”东巴文化 // Бэйцзин ваньбао. 2014.10.12. <http://www.takefoto.cn/viewnews-191634.html> (1.02.2019)

Интернет-ресурсы

На китайском языке

245. <http://www.seac.gov.cn> Госкомитет КНР по делам национальностей
246. <http://www.stats.gov.cn> Национальное бюро статистики КНР
247. <http://www.lijiang.gov.cn/> Правительство Лицзяна
248. <http://www.ljrbw.com> Газета «Лицзян жибао».
249. <http://www.11467.com/lijiang/co/186.htm> Бюро по управлению религиозными делами района Лицзян провинции Юньнань.
250. <http://www.sky.yn.gov.cn/> Академия общественных наук провинции Юньнань
251. <http://www.ljta.gov.cn/> Комитет развития туризма в Лицзяне
252. <http://www.yulong.gov.cn/> правительство Юйлун-Насиского автономного уезда